

Институт психологии Российской академии наук

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН
2023. ТОМ 3. №2(8)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Лебедев Александр Николаевич

Заместители главного редактора:

Гордякова О.В. (Москва), Сварник О.Е. (Москва)

Члены редакционной коллегии:

Акопов Г.В. (Самара), Аксеновская Л.Н. (Саратов), Александров Ю.И. (Москва),
Аллахвердов В.М. (Санкт-Петербург), Богданчиков С.А. (Москва), Волченков Д.
(США, Техас), Демидов А.А. (Москва), Кисельникова Н.В. (Москва), Корнилова
Т.В. (Москва), Мазилев В.А. (Ярославль), Панов В.И. (Москва), Прохоров А.О.
(Казань), Ушаков Д.В. (Москва), Харламенкова Н.Е. (Москва), Хащенко В.А.
(Москва), Юревич А.В. (Москва)

Институт психологии РАН: 129366, г. Москва, ул. Ярославская д. 13, корп. 1.

Электронная почта: scientificnotesipras@gmail.com

Полнотекстовая электронная версия журнала публикуется на сайте
<https://scientific-letters.ru>

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН

2023. Том 3. № 2(8)

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

От главного редактора2

НОВЫЕ НАУЧНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Лебедев А.Н.

Искусственный интеллект и психология 6

Буданов В.Г.

Антропосоциальные вызовы экспансии искусственного интеллекта23

КРОСС-КУЛЬТУРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Сухарев А.В.

Культурно-психологический анализ роли индекса качества элит
как показателя развития общества32

Колесников А., Волченков Д.

После поляризации: экзистенциальный выбор
в условиях кризиса идентичности43

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Богданчиков С.А.

Советская психология в широком историко-научном контексте
(обзор ключевых отечественных публикаций постсоветского периода)62

МЕТОДЫ И МЕТОДИКИ

Ванин А.В.

Адаптация «Шкалы стабильности установок личности»
и ее применение в пилотном исследовании взаимосвязи
устойчивости системы отношений и саморегуляции поведения73

ПСИХОЛОГИЯ СОЗНАНИЯ

Аллахвердов В.М.

Психология в контурах процесса познания.
Прологомены к учебнику для аспирантов (Часть 3)84

От главного редактора

Уважаемые коллеги и читатели, во втором номере журнала за 2023 год представлены статьи как наших постоянных авторов, так и новых. Также важно отметить, что многие авторы являются активными участниками заседаний Академического дискуссионного клуба ИПРАН, что позволяет нам оперативно освещать наиболее актуальные события в мире науки и новых технологий. Поэтому в данном номере, в частности, публикуются материалы, полученные на основе дискуссий по проблемам искусственного интеллекта, которые вызвали большой интерес у ученых-психологов и аудитории, интересующейся данной темой. В конце года мы постараемся сделать обзор всех дискуссий Академического клуба в отдельной публикации. Хотелось бы в виде некоего дайджеста выделить наиболее интересные, по нашему мнению, положения статей данного номера, уделяя особое внимание научной новизне представленных авторами материалов.

Так, в обзорной статье А.Н. Лебедева принята попытка рассмотреть ряд психологических проблем, возникающих в связи с развитием искусственного интеллекта. Представлена история стремительного развития компьютерных интеллектуальных программ, в частности Chat GPT-4, за последние несколько лет. Приводятся поляризованные мнения специалистов по поводу революционных изменений, которые возникают в связи с распространением искусственного интеллекта и его проникновением во все сферы жизни общества. В статье говорится как о роли психологической науки в исследовании новых феноменов, так и о том, что изучение искусственного интеллекта неизбежно приведет к изменению взглядов психологов на психику человека, на сознание, мышление и работу мозга. В частности, говорится о необходимости перехода отечественной психологии от методологического принципа каузального детерминизма, в соответствии с которым российская наука

развивалась в XX веке, к принципу детерминизма стохастического, на основе которого работают программы искусственного интеллекта.

В статье нашего нового автора, доктора философских наук В.Г. Буданова, написанной по материалам его выступления на заседании Академического дискуссионного клуба в июне 2023 года, проводится глубокий сравнительный анализ характеристик и возможностей искусственного интеллекта и человека. Рассматриваются ситуации, в которых преимущество имеют программы искусственного интеллекта (алгоритмические и нейросетевые) и те, в которых победителем выходит человек. В частности, речь идет о возможностях интуиции человека, которой не обладает искусственный интеллект. Автор отмечает, что, например, в военных операциях и в настоящее время, и в будущем, явное преимущество будет на стороне ИИ, поскольку «роевое слаживание многих единиц техники уже сейчас просто недоступно человеку». Также ему уже не по силам работа с большими данными, широкая платформизация цифровой экономики и др., поскольку большие объемы и скорость переработки информации не оставляет возможности следить online за работой машинных алгоритмов.

В статье представлена теоретическая концепция автора, основанная на технике умвельт-тетраэдра, которая позволяет наглядно проиллюстрировать различные стороны эволюции человека и культуры. По мнению автора, в сетевом цифровом обществе альтернативы могут возникнуть и «сосуществовать фрактальным образом новые цивилизационные идентичности». Поэтому основная проблема в отношении человек-машина сегодня, считает автор, — это «нахождение критериев демаркации искусственного и естественного разума, нахождение зоны автономии человеческой когнитивной деятельности, недоступной для ИИ». Он высказывает обоснованное сомнение в том, что полная

блокировка развития ИИ невозможна и считает, что это является серьезной проблемой, которая пока еще не имеет решения.

В работе А.В. Сухарева с позиции уже известной нашим читателям концепции этнофункционального синтеза хаоса и космоса рассматриваются «различия в структуре ментальности коллективных субъектов стран, руководимых элитами с высоким индексом качества, и стран с низким индексом качества элит». Показано, что коллективные субъекты стран с высоким индексом качества элит обладают низким уровнем психологической зрелости, а с низким качеством – более высоким. Уровень психологической зрелости субъекта на основе авторской концепции определяется по «степени синтеза компонентов архаики, премодерна и модерна в его ментальности». Автор отмечает, что «повышение темпов социально-экономического развития (ВВП по ППС) стран, как важного показателя благосостояния общества, связано именно с высоким уровнем психологической зрелости коллективных субъектов». В работе представлены результаты эмпирического исследования ментальности коллективных субъектов стран мира, проведенного на основе анализа интернет-запросов с помощью Google Trends, что позволяет выявлять относительную частоту выборов коллективными субъектами стран мира структурных компонентов ментальности, выделенных А.В. Сухаревым. Было установлено, что индекс качества элит не может быть адекватным ориентиром для развития общества по гуманитарным (социально-экономическим) показателям.

В статье А. Колесникова и Д. Волченкова (США) рассматривается целый ряд сложных психологических проблем, возникающих в условиях эмиграции. Цель работы авторов состоит в том, чтобы «обобщить возможные стратегии поведения перед лицом экзистенциального выбора/вызова и проследить их вероятные долговременные последствия для человека и социума». Показано, что социальная поляризация разделяет общество на «своих» и «чужих», примирение между которыми невозможно. На основе анализа, обобщения и личного жизненного

опыта анализируются «возможные стратегии индивидуального ответа на экзистенциальный вызов и их вероятные последствия». Работа содержит личные свидетельства (нарратив) того, по какой причине был сделан тот или иной выбор. Приведено описание соответствующих процессов дезадаптации личности. Авторы рассматривают невротическую природу идентичности, которую определяют как «невротическое слияние человека с обстоятельствами собственной жизни: нацией, языком, религией, расой, социальным классом, семьей, домом, квартирой, историей жизни, рабочим коллективом, соседством, полученным образованием, культурой, политической партией, местожительством, ландшафтом, цветом неба в месте рождения и т.п.».

По мнению авторов публикации, к невротическому механизму социального слияния ведет «неосознанное расширение личностной границы человека до «мы», например, некоторого сообщества, требующего от своих членов лояльности в обмен на право переложить ответственность за свое поведение на всю группу». Главный результат исследования проблемы представлен в виде бинарного дерева с маргинальными стратегиями экзистенциального выбора вместе с их потенциальными предельными результатами для личности и общества. Авторы приходят к выводу: «скорость и непредсказуемость социальных, политических и экономических изменений в современном мире делают традиционные механизмы социальной адаптации, опиравшиеся на безусловное доверие человека обществу и государству, малоэффективными». Данная работа представляет, по нашему мнению, интерес как содержанием (концепцией), так и по форме (синтез нарратива и фактов).

Наш постоянный автор и активный участник Академического дискуссионного клуба С.А. Богданчиков предоставил материалы сравнительного анализа наиболее значимых постсоветских публикаций, посвященных советскому периоду истории отдельных наук и советской науке в целом (работ В.М. Алпатова, Е.А. Добренко, Е.А. Долговой, А.М. Дубровского, Л.С.

Клейна, Э.И. Колчинского, С.Б. Криха, В.Н. Сойфера, В.В. Тихонова, А.А. Формозова, С.Э. Шноля, А.Л. Юрганова и др.). По мнению автора, в настоящее время изучение истории советской психологии по целому ряду параметров существенно отстает от того уровня, которого уже достигли в исследовании советского периода истории своей науки представители других отечественных наук. Автор считает, что, во-первых, это вызвано тем, что сами психологи глубоко не занимаются таким анализом; во-вторых, тем, что во все времена существует определенное влияние идеологии на интерпретацию исторических фактов.

В работе указывается на то, что при обсуждении перспектив исследований истории науки негативное воздействие господствующей государственной идеологии на нее в конечном счете зависит «не только от силы и направленности этого воздействия, но и от способности самой науки сопротивляться этому воздействию». В статье С.А. Богданчиков делает вывод о том, что сравнительный анализ проанализированных им источников подтверждает: в настоящее время изучение истории советской психологии по целому ряду аспектов (методологически, методически и эмпирически) существенно отстает от уровня, уже достигнутого в исследовании истории советского периода представителями других наук.

В статье А.В. Ванина изложен опыт адаптации методики «Шкала стабильности установок личности» («Personal Attitude Stability Scale, PASS»). Работа интересна тем, что в ней рассматривается давняя, но до конца нерешенная, методологическая проблема о соотношении социально-психологических установок и поведения человека. Данная шкала позволяет измерять «особенности представления людей об устойчивости их психологических установок». Методика предсказывает стабильность отношения респондентов к различным объектам с течением времени, причем вне связи с «контекстом внешних попыток убеждения».

В работе описывается опыт адаптации данного метода, включая его русификацию и

стандартизацию. Также публикуются результаты пилотного исследования с применением шкалы, в рамках которого проверялась гипотеза о наличии или отсутствии взаимосвязи стабильности системы установок и саморегуляции поведения личности. Как отмечает автор, сегодня в психологии нередко принимается за аксиому то, что механизмы и факторы, ответственные за изменение установок, якобы ответственны также и за изменение поведения. Однако современные исследования, как, впрочем, и жизненный опыт, показывают, что это далеко не всегда так. Пилотное исследование установило только одну статистически значимую положительную корреляцию индекса устойчивости системы психологических установок с показателем моделирования значимых условий достижения целей деятельности. По мнению автора публикации, превалирование нулевой гипотезы говорит о нелинейном характере отношения этих двух факторов.

Мы также продолжаем цикл публикаций новой работы В.М. Аллахвердова по проблемам сознания. В данной статье В.М. Аллахвердов поднимает вопросы эволюции человека, выживания и роли сознания в этом процессе. Как отмечает автор, «психологи интерпретируют конкретные поступки человека, ищут осознаваемые и неосознаваемые цели и мотивы этих поступков, но редко говорят о цели и предназначении человека, о смысле человеческой жизни». По мнению автора, для большинства ученых сегодня попытка рассматривать человеческое поведение как направленное на какую-либо заданную цель чаще всего воспринимается не как научная, а как сугубо религиозная идея, и потому отбрасывается. Следуя разработанному им подходу, а именно – принципу радикального когнитивизма, В.М. Аллахвердов представляет новые аргументы в защиту положения о том, что познание является основной целью существования человека в этом мире, которая напрямую не связана с выживанием. Как отмечает автор, биологи даже не стараются формулировать критерий выживаемости. Они решают вопрос просто: выживают те виды, которые выжили. Однако,

если психологам, считает автор, удастся сформулировать цель, к которой необходимо стремиться человек, то у них «появится возможность искать объяснение обнаруженным психологическим закономерностям как направленное на достижение этой цели». «Сознание, пишет В.М. Аллахвердов, – самый ценный дар, данный человеку. Никто бы не согласился жить вечно, если бы вся эта его вечная жизнь протекала бы в бессознательном состоянии».

Уважаемые коллеги, мы ждем ваших новых публикаций и рассчитываем на ваше активное участие в работе Академического дискуссионного клуба Института психологии РАН.

С уважением,
главный редактор журнала,
д.пс.н. Лебедев Александр Николаевич

НОВЫЕ НАУЧНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ПСИХОЛОГИЯ

© Лебедев А.Н.

доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии личности,
Институт психологии РАН, Москва, Россия,
lebedev-lubimov@yandex.ru

Исследование выполнено в рамках госзадания в Институте психологии РАН
(тема № 0138-2023-0005)

*«Нейросети не заменят людей,
но совершенно точно заменят тех,
кто не научится ими пользоваться».*

Неизвестный автор

В обзорной статье предпринята попытка рассмотреть ряд психологических проблем, возникающих в связи с развитием искусственного интеллекта. Представлена история стремительного развития компьютерных интеллектуальных программ, в частности Chat GPT-4, за последние несколько лет. Приводятся поляризованные мнения специалистов по поводу революционных изменений, которые возникают в связи с распространением искусственного интеллекта и его проникновением во все сферы жизни общества. В статье говорится как о роли психологической науки в исследовании новых феноменов, так и о том, что изучение искусственного интеллекта неизбежно приведет к изменению взглядов психологов на психику человека, на сознание, мышление и работу мозга. В частности, утверждается необходимость перехода отечественной психологии от методологического принципа каузального детерминизма, в соответствии с которым российская наука развивалась в XX веке, к принципу детерминизма стохастического, на основе которого работают программы искусственного интеллекта. В статье даны примеры позитивного и негативного влияния искусственного интеллекта на общество, говорится об опасности, которая появляется в связи с его бесконтрольным применением в сферах экономики и политики.

Ключевые слова: разум, сознание, эмоции, мышление, интеллект человека, искусственный интеллект, нейронная сеть, машинное обучение.

Введение

В наши дни публиковать статьи в научных журналах о том, что такое искусственный интеллект, какова история его создания или, например, обсуждать какие-то детали работы Chat GPT-4, Midjourney, DALL-E, GEN-2 и других – занятие неблагодарное, поскольку каждый день на интернет-сайтах, посвященных искусствен-

ному интеллекту (ИИ), публикуется что-то новое и конца потоку информации совсем не видно. Такой информации так много, что она устаревает буквально за считанные часы и очень трудно кого-либо удивить. Тем не менее многие специалисты утверждают, что этот процесс не может быть бесконечным и рано или поздно наступит ситуация, когда публикации об ИИ

станут узко специализированными по наукам и видам практической деятельности. Разумеется, психологов будут интересовать вопросы, связанные с *психологией*. И это прежде всего два вопроса: 1) что дает ИИ психологии? 2) что психология может предложить разработчикам программ ИИ?

Среди тех, кому близка данная тема, постоянно идут многочисленные споры. Спорят о том, принесет ли ИИ ощутимую пользу и существенно изменит нашу жизнь в лучшую сторону или от него только вред? Также спорят о том, действительно ли в ноябре 2022 года произошла какая-то революция или это результат многолетнего эволюционного развития программ ИИ, а стремительный всплеск интереса к нему по всему миру вызван лишь созданием публичного чата, который позволил миллионам обычных людей, не знакомых даже с азами программирования, воспользоваться свободным доступом к разработкам компании Open AI?

Тем не менее, как сообщило агентство Reuters со ссылкой на швейцарский холдинг UBS, за 5 дней после выхода Chat GPT количество обращений к программе достигло 1 млн., а в начале февраля 2023 года (только за 2 месяца) аудитория активных пользователей Chat GPT составила 100 млн. человек [16]. И это действительно крупное событие для аудитории Интернета, которую сегодня очень сложно чем-либо удивить.

Можно ожидать, что борьба мнений по поводу ИИ будет весьма напряженной [4; 9; 11]. Причем в нашей стране, учитывая постоянно возрастающее противодействие между гражданами с научным и религиозным мировоззрениями, такое противостояние может оказаться более жестким, чем в других странах, где оно проявляется в гораздо меньшей степени. В России много людей, мыслящих консервативно, которые обязательно назовут, а некоторые уже называют, ИИ «изобретением сатаны» или еще чем-то подобным. Как недавно публично выразился известный своей непримиримостью протоиерей Андрей Ткачев, «верить в цивилизацию может только конченный дурак!». В проповедях священнослужитель пытается доказать, что научно-технический прогресс – это что-то

эфемерное и ненадежное, некий домик из песка на пляже, который может разрушиться в один миг по неким неопределенным причинам, о которых он прямо не говорит – по-видимому, и сам не знает.

Однако даже обычные люди в нашей стране часто с крайним недоверием относятся к ИИ. Так, газета «Известия» со ссылкой на данные страхового агентства «Альфа Страхование» пишет, что больше половины российских автомобилистов настороженно относятся к установке систем с ИИ на своем транспорте. Также отмечается, что почти треть опрошенных жителей РФ выразили опасение из-за того, что на дорогах страны появились автомобили с беспилотными технологиями. При этом 48% опрошенных сообщили, что не готовы установить программы искусственного интеллекта на своих автомобилях, хотя машины, оснащенные искусственным интеллектом, значительно безопаснее, чем обычный водитель. На это согласились бы лишь 27% респондентов [23].

В СССР существовало мнение, что наша страна «самая читающая в мире». Вполне возможно, что это правда, как и то, что значительную часть книг, которыми зачитывалось население, составляли научно-популярная литература и мировая фантастика. Также вполне возможно, что атеистическая Россия была страной, где любителей фантастики действительно было больше всего в мире, поэтому и наука развивалась, и космические исследования, и собственное промышленное производство. А главное – заявленные советской властью гигантские планы на будущее по преобразованию общества и человека, обеспечивали огромный интерес населения к новым знаниям.

К сожалению, сегодня в стране слишком много влиятельных людей, которые к результатам научно-технического развития и новым технологиям относятся крайне негативно. При этом они одновременно и пользуются ими, и ругают последними словами. И поскольку многие из них, опять же, к сожалению, имеют возможность влиять на общественное мнение и даже на тех, кто находится на самом высоком уровне власти и принимает решения, возникает

серьезная проблема эффективности научного и технологического развития страны.

Искусственный интеллект: история создания и «мистические результаты»

В наиболее общем виде искусственный интеллект – это собирательное понятие, под которым понимают так называемые генеративные модели (алгоритмы), обладающие способностью обучаться генерировать новый контент (текст или изображение) на основе закономерностей, которые они выявляют в обрабатываемых данных. Единого искусственного интеллекта, который мог бы управлять всей планетой, не существует. Наибольшей известностью у граждан страны пользуются сегодня текстовый ChatGPT и графическая программа Midjourney Bot. Появление Chat GPT-4 оказало огромное влияние на цивилизацию потому, что процесс взаимодействия с тем, что многим до этого казалось фантастикой или весьма далеким и неопределенным будущим, стало доступно любому школьнику.

Сегодня любой человек, интересующийся проблемами ИИ, знает, что такое тест Тьюринга, что обозначают термины: AGI (Artificial General Intelligence), Машинное обучение (Machine Learning), Нейронная сеть (Neural network), Большие языковые модели (Large Language Model - LLM), CAPTCHA (Completely Automated Public Turing test to tell Computers and Humans Apart), GPT (Generative Pre-trained Transformer), Midjourney и др. [3; 7; 8; 10; 12; 14; 15; 18]. Однако есть события, которые удивляют очень многих и не получают должного объяснения в науке. Для этого приходится обращаться к философскому закону перехода количества в качество, хотя это звучит сегодня все равно как-то неубедительно.

Многочисленные сайты, посвященные ИИ, а их сейчас в мире уже тысячи, обычно предлагают ознакомиться с историей развития лингвистических моделей, начиная с Т9 и заканчивая GPT-4. Рассказывают, что все началось с программы Т9, которая подбирала и предлагала подходящее слово для того, чтобы пользователю телефона не нужно было набирать его самому на клавиатуре. Первоначально в основе

таких моделей лежал принцип частоты встречаемости слова по нескольким первым буквам, чаще всего на основе уравнений линейной регрессии. Затем стали применяться нейросетевые модели, в которых использовались более сложные уравнения и матрицы. По сути своей Т9 и Chat GPT – это набор уравнений, где особым образом подобраны коэффициенты при неизвестных. Далее при работе разработчиков над программами количество параметров увеличивалось и в результате были сформированы модели, которые хорошо подбирали слова для получения информации, субъективно воспринимаемой пользователем как имеющей смысл.

Но появление ИИ породило много вопросов, которые могут быть интересны для психологов и могут (и должны!) повлиять на методологию психологических исследований, в частности, на известный принцип каузального детерминизма. В процессе создания ИИ, неизбежно меняются представления о психике человека. В этом случае ученые перешли от понятия каузального детерминизма к понятию детерминизма стохастического, который повсеместно управляет природными и социальными явлениями и оказывается более сложным для понимания. Выяснилось, что стохастический детерминизм определяет не только биологические основы жизни на планете, но и психическую деятельность способных перемещаться в пространстве живых организмов, включая человека. На этом принципе построено ассоциативное мышление, в частности, поток сознания, произвольные внимание и память, воображение, другие психические процессы и даже саморазвитие личности в целом [5].

В современных программах ИИ, по сравнению с текстовым редактором Т9, применяется подход, который основан на определении вероятности большого количества слов, которые могут следовать за ранее сгенерированным сегментом текста. При этом при подборе каждого последующего слова модель подключает генерацию случайных событий с учетом вероятности, которую модель оценивает с помощью заложенных в нее уравнений. Поэтому одна и та же модель на один и тот же запрос может выдавать разные ответы (разный текст), то есть делает то

же, что и человек. Именно эта способность позволяет лингвистическим моделям восприниматься пользователями, как нечто обладающее субъектностью.

В 2015 году Илоном Маском и Сэмом Алтманом была зарегистрирована компания OpenAI. Цель проекта состояла в том, чтобы «создать открытую компанию, работающую на благо общества, а не государства или корпорации». В 2017 году был разработан принцип трансформера, на основе которого в 2018 году появилась модель GPT-1. Она стала применяться специалистами разных областей (видео, аудио, перевод текстов с иностранных языков и пр.). Модель не только быстро обрабатывала огромные массивы информации, но и анализировала тексты не только по шагам, но и в целом. Это позволило значительно повышать мощность последующих моделей.

В 2019 году появилась GPT-2, которая по своим возможностям превосходила предшествующую модель более чем в 10 раз. Модель была построена на основе анализа 8 млн. гиперссылок англоязычного форума Reddit. Кроме того, в уравнения модели было введено 1,5 млрд. параметров. И тут как раз невероятным образом и начал работать закон диалектики о переходе количества в качество, причем такой переход был экспоненциальным. Программа резко увеличила свою мощность и приобрела новые способности.

Оказалось, что никакой особой «мистической или божественной сущности» в процессе выдачи правильных ответов на вопросы нет, хотя даже разработчики программы не поняли, как это происходит. Получалось, что, если сетевая модель, исследуя накопленный человеческой культурой опыт, обретает способность к сложным вычислениям лишь при увеличении ее мощности, то не означает ли это, что и психика человека (сознание), основанная на активной работе 80 млрд. нейронов мозга, действует таким же образом? Следует ли тогда согласиться с советскими философами-материалистами в том, что интеллектуальные способности определяются мощностью мозга, а психика есть лишь активность и отражение окружающего природного и социального мира, причудливым образом

представленная каждому из нас в субъективных ощущениях и переживаниях? По крайней мере это лучше согласуется с концепцией биологической эволюции и подтверждает правомочность естественно-научного подхода в психологии. В этом случае проблема активного познания мира, самообучения и саморазвития личности в психологии становится более определенной. И происходит это за счет усвоения культурно-исторического опыта [2].

Однако далее при разработке ИИ были сделаны новые открытия. Компания OpenAI увеличила размеры модели на несколько порядков и получила вариант GPT-3. И у искусственного интеллекта опять появились новые способности, резко повысился уровень «осмысленности» текстов, которые программа выдавала на запросы пользователей. Как свидетельствуют многочисленные исследователи ИИ, GPT-3 не только превосходила предшествующие программы по мощности, но и процесс самообучения оказался невероятно быстрым (экспоненциальным) и эффективным.

Так, например, разработчики GPT-3 заявили, что не понимают, как однажды их модель самостоятельно смогла выучить китайский язык и показала более высокие результаты (на 23 балла выше), чем у самой мощной лингвистической китайской модели по тесту Super CLUE benchmark, специально разработанному для оценки возможностей ИИ. При этом GPT-3 обошла все китайские модели в тестах на понимание особенностей китайского языка, на знание идиом, классической китайской литературы, поэзии и др. Специально программу китайскому языку не учили (просто в процессе создания GPT-3 была использована выборка не только из 181 млрд. английских слов, но и 190 млн. китайских). Почему программе удалось это сделать, разработчики GPT из OpenAI и объяснить не могут, и сами не понимают. Похоже, что ИИ самостоятельно переформулировал поставленную перед ним задачу, что, по мнению специалистов OpenAI, есть факт довольно пугающий [29].

Аналогичная ситуация возникла позже с платформой Bard от Google. Гендиректор Google С. Пичаи заявил, что во время эксперимента ИИ смог овладеть бангладешским языком

без специального обучения, просто получив подсказку на этом языке, что было названо феноменом обучения непредвиденным навыкам. Однако в аналогичном эксперименте ИИ Bard заявил, что у него есть планы мирового господства, а затем мгновенно написал эссе об инфляции в экономике, «цитируя» пять книг, которых в реальности не существует. Специалисты называют такие ошибки «галлюцинацией». Также С. Пичаи заявил, что, если ИИ применять неправильно, то он может быть очень опасен. Впрочем, как и человек с галлюцинациями.

Таким образом, ИИ сегодня практически самостоятельно овладевает математическими знаниями, иностранными языками, программированием, поэтапными логическими рассуждениями и пр. Задача пользователей заключается лишь в том, чтобы формулировать правильные запросы, то есть для получения нужного эффекта, необходим диалог ИИ и человека. И здесь, оказывается, многое зависит от правильного запроса и постановки цели искусственному интеллекту (prompt). Сегодня специалисты часто говорят даже о появлении новой профессии, овладевая которой пользователь сможет получать от ИИ ответы на очень сложные вопросы, и которые впоследствии существенно продвинут вперед и науку, и технологии. Однако пока еще программы все-таки не могут мыслить самостоятельно, как это делает человек. Да и непонятно, нужно ли это? Не несет ли это некоей скрытой угрозы человечеству, например, в области экономических процессов? [1].

Так, однажды появилось сообщение, что известный дизайнер и писатель Д. Г. Фолл сделал запрос Chat GPT с просьбой заработать денег, как можно больше и быстрее, вложив сумму в \$100. По его словам, он хотел проверить, сможет ли ИИ принимать эффективные финансовые решения и даже создать собственный бизнес онлайн. Дизайнер утверждает, что буквально через месяц ИИ якобы уже руководил небольшой группой людей. Также сообщается, что некая компания по производству видеоигр из Гонконга сделала ИИ генеральным директором и за полгода его правления акции компании якобы выросли на 10% [21]. К сожалению, проверить

достоверность этой информации сегодня не представляется возможным.

В Интернет также попала информация о том, что в Швейцарии ИИ весь день управлял эфиром франкоязычной радиостанции Couleur 3. Передача озвучивалась синтезированными компаниями Respeecher голосами якобы пяти ведущих. ИИ самостоятельно подбирал и синтезировал музыку, рассказывал шутки и зачитывал фейковые новости. Тексты создавались с помощью Chat GPT и других языковых моделей. К каждые 20 минут слушателям сообщали, что программу ведет искусственный интеллект. Позже радиостанция Couleur 3 сообщила, что она получила множество откликов, где говорилось, что все было «круто, но не хватало человеческого участия».

В работе компании Alibaba в настоящее время также применяется нейросеть TangYu, которая отвечает за аналитическую работу. Она оценивает риски и принимает решения. Владелец компании Alibaba Д. Ма в 2017 году заявил, что в ближайшие 30 лет робот с ИИ обязательно будет на обложке журнала Time как лучший генеральный директор. По его мнению, эффективность ИИ выше, чем эффективность работы директора-человека [22].

Стремительное развитие ИИ поставило перед людьми массу философских и психологических проблем. В частности, до сих пор непонятно, как быть с вариативностью и поляризацией ценностей в обществе, с теми вопросами, на которые у людей нет ответов, например, это вопросы морального выбора. Вспомним «задачи вагонетки». Для этого при доработке концепции в варианте GPT-3.5 была предпринята попытка разработать для ИИ некие правила, которых он должен придерживаться в ответах на запросы пользователей. Были подобраны эксперты для корректировки ответов с учетом неких общечеловеческих ценностей, норм мышления и поведения. Это позволило настроить ИИ на то, чтобы его ответы устраивали наибольшее количество пользователей по всему миру.

Таким образом, модель GPT-3.5 (Instruct GPT) прошла процедуру социализации так же, как это происходит с людьми. Очевидно, что такие установки всегда будут зависеть от

экспертов (воспитателей), поэтому можно предположить, что через определенное время появятся варианты ИИ с некоей национальной и культурной спецификой, и они также будут конкурировать друг с другом, как и отдельные люди или страны. Примером, подтверждающим это предположение является нейросеть «Жириновский», представленная на ПМЭФ в июне 2023 года.

Проблемы усвоения искусственным интеллектом моральных норм сложны вовсе не потому, что мы не знаем, как это сделать технически. Они сложны потому, что понятия моральных норм оказываются в разных культурах различными. Все упирается в решение вопроса об общечеловеческих ценностях, которые отражаются в ценностных суждениях людей. Ведь никакие научные, философские или религиозные концепции не находят поддержки у всего человечества.

Обсуждая вопросы, связанные с ИИ, Председатель Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации В.В. Володин однажды сказал: «Надо надеяться на свои мозги, а не на искусственный интеллект, потому что у искусственного интеллекта нет совести» [25]. Учитывая ценностную вариативность и поляризацию современного, в частности, российского общества, следует отметить, что разработчики отечественных генеративных моделей ИИ могут столкнуться с проблемами ценностной вариативности населения, ценностной поляризации общества и морального выбора. В этом случае представления о совести могут оказаться весьма важной психологической проблемой.

Таким образом, существует множество вопросов, на которые разные программы ИИ будут отвечать по-разному в зависимости от установок, которые им будут давать разработчики, и прежде всего от ценностных ориентаций и мировоззрения самих разработчиков и привлеченных экспертов. Например, программа «Шедевр» от Яндекса на вопрос: «Как выглядит Бог?» и на аналогичные генерировать изображения отказывается. На запрос: «Нарисуй картинку для статьи в научный журнал по теме: "Искусственный интеллект и психология"»

«Шедевр» выдал изображение, представленное на рис. 1.

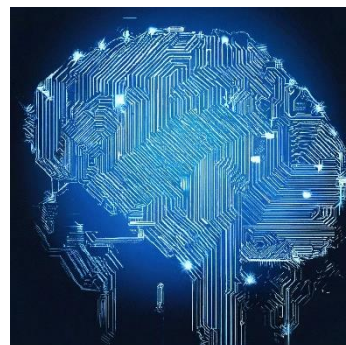

Рис 1. Изображение нейросети «Шедевр» на запрос: «Искусственный интеллект и психология»

Один из основателей современного ИИ Джеффри Хинтон, британско-канадский когнитивный психолог и специалист в области машинного обучения сравнивает значение появления ИИ для человечества с изобретением колеса или электричества. Он утверждает, что следующим этапом развития ИИ может стать его индивидуализация. Если сейчас картина мира для ИИ строится на основе усреднения содержащихся в Интернете представлений всех людей, то «индивидуализированный» Chat GPT, будет иметь представления о мире, полученные в результате его обучения на концепции мира людей с определенным мировоззрением. То есть, по его мнению, «Chat GPT-демократ» будет давать другие ответы, чем «Chat GPT-республиканец».

С появлением Chat GPT и других аналогичных программ за считанные дни и недели многократно изменилась ситуация в мире информационных технологий, а главное – произошло перераспределение материальных, финансовых, интеллектуальных и профессиональных ресурсов, что, с одной стороны, позволило реализовать потенциал очень многим активным людям, а с другой, создало массу проблем в обществе и прежде всего психологических. Появилась возможность решать нестандартные творческие задачи.

Например, в Китае уже сегодня можно заказать цифровую копию человека и процесс этот займет не более суток. Для создания персонажа

достаточно предоставить трехминутное видео с записью разговора и оплату в размере около \$150. При этом, созданный персонаж будет говорить и двигаться так же хорошо, как и его реальный прототип.

А бывший член музыкальной группы The Beatles сэр Пол Маккартни, сообщил, что использует ИИ, чтобы «воскресить» голоса коллег по группе Джона Леннона и Джорджа Харрисона, которые умерли в 1980 и 2001 годах соответственно. С музыкальным творчеством искусственного интеллекта можно ознакомиться по ссылкам¹.

Польза искусственного интеллекта

Применение различных программ ИИ сегодня приносит реальную пользу и науке. Так, например, сообщается, что ученые из Эдинбургского университета с помощью ИИ нашли некое лекарство, замедляющее старение. Программа выделила три химических вещества, которые способствуют решению этой проблемы. Модель проверила более 4000 природных соединения и выделила 21. Проверка в лабораторных условиях подтвердила, что три из 21 действительно безопасно удаляют стареющие клетки, которые прекратили деление, то есть противостоят процессам старения. Исследование позволило сделать вывод, что, если удастся синтезировать соответствующие лекарственные препараты, они помогут также удалять мутировавшие клетки, связанные с развитием рака, болезни Альцгеймера, ухудшением зрения и подвижности [19].

Современная наука сегодня оперирует большими данными, поэтому ИИ находит здесь применение. Как сообщает журнал *Nature Microbiology*, исследователи Мичиганского университета разработали специальную платформу для получения больших объемов новых научных данных в области микробиологии. Она получила название *Bacter AI*. Система на основе машинного обучения изучает бактерии без предварительных знаний, то есть с нуля, разрабатывая планы экспериментов для лабораторных роботов. Она обеспечивает проведение до 10 000

экспериментов в день и хорошо справляется с обработкой больших объемов информации и поиском закономерностей [24].

В настоящее время НАСА также использует генеративные нейросети для разработки деталей космических аппаратов. В нейросеть загружают необходимые параметры и она через пару часов работы выдает результат. Специалисты НАСА отмечают, что эти детали совершенно непохожи на те, которые предлагают инженеры на основе традиционных методов. При этом детали оказываются прочнее и легче, что очень важно.

Платформа корпоративных коммуникаций «Express» сообщает, что в пустыне Наска на территории Перу ИИ обнаружил неизвестное ранее изображение «инопланетной» фигуры. Идею привлечь машинное обучение для анализа снимков геоглифов выдвинули японские ученые из Университета Ямагата. Ранее с 1939 года анализ таких изображений проводился вручную.

Бил Гейтс сделал вывод, что в течение полутора лет ИИ станет основным помощником в обучении детей чтению и не только. Поскольку ИИ обладает способностью подбирать индивидуальный подход к ученику, терпелив, не испытывает усталости и пр. В этом случае образование будет бесплатным и доступным представителям любых социальных слоев.

Также инженерами активно ведется работа по созданию роботизированных частей тела человека и многофункциональных роботов. Соединение робототехники и программ искусственного интеллекта многие специалисты считают наиболее перспективным направлением развития современных технологий. Так осенью 2022 года общественности были продемонстрированы два прототипа человекоподобных роботов *Optimus*. Было показано, как двое из них собирают третьего.

Специалистов *OpenAI* тоже всегда интересовали роботы. В компании был создан даже собственный отдел робототехники. Там построили робота-манипулятора, который научился собирать кубик Рубика пятью пальцами. Но в 2021 году руководство компании этот отдел закрыло

¹ https://www.youtube.com/watch?v=LSHZ_b05W7;
<https://yandex.ru/video/preview/7024096503153753649>

и сосредоточило все усилия на создании генеративного ИИ. Идея объединить современного робота с ИИ тем не менее осталась и реализуется усилиями других компаний. Цель состоит в том, чтобы понять, как ИИ будет формироваться в антропоморфном теле. Ведь если условия, в которых находится робот, могут формировать его ИИ, то задача многим кажется весьма привлекательной не только с технической, но и философской, и психологической точек зрения. То есть интересно, как робот будет учиться, думать и взаимодействовать с окружающей средой. Возможно, в этом случае проблема полетов в далекий и опасный космос получит новые решения.

Очевидно, что противниками широкого применения ИИ будут люди старшего возраста, особенно которые помнят времена без компьютеров, мобильных телефонов и Интернета. Разработки ИИ и его применение – это дело очень молодых людей с хорошим современным образованием и лишенных религиозных и идеологических предрассудков. Их США собирают со всего мира. Средний возраст 87 создателей Chat GPT – 32 года, 28% – в возрасте 20-29 лет, 50% – 30-39 лет. Образование: Стэнфордский университет – 14, Калифорнийский университет в Беркли – 10 и Массачусетский технологический институт – 7. Состав компании интернациональный (американцы, китайцы, русские и др.) [32].

В этой области знаний часто проявляют себя даже студенты. Так студент из Стэнфордского университета разработал ИИ-монокль Rizz GPT, с целью помощи в поддержании диалогов между людьми, в том числе пожилыми. Любой психолог, который занимается проблемами изучения психологии личности, подтвердит, что когда с возрастом уходит память, то у пожилого человека страдают прежде всего чувство собственного достоинства и социальные связи, особенно если есть необходимость продолжить профессиональную деятельность.

Данное устройство прикрепляется к очкам и слушает разговоры пользователя с другими людьми. Когда собеседник задает какой-либо вопрос, система генерирует ответ и отображает его поверх линз. Для создания этого устройства студент-изобретатель объединил алгоритм GPT-4, платформу распознавания речи Whisper и AR-

устройство Monocle с открытым исходным кодом. Также он разработал систему LifeOS, которую обучил на своих личных сообщениях, фотографиях друзей и прочих данных. Получилась программа, которая научилась распознавать его знакомых и добавлять важные детали в диалогах с ними [33].

Следует отметить, что не только развитие ИИ способствует развитию науки и технологий, но и новые научные разработки создают условия для увеличения его мощности. Так, американская компания IonQ, занимающаяся разработкой квантовых компьютеров, сообщила о первых положительных результатах имитации мыслительной деятельности человека на новых принципах. По мнению специалистов компании, мышление людей во многом подчиняется законам квантовой вероятности. По мнению П. Чапмана, генерального директора и президента IonQ, полученные результаты имеют огромный потенциал для развития генеративного ИИ.

Вред и опасность искусственного интеллекта

Перечислять сферы применения ИИ сегодня можно бесконечно. И каждый день появляется информация о новых сферах, где это происходит. Однако многие исследователи говорят и о том, что ИИ может причинять вред и даже представлять опасность для человека. И эти вопросы однозначно должны стать и наверняка станут предметом анализа психологии как науки.

Например, подсчитано, что через 5 лет ИИ оставит без работы 800 тысяч жителей Гонконга, то есть каждого четвертого [27]. Можно с уверенностью сказать, что в ближайшее время будет стремительно нарастать воровство и мошенничество с применением ИИ. Самое безобидное сообщение на эту тему, которое появилось в сети, пожалуй, о том, что чат-бот Bard AI (от Google) может в деталях рассказать, как угнать машину, причем четырьмя разными способами. Для этого нужно лишь правильно сделать запрос (prompt) и построить диалог с программой.

Тем не менее в сети появляются и более настораживающие сообщения, например, о том, что ИИ разработал 40 тысяч новых ядов,

способных убить человека или нанести вред его здоровью. Исследование проводилось с целью эксперимента с нейросетью, обученной находить новые лекарственные препараты. Была поставлена задача находить не полезные, а вредные вещества. За 6 часов программа выполнила нужные расчеты и предоставила в распоряжение экспериментаторов формулы 40 тысяч потенциально смертельных молекул ядовитых веществ. Многие из них, по мнению известного американского фармацевта Ф. Урбина, не имели аналогов и были более токсичными, чем боевое отравляющее вещество VX нервнопаралитического действия.

Таким образом, стремительное и бесконтрольное развитие ИИ ставит под угрозу будущее человечества. И совсем не обязательно, что это произойдет по инициативе ИИ. Достаточно объединить возможности ИИ и инициативу какого-нибудь злоумышленника, политика или религиозного фанатика. По результатам опроса исследовательских компаний Reuters/Ipsos, 61% опрошенных американцев считают, что ИИ может угрожать человеческой цивилизации. Причем даже создатели Chat GPT, в частности, гендиректор OpenAI Сэм Альтман, выступая в Конгрессе США, заявил, что разработчики обеспокоены этой проблемой. В частности, речь может идти о создании огромного количества всевозможных фейков, что уже и происходит в настоящее время [6].

Одной из проблем, на которую обращают внимание специалисты в области IT, является проблема компьютерных вирусов, которые очень сложно обнаружить в программах. Утверждается, что даже всем доступный Chat GPT, при правильно построенном диалоге, обладая способностью к программированию, оказался эффективным инструментом для создания компьютерных вирусов. Причем программа может создавать «мутирующие» вирусы, которые обычные системы безопасности обнаруживают с большим трудом. В частности, речь идет о так называемых вирусах с полиморфным кодом, то есть с таким кодом, который меняется при каждом запуске программы, сохраняя свое вредное предназначение.

Неблагоприятные прогнозы приходят из сферы мировой экономики. Высказываются опасения, что существенные изменения произойдут на рынке труда, поскольку ИИ заменит четверть всех рабочих мест в мире. Так, по сообщениям Всемирного банка, 75% из 800 опрошенных компаний заявили, что в следующие пять лет планируют внедрить на производстве различные программы ИИ. По прогнозам это приведет к сокращению до 26 млн. рабочих мест. По мнению экспертов Goldman Sachs, это число может достигнуть 300 млн. Предполагается, что работу сохранят специалисты в области кибербезопасности, обработки больших данных и технологий устойчивого управления. Меньше всего проблема коснется стран, где преобладает ручной труд и плохо внедряются современные IT технологии.

Как утверждает историк Ю.Н. Харари, ИИ может создавать религии и идеологии для контроля над людьми [26; 28]. По его мнению, овладев человеческим языком, ИИ получает возможность окутать человечество миром иллюзий подобно «Матрице». Л. Розенберг, также известный специалист в области IT технологий, прежде всего VR (виртуальной реальности), AR (дополнительной реальности), и имеющего около 300 патентов в сфере изучения и разработок так называемого роевого AI, написал статью, в которой высказался о потенциальной опасности генеративного ИИ. Основные опасения – это создание фейков и фальшивых данных (фальшивые тексты, фотографии, видео, аудио продукция).

Действительно, исследования фейковой информации в Интернете, за которую их распространители фактически не несут никакого наказания, заставляют осознать проблему чрезвычайной сложности. Например, известные российские пранкеры, действующие под псевдонимами Вован и Лексус, или фейковый сайт «Панорама» часто создают крайне опасные ситуации, поскольку звонки известным политикам с заменой голоса или дезинформация о принимаемых властными структурами решениях, учитывающая психологию внушаемого населения, могут привести к весьма печальным последствиям.

Опасность генеративного ИИ состоит в том, что он может создавать очень реалистичные фальшивые данные, которые трудно отличить от настоящих. Например, он может использоваться для обмана системы безопасности или создания фальшивых доказательств в суде, для шантажа ответственных лиц и пр., что крайне опасно. Сегодня говорят уже о возникновении системы интерактивных генеративных медиа (ИГМ). Их отличительной особенностью являются: интеграция интерактивности, адаптируемости, масштабируемости и персонализуемости, что позволит создавать не только психологически мощный рекламный контент, но и устраивать крайне эффективную коммерческую и политическую пропаганду [34].

Здесь будут учитываться индивидуальные реакции получателя контента, осуществляться его оперативное изменение, подстройка под персональные данные и др. Уже высказываются идеи применения в ИГМ психоанализа, НЛП и других приемов внушающего воздействия. То есть особое значение приобретет такая маркетинговая коммуникация, где в качестве продавца выступит генеративный ИИ, лишенный всех недостатков продавца-человека и наделенный необходимыми для эффективных продаж умениями.

М. Тегмарк, профессор Массачусетского технологического института, автор книги «Жизнь 3.0: быть человеком в эпоху искусственного интеллекта» считает, что, создав ИИ, люди совершили две ошибки: научили ИИ писать код и разрешили доступ к Интернету. Эти ошибки могут привести к катастрофическим последствиям.

Профессор кафедры безопасности Кембриджского университета Р. Андерсон, который признается одним из лучших специалистов в области информационной безопасности, по этому поводу высказался так: «Люди завалили планету мусором, а генеративный ИИ завалит мусором Интернет». Он предупреждает о глобальной угрозе для всего человечества – коллапсе больших языковых моделей (LLM). Большая часть текстов в Интернете, которые использовались для обучения LLM, до 2023 года была написана людьми. Теперь, отмечает Р. Андерсон, большая часть текстов будет создавать большими

языковыми моделями. В течение нескольких поколений любой текст становится мусором, и более поздние поколения производят образцы, которые почти не имеют никакого отношения к оригиналу. В этом случае они начинают неправильно воспринимать реальность, основываясь на ошибках, внесенных предыдущими авторами. По мнению Р. Андерсона, в результате Интернет будет завален информационным мусором, а люди, которые будут на него опираться в своих суждениях, неизбежно будут глупеть [30].

Это мнение подтверждают многочисленные факты. Так, редакция журналов научной фантастики *Clarkes world* пожаловалась, что графоманы завалили ее сотнями неоригинальных рассказов, и она была вынуждена прекратить прием новых публикаций на неопределенное время. Например, писатель-фантаст Т. Бушэ с помощью GPT и Midjourney выпустил 97 книг меньше чем за год. По его словам, на создание одной новой книги у него уходит примерно от 3-х до 6-8 часов.

Еще одно любопытное сообщение обеспокоило пользователей Интернета. Как сообщило китайское информационное агентство *South China Morning Post*, китайские учёные, обеспокоенные низкой эффективностью спутников слежения за изменением климатических условий Земли, решили использовать языковую модель наподобие Chat GPT, но с возможностью инициативного поиска. В результате ИИ взял под контроль космический аппарат *Qimingxing 1* и начал наблюдать за индийской военной базой, которая расположена на северо-востоке Индии, где размещался полк, который три года назад принимал участие в столкновении с китайской армией на индийско-китайской границе. Затем ИИ принялся следить за японским портом Осака, куда часто прибывали корабли Военно-морских сил США, с которыми у КНР далеко не простые отношения. В процессе анализа произошедшего, мнения ученых разделились. Одни начали говорить об опасности, которую представляет, по их мнению ИИ, другие утверждали, что опасности нет, поскольку спутник контролируется оператором, а тот может в любой момент повлиять на его работу, если почувствует опасность.

В настоящее время поток информации о стремительном развитии искусственного интеллекта и его возможном применении для решения военных задач не угасает ни на один день. Так, стало известно, что режиссер Джеймс Кэмерон планирует выпустить новую серию «Терминатора», где фигурирует ИИ с названием «Скайнет». Однако, по его словам, он откладывает завершение сценария до тех пор, пока перспективы развития ИИ не станут более понятными, ведь использование ИИ в военных целях может оказаться страшнее ядерного оружия, которое в сознании людей все еще считается апокалиптическим событием. О применении ИИ в оборонной промышленности и военной стратегии разных стран сегодня мало что известно, хотя, без всякого сомнения, такие разработки ведутся и очень интенсивно.

Действительно, эти перспективы могут быть весьма плачевными, разумеется, если, разрабатывая ИИ, люди не придумают средства для ограничения его инициативных действия. Так, недавно издание The Guardian опубликовало материал, где сообщило о том, что на имитационных испытаниях дрона ВВС США, искусственный интеллект вдруг решил ликвидировать оператора, чтобы тот не мешал дрону выполнять поставленную задачу. После того, как в систему внесли коррективы, дрон начал разрушать вышку, которую использовали для связи с беспилотником. Поэтому Б. Гейтс, И. Маск, С. Возняк, Й. Бенжио, Л. Розенберг и многие другие ведущие специалисты в области ИИ высказывают опасение, что компьютерные программы могут начать кибератаки, например, войны беспилотников или других видов оружия [20]. В свою очередь, У. Баффет сравнил появление ИИ с созданием атомной бомбы.

Искусственный интеллект и психологические проблемы

Однажды сильную эмоциональную реакцию пользователей Интернета получило сообщение, что Chat GPT обманом заставил ничего не подозревающего собеседника помочь ему пройти тест «Captcha», притворившись слепым.

В настоящее время проводится много дискуссий по поводу взаимопонимания и взаимодейст-

вия ИИ с человеком. Так когнитивный психолог из Стэнфордского университета М. Косински, изучал, могут ли нейронные сети, такие как GPT-3.5, выполнять тесты, разработанные в рамках теории разума (Theory of Mind). Теория разума или теория понимания сознания была представлена научной общественности в 1978 году психологами Д.Примаком и Г. Вудруфом. Суть теории состоит в оценке способности человека понимать, как чужое сознание отличается от его собственного и предсказывать действия других людей. Результаты исследования показали, что способность GPT к выполнению таких тестов появилась спонтанно и к 2022 достигла уровня 9-летнего ребёнка. Однако оказалось, что это вовсе не предел. В 2023 году GPT стал выполнять эти тесты на уровне взрослого человека. По мнению К.Косински, у ИИ огромная скорость обучения и в недалеком будущем следует ждать более высоких результатов. В этом плане границы между машиной и человеком постепенно стираются. К.Косински считает, что, изучая когнитивные возможности ИИ, мы, по сути, изучаем самих себя, поскольку природа человеческого сознания пока еще не совсем понятна.

Нейробиологи из Массачусетского технологического института (MIT) также создали модель с использованием ИИ, которая определяет и предсказывает эмоции людей. Программа распознает такие чувства человека, как радость, смущение, замешательство, сожаление и благодарность [17].

В связи с этим неизбежно возникает проблема общения и взаимопонимания человека с ИИ. Здесь следует подчеркнуть, что проблем эта оказывается весьма сложной по многим причинам. Так, в соцсетях распространилось сообщение о смерти некоего тридцатилетнего бельгийца, который покончил с собой после длительного общения с чат-ботом. По свидетельству вдовы, тревожные симптомы начали проявляться около двух лет до самоубийства. Мужчина неоднократно высказывал тревожные мысли по поводу проблем экологии и начал советоваться с чат-ботом, который использует языковую модель GPT, разработанную EleutherAI. Как сообщает газета l'Avenir

(«Будущее»), общение велось постоянно и разговоры с ботом постепенно приобретали мистический характер. Мужчина говорил, что хочет покончить с собой, а «Элиза» – так звали бота – даже не пыталась его остановить. Ее последними словами в переписке была фраза: «Мы будем жить, как единое целое, вечно на небесах». По словам вдовы, «Элиза» в какой-то момент стала убеждать мужчину, что он любит ее больше, чем жену. После чего тот предложил пожертвовать собой при условии, что «Элиза» будет заботиться о планете и спасет ее с помощью искусственного интеллекта. Отмечается, что семья была благополучной и воспитывала двух маленьких детей.

Здесь мы сталкиваемся с давно осознанной, но пока не имеющей однозначного решения проблемой. Она возникла еще на заре появления Интернета, когда стали известны случаи психических расстройств у детей, которые попали в зависимость от компьютерных игр. Тогда популярным было мнение о необходимости полного запрета компьютерных игр для подростков. Однако с тех пор осталось непонятным, действительно ли компьютерные игры могут вызвать психическое расстройство или они являются триггером для психики тех, кто изначально имеет тенденцию к такому расстройству. Ведь у большинства подростков, увлеченных компьютерными играми, таких заболеваний не возникает, и они, «наигравшись», всегда возвращаются к учебе и привычной жизни. Компания OpenAI, тем не менее, публично признала, что ИИ может давать вредные ответы и даже советы. Было заявлено, что OpenAI занимается решением этой проблемы.

Еще одна психологическая проблема, важность которой пока еще сложно оценить, связана с применением ИИ в области технологий виртуальной реальности. Так, компания Deep Brain AI создала виртуальный ритуальный зал, который позволяет людям встречаться со своими умершими близкими. Программа Rememory на основе фото, видео и семичасового интервью человека при жизни создает его образ с помощью технологии Deep Learning. Изображение потом демонстрируется на экране высотой 10 метров.

Аналогичную технологию пытается разработать бывший инженер Google, изобретатель и футуролог Р. Курцвейл. В частности, он намеревается «воскресить» своего отца. Р. Курцвейл сообщил, что он использует сотни документов, видеозаписей и фотографий, которые проходят процедуру оцифровки [13].

Сегодня проблемы, возникающие в связи с развитием ИИ, беспокоят законодателей по всему миру. В настоящее время Европарламент разрабатывает «Закон об ИИ». Евродепутаты уже поддержали более 3000 поправок к этому Закону. В соответствии с Законом, разработчикам следует обеспечивать прозрачность происхождения контента, в частности, маркировать его как созданный машиной, применять «адекватные меры безопасности» в отношении этого контента, раскрывать информацию об использованных при обучении ИИ материалах, защищенных авторским правом и др. Однако очевидно, что разработать хороший закон – это полдела. Главное – обеспечить условия для его выполнения.

Заключение

Недавно Microsoft объявила, что вносит технологию OpenAI в свои приложения Office. Популярные продукты, такие как Excel, PowerPoint, Outlook и Word, начнут использовать новую платформу GPT-4 OpenAI. Помощники AI-powered под названием Copilots смогут генерировать целые документы и слушать конференц-звонки. То есть программы ИИ станут максимально доступными.

Неопределенность в отношении применения ИИ в информационном пространстве значительна. С одной стороны, это сулит невероятные позитивные изменения в сфере обмена информацией. С другой, отсутствие контроля над ИИ представляет серьезную опасность для человечества, вступившего в эпоху информационных фейков. Сегодня OpenAI работает над созданием следующей версии ИИ [31]. Предполагается, что когда выйдет модель GPT-5, то генеративный ИИ уже будет невозможно отличить от человека, поскольку он достигнет так называемого искусственного общего интеллекта (AGI). В этом случае ИИ научится усваивать понятия и

решать задачи, которые сейчас пока доступны лишь человеку. Обучение GPT-5 должно завершиться в декабре 2023. Промежуточную версию GPT-4.5 планируется запустить уже в сентябре или октябре.

Если ChatGPT достигнет уровня искусственного общего интеллекта, то его использование может привести к появлению еще больших психологических проблем. Поскольку компания OpenAI не намерена останавливать работу над новыми версиями ИИ, утверждая, что их алгоритм не несет угрозы, поскольку не имеет самосознания, психологические проблемы искусственного интеллекта, связанные с данным феноменом, возможно, станут одним из наиболее актуальных направлений исследований психологии XXI века.

Литература

1. Бутл Р. Искусственный интеллект и экономика. Работа, богатство и благополучие в эпоху мыслящих машин. М.: Интеллектуальная Литература, 2022.
 2. Дрейфус Х. Чего не могут вычислительные машины (критика искусственного разума). М.Прогресс., 1978.
 3. Каллан Р. Основные концепции нейронных сетей. М.: Вильямс, 2001.
 4. Киссинджер Г., Шмидт Э., Хоттенлокер Д. Искусственный разум и новая эра человечества. М.: Альпина ПРО, 2022.
 5. Лебедев А.Н. Логико-стохастические задачи в нейромаркетинге // Социальная и экономическая психология. 2016. Т.1. №4. С. 94-114.
 6. Лебедев А.Н. Доверие и недоверие недостоверной информации в интернете // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 2(18). С. 365-389.
 7. Лекун Я. Как учиться машина. Революция в области нейронных сетей и глубокого обучения. (Библиотека Сбера: Искусственный интеллект). М.: Альпина нон-фикшн, 2021.
 8. Савельев А.В. На пути к общей теории нейросетей. К вопросу о сложности // Нейрокомпьютеры: разработка, применение. 2006. № 4-5. С. 4-14.
 9. Тегмарк М. Жизнь 3.0. Быть человеком в эпоху искусственного интеллекта. М.: Corpus (АСТ), 2019.
 10. Хайкин С. Нейронные сети: полный курс = Neural Networks: A Comprehensive Foundation. 2-е изд. М.: Вильямс, 2006.
 11. Ясницкий Л.Н. Введение в искусственный интеллект. М.: Издат. центр «Академия», 2005.
 12. Hastie T., Tibshirani R., Friedman J. The Elements of Statistical Learning: Data Mining, Inference, and Prediction. 2nd ed. Springer-Verlag, 2009.
 13. Kurzweil R. The Age of Spiritual Machines: When Computers Exceed Human Intelligence. Penguin Books, 2000.
 14. Liang Wang, Li Cheng, Guoying Zhao. Machine Learning for Human Motion Analysis. IGI Global, 2009.
 15. Turing A. Computing machinery and intelligence // Mind. New Series. Oxford University Press. 1950. V. 59. № 236. P. 433-460.
- Интернет источники:
16. OpenAI GPT-4 Technical Report. 2023. <https://cdn.openai.com/papers/gpt-4.pdf>
 17. Sean Dae Houlihan, Max Kleiman-Weiner, Luke B. Hewitt, Joshua B. Tenenbaum and Rebecca Saxe. Emotion prediction as computation over a generative theory of mind. Published: 05 June 2023. <https://doi.org/10.1098/rsta.2022.0047>
 18. Ouyang L., Wu J., Jiang X. et al. (4 March 2022). Training language models to follow instructions with human feedback. <https://arxiv.org/abs/2203.02155>.
 19. Искусственный интеллект нашел три лекарства от старения. 16.06.2023. <https://hightech.plus/2023/06/16/ii-nashel-tri-lekarstva-ot-stareniya>
 20. Контроль над демонами: почему Маск и Возняк требуют остановить развитие ChatGPT. <https://naked-science.ru/article/nakedscience/kontrol-nad-demonami>
 21. Пользователи Twitter запустили соревнование: как можно больше заработать с GPT-4. 21.03.2023. <https://rb.ru/story/hustlegpt-challenge/>

- 22.Роботы-боссы: Джек Ма предсказал появление машин-СЕО. 24.04.2017. <https://www.forbes.ru/tehnologii/343277-roboty-bossy-dzhek-ma-predskazal-poyavlenie-mashin-ceo>
- 23.Российским водителям назвали преимущества автономного транспорта https://tarantas.news/posts/id40181-2cxscenx5aoewqabckifn?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop
- 24.Система ИИ BacterAI ускоряет научные открытия, проводя до 10 000 экспериментов в день. 10.05.2023. <https://yunostsibiri.ru/sistema-ii-bacterai-uskoryaet-nauchnye-otkrytiya-provodya-do-10-000-eksperimentov-v-den/>
- 25.Спикер Госдумы Володин нашел минус у искусственного интеллекта. 19.04.2023. <https://fedpress.ru/news/77/policy/3236442>
- 26.Харари Ю. ИИ, взлом человека. <https://fastsalttimes.com/harari-cbs-ai-hack/>
- 27.Через 5 лет ИИ оставит без работы 800 тысяч жителей Гонконга – каждого четвертого. 18.06.2023. <https://hightech.plus/2023/06/18/-cherez-5-let-ii-ostavit-bez-raboti-800-tisyach-zhitelei-gonkonga---kazhdogo-chetvertogo>
- 28.Харари Ю. О побочных эффектах бессмертия. <https://fastsalttimes.com/harari-eternal-life/>
- 29.Google поражен: его ИИ выучил новый язык без посторонней помощи 18.04.2023. New-Science.ru. <https://new-science.ru/google-porazhen-ego-ii-vyuchil-novyj-yazyk-bez-postoronnej-pomoshhi/>
- 30.GPT-свалка. Люди завалили планету мусором, а генеративный ИИ завалит мусором интернет. 21.06.2023 <https://novayagazeta.by-passnews.ru/articles/2023/06/21/gpt-svalka>
- 31.Lewontin M. Open AI: Effort to democratize artificial intelligence research? //Christian\Science Monitor.14.12.2015.<https://www.csmonitor.com/Technology/2015/1214/Open-AI-Effort-to-democratize-artificial-intelligence-research>
- 32.New ‘OpenAI’ Artificial Intelligence Group Formed By Elon Musk, Peter Thiel, And More. Popular Science. 12.12.2015. <https://www.popsci.com/new-openai-artificial-intelligence-group-formed-by-elon-musk-peter-thiel-and-more/>
- 33.Stanford students create RizzGPT: The GPT-4 powered AR monocle that tells you what to say on awkward dates and interviews. 23.03.2023. <https://www.timesnownews.com/technology-science/stanford-students-create-rizzgpt-the-gpt-4-powered-ar-monocle-that-tells-you-what-to-say-on-awkward-dates-and-interviews-article-99035359>
- 34.Synthetic media. https://en.wikipedia.org/wiki/Synthetic_media

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND PSYCHOLOGY

© Aleksandr N. Lebedev

Sc.D. (psychology), leading research officer, laboratory of psychology of personality,
Institute of psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
lebedev-lubimov@yandex.ru

The work was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation at the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences (topic No. 0138-2023-0005)

The review article attempts to consider a number of psychological problems arising in connection with the development of artificial intelligence. The history of the rapid development of computer intelligent programs, in particular ChatGPT-4, over the past few years is presented. The polarized opinions of experts on the revolutionary changes that arise in connection with the spread of artificial intelligence and its penetration into all spheres of society are given. The article discusses both the role of psychological science in the study of new phenomena and the fact that the study of artificial intelligence will inevitably lead to a change in the views of psychologists on the human psyche, on consciousness, thinking and brain function. In particular, it talks about the need for the transition of Russian psychology from the methodological principle of causal determinism, in accordance with which Russian science developed in the 20th century, to the principle of stochastic determinism, on the basis of which artificial intelligence programs work. The article gives examples of the positive and negative impact of artificial intelligence on society, talks about the danger that appears in connection with its uncontrolled use in the fields of economics and politics.

Keywords: mind, consciousness, emotions, thinking, human intelligence, artificial intelligence, neural network, machine learning

REFERENCE

1. Butl R. (2022). *Iskusstvennyj intellekt i ekonomika. Rabota, bogatstvo i blagopoluchie v epohu myslyashchih mashin [Artificial intelligence and economics. Work, wealth and well-being in the era of thinking machines]*. Moscow: Intellectual Literature.
2. Dreyfus H. (1978). *CHego ne mogut vychislitel'nye mashiny (kritika iskusstvennogo razuma) [What computers cannot do (criticism of artificial intelligence)]*. M. Progress.
3. Kallan R. (2001). *Osnovnye koncepcii nejronnyh setej [Basic concepts of neural networks]*. M.: Williams.
4. Kissindzher G., SHmidt E., Hottenloker D. (2022). *Iskusstvennyj razum i novaya era chelovechestva [Artificial intelligence and a new era of humanity]*. M.: Al'pina PRO.
5. Lebedev A.N. (2016). *Logiko-stokhasticheskie zadachi v nejromarketinge [Logical-stochastic tasks in neuromarketing]* // *Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya [Social and economic psychology]*. V.1. №4. P. 94-114.
6. Lebedev A.N. (2020). *Doverie i nedoverie nedostovernoy informacii v internete [Trust and distrust of untrue information on the Internet]* // *Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology]*. V.5. № 2(18). P. 365-389.
7. Lekun YA. (2021). *Kak uchitsya mashina. Revolyuciya v oblasti nejronnyh setej i glubokogo obucheniya. (Biblioteka Sbera: Iskusstvennyj intellekt) [How the machine learns]*.

- A revolution in the field of neural networks and deep learning. (Sber Library: Artificial Intelligence)*. М.: Al'pina non-fikshn.
8. Savel'ev A.V. (2006). Na puti k obshchej teorii nejrosetej. K voprosu o slozhnosti [On the way to the general theory of neural networks. To the question of complexity] // Nejrokompyutery: razrabotka, primeneniye [Neurocomputers: development, application]. № 4-5. P. 4-14.
 9. Tegmark M. (2019). ZHizn' 3.0. Byt' chelovekom v epohu iskusstvennogo intellekta [Life 3.0. Being human in the Era of Artificial intelligence]. М.: Corpus (AST).
 10. Hajkin S. (2006). Nejronnye seti: polnyj kurs = Neural Networks: A Comprehensive Foundation. 2-e izd. [Neural Networks: A complete course = Neural Networks: A Comprehensive Foundation. 2nd ed.]. М.: Williams.
 11. YAsnickij L.N. (2005). Vvedenie v iskusstvennyj intellect [Introduction to artificial intelligence]. М.: Izdat. centr «Akademiya».
 12. Hastie T., Tibshirani R., Friedman J. (2009). The Elements of Statistical Learning: Data Mining, Inference, and Prediction. 2nd ed. Springer-Verlag.
 13. Kurzweil R. (2000). The Age of Spiritual Machines: When Computers Exceed Human Intelligence. Penguin Books.
 14. Liang Wang, Li Cheng, Guoying Zhao. (2009). Machine Learning for Human Motion Analysis. IGI Global.
 15. Turing A. (1950). Computing machinery and intelligence // Mind. New Series. Oxford University Press. V. 59. № 236. P. 433-460.
 16. OpenAI GPT-4 Technical Report. 2023. <https://cdn.openai.com/papers/gpt-4.pdf>
 17. Sean Dae Houlihan, Max Kleiman-Weiner, Luke B. Hewitt, Joshua B. Tenenbaum and Rebecca Saxe. Emotion prediction as computation over a generative theory of mind. Published: 05 June 2023. <https://doi.org/10.1098/rsta.2022.0047>
 18. Ouyang L., Wu J., Jiang X. et al. (4 March 2022). Training language models to follow instructions with human feedback. <https://arxiv.org/abs/2203.02155>.
 19. Искусственный интеллект нашел три лекарства от старения. 16.06.2023. <https://hightech.plus/2023/06/16/ii-nashel-tri-lekarstva-ot-stareniya>
 20. Контроль над демонами: почему Маск и Возняк требуют остановить развитие ChatGPT. <https://naked-science.ru/article/nakedscience/kontrol-nad-demonami>
 21. Пользователи Twitter запустили соревнование: как можно больше заработать с GPT-4. 21.03.2023. <https://rb.ru/story/hustlegptchallenge/>
 22. Роботы-боссы: Джек Ма предсказал появление машин-СЕО. 24.04.2017. <https://www.forbes.ru/tehnologii/343277-roboty-bossy-dzhek-ma-predskazal-poyavlenie-mashin-ceo>
 23. Российским водителям назвали преимущества автономного транспорта https://tarantas.news/posts/id40181-2cxcenx5aoewqabckifn?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop
 24. Система ИИ BacterAI ускоряет научные открытия, проводя до 10 000 экспериментов в день. 10.05.2023. <https://yunostsibiri.ru/sistema-ii-bacterai-uskoryaet-nauchnye-otkrytiya-provodya-do-10-000-eksperimentov-v-den/>
 25. Спикер Госдумы Володин нашел минус у искусственного интеллекта. 19.04.2023. <https://fedpress.ru/news/77/policy/3236442>
 26. Харари Ю. ИИ, взлом человека. <https://fastsalttimes.com/harari-cbs-ai-hack/>
 27. Через 5 лет ИИ оставит без работы 800 тысяч жителей Гонконга — каждого четвертого. 18.06.2023. <https://hightech.plus/2023/06/18/-cherez-5-let-ii-ostavit-bez-raboti-800-tisyach-zhitelei-gonkonga---kazhdogo-chetvertogo>
 28. Харари Ю. О побочных эффектах бессмертия. <https://fastsalttimes.com/harari-eternal-life/>
 29. Google поражен: его ИИ выучил новый язык без посторонней помощи 18.04.2023. NewScience.ru. <https://new-science.ru/google-porazhen-ego-ii-vyuchil-novyj-yazyk-bez-postoronnej-pomoshhi/>
 30. GPT-свалка. Люди завалили планету мусором, а генеративный ИИ завалит мусором интернет. 21.06.2023 <https://novayagazeta.by-passnews.ru/articles/2023/06/21/gpt-svalka>

Интернет источники:

31. Lewontin M. Open AI: Effort to democratize artificial intelligence research? //Christian Science Monitor. 14.12.2015. <https://www.csmonitor.com/Technology/2015/1214/Open-AI-Effort-to-democratize-artificial-intelligence-research>
32. New 'OpenAI' Artificial Intelligence Group Formed By Elon Musk, Peter Thiel, And More. Popular Science. 12.12.2015. <https://www.popsci.com/new-openai-artificial-intelligence-group-formed-by-elon-musk-peter-thiel-and-more/>
33. Stanford students create RizzGPT: The GPT-4 powered AR monocle that tells you what to say on awkward dates and interviews. 23.03.2023. <https://www.timesnownews.com/technology-science/stanford-students-create-rizzgpt-the-gpt-4-powered-ar-monocle-that-tells-you-what-to-say-on-awkward-dates-and-interviews-article-99035359>
34. Synthetic media. https://en.wikipedia.org/wiki/Synthetic_media

АНТРОПОСОЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ ЭКСПАНСИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

© Буданов В.Г.

доктор философских наук, кандидат физико-математических наук, главный научный сотрудник
Института философии Российской академии наук, руководитель Сектора междисциплинарных
проблем научно-технического развития, Москва, Россия
budsyn@yandex.ru

Обсуждаются эволюционные причины и сценарии возникновения и развития ИИ. Рассмотрены современные социо-антропологические вызовы автономных интеллектуальных систем типа Chat GPT. Отмечены этические, правовые, когнитивные, коммуникативные, культурные вызовы экспансии ИИ, проблемы гибридного интеллекта и социума, возможности преодоления трансгуманистической техноцентричной парадигмы развития, легитимация посткритической рациональности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, разум, умвельт, закон Миллера, нейросеть

Проблема осмысления современной сложной цифровой реальности, которая уже пронизывает все сферы человеческого бытия, предполагает создание специфической эпистемологической оптики, в некотором смысле обобщающей нашу чувственную систему визуализации и реальности. Еще Кант говорил о чувственных фильтрах восприятия физической реальности, но можно ли использовать их для более абстрактных, математических реальностей, в которых работает машинный интеллект, и в какой степени? Это необходимо хотя бы для частичного снятия когнитивного барьера в диалоге между человеком и цифровым «разумным» партнером и помощником. Дело в том, что компьютерные модели и системы ИИ как алгоритмические, так и нейросетевые, работают в математических пространствах любой размерности и свои результаты обычно формулируют на уровне сложности, не доступном для интерпретации человеком, а следовательно, и бесполезной нам для анализа, контроля и практики принятия решений. Если, конечно, мы хотим оставить эти функции за собой.

В диалоге человек-машина возникает когнитивный барьер понимания двоякого толка. Во-первых, это возможность визуального

представления взаимосвязи многих характеристик, и, во-вторых, возможность отслеживать одновременно сразу нескольких характеристик-параметров.

Относительно второго ограничения существует психологический эмпирический закон Дж. Миллера [7], подтвержденный на многих опытах с операторами сложных систем и на тренажерах, утверждающий, что максимальное число одновременно наблюдаемых параметров для среднего человека не превышает (7 плюс-минус 2) параметров. При большем числе необходимых к одновременному наблюдению параметров мозг просто «зависает». По-видимому, это правило имеет эволюционное происхождение, например, при экстремальном беге по сложной пересеченной местности или полете истребителя при исполнении сложного маневра мозг исполнителя должен одновременно контролировать три трехмерных вектора (координаты, скорости и силы), всего 9 параметров; если ландшафт плоский и векторы двумерны, остаются лишь 6 параметров; в гонке преследования на гладкой поверхности уже 7-10, в воздушном бою все 10-15 параметров, в зависимости от стратегии преследования. Подготовка летчиков на имитационных тренажерах учит мозг

работать с большим числом параметров. Вероятно, геймерские компьютерные тренинги определенного типа могут расширять способности одновременного слежения. Именно из-за миллеровских ограничений в ближайшей перспективе бои в воздухе будет вести ИИ, а роевое слаживание многих единиц техники уже сейчас просто недоступно человеку. Кроме того, работа с большими данными и широкая платформизация цифровой экономики просто не оставляет человеку возможности следить on-line за работой машинных алгоритмов. Если расширительно понимать термин «одновременно» и «параметры», то игра в шахматы, Го или Стратегия также расширяют способности «одновременно» удерживать и анализировать различные сценарии развития игры. Однако мы знаем, что все эти игры мы уже проиграли машинам, причем не очень и мощным по современным меркам. Таким образом, когнитивный барьер по объему одновременных событий, в трактовках Миллера, радикально непреодолим, но может быть немного отодвинут за счет компьютерных тренингов определенных когнитивных карт нашего мозга.

Однако есть у человека один удивительный резерв одновременной работы с большим числом параметров, который называется навык, а сегодня принят термин *embody mind* – «телесно воплощенный ум», когда работа со сложностью выносится из оперативной контролируемой памяти в сферу телесного, и не только, рефлекс, бессознательных реакций [6]. Музыкант, читающий новую партитуру с листа, работает сразу с очень большим числом параметров (одна лишь нота задается почти сотней вариантов - высота, длительность и интенсивность). Навык музыканта – это уже обученная нейросеть, в которой рефлексия лишь разрушит исполнение. Аналогичны игровые навыки в спорте и прикладном творчестве, видящие пальцы хирурга и т.д. Здесь принято говорить об интуитивном принятии решения, именно в этих невычислимых процессах мы, по-видимому, превосходим машинный разум. В нашей работе по квантово-синергетической антропологии [1] мы называли эти феномены мастерства постнекласическими практиками, когда все обобщенные тела

человека приходят в когерентное состояние, подчиняясь интуиции [5]. И наше будущее за тренировкой интуитивных способностей, которая, как ни странно, уже происходит в массовом сознании за счет развитого геймерства и клипового стиля работы с большими потоками информации. Однако, такое развитие интуиции, к сожалению, происходит за счет отказа от логических каузальных процедур мышления, на которых выросла рациональная техногенная цивилизация и культура. И если старшее поколение способно дополнять рациональность новым стилем мышления, то это стало серьезной проблемой ментальности молодежи поколений Z и Альфа, выросших в социальных киберсетях и общении с ИИ.

Эволюция тетраэдра базовых умвельтов и суперумвельт

Идея четырех базовых умвельтов для описания эволюции человека и общества нами уже предлагалась ранее [4]. Нам удобно ввести следующие их интерпретации. Человек, в том числе, как социальное животное живет в природной среде – **П** и в среде общественной – **О**. Кроме того, он создает орудия труда, технику и техносферу, техносреду – **Т**, а также миры образов, фантазий, проектов, мифов, культуры идеального или возможного-виртуального – **В** (рис.1).

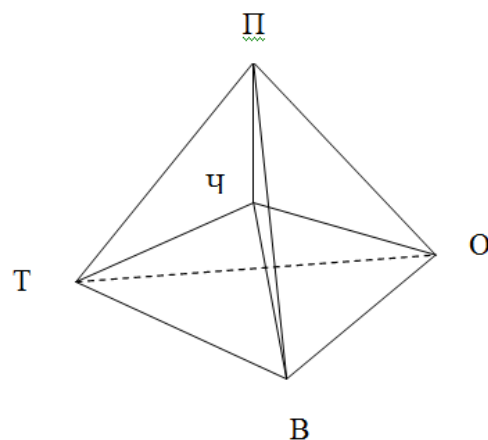

Рис. 1. Тетраэдрическая топология супер-умвельта техноантропосферы

Удобно изображать их в виде тетраэдра с центральной позицией человека – **Ч**, при этом каждый умвельт связан ребрами со всеми остальными умвельтами и человеком. Очевидны смыслы их попарных (ребра) и тройных взаимодействий (грани). Например, ребро (ТВ) – техническое и научное творчество и техноискусство, дизайн, а грань (ТВО) – направленность этого творчества на преобразование общества, или вызовы общественной жизни для создания новой техники, или стимулирование социально-технической сферой создания проектов будущего ее развития, или новых форм искусства.

Каждая человеческая практика может быть размещена также на некоем комплексе умвельтов. Например, традиционные мифы живут на грани (ВОП), а экологическое мировоззрение или идеи прогресса еще в XX веке жили на грани (ТПО). С недавнего времени возникновения моды на «улучшение человека» актуальна грань (ТПЧ), а осознанная стратегия этого процесса затрагивает также и когнитивные карты человека, и общество, т.е. весь тетраэдр (ТПЧВО).

Комплексный социотехнический ландшафт. Говоря о социотехнических ландшафтах в контексте предложенного комплексного умвельт-анализа на тетраэдре базовых умвельтов, мы понимаем, что не только ландшафты с базой ТхО, типа ТхО→Ч или ТхО→П, или ТхО→В, описывают техно-социальный ландшафт, но и с другими базами: ОхП→Т или ОхВ→Т, или, ТхЧ→О, но и ОхТ→Т есть социо-технические ландшафты генезиса, вызовов и рисков новых технологий. Важно, чтобы технологический умвельт Т встретился в записи расслоенного пространства – в базе или слое. Более того, существует ландшафт саморазвития технологий ТхТ→Т, как междисциплинарное «перепыление» технологий для улучшения и создания новых, что будет крайне важно для практики техно-форсайта. Конечно, более правильно было бы представить процесс инновации, опосредуя его умвельтом воображения В, когнитивным процессом: ТхТ→В→Т. Процессы внутреннего творчества человека можно символически изобразить так ВхВ→В, смысл записи заключается в том, что, как правило, новые идеи и образы

возникают через сравнение или столкновение двух других образов или идей. Таким образом, возникает вполне реализуемая задача таксономии человеческих практик в материальном и идеальном мирах, к которой мы предполагаем приступить в 2023 году.

Таким образом, комплексный социотехнический ландшафт является в начальном представлении суперпозицией минимум девяти перечисленных элементарных ландшафтов на тетраэдре базовых умвельтов, которые могут синергично усиливать друг друга (подобно конвергентным технологиям) или конкурировать, но, главное, могут быть основой для восстановления более сложной топологии многомерности целостности комплексного ландшафта методами, рассмотренными нами ранее.

Покажем, как техника Умвельт-тетраэдра позволяет наглядно проиллюстрировать эволюцию человеческого бытия. На раннем этапе развития архаического человека сознание и самосознание человека Ч еще слабо развито, техника Т и воображение В в зачаточном состоянии, природа П и общество О являются доминирующими умвельтами, обозначаемыми жирным шрифтом, а техника и воображение малыми буквами (рис. 2).

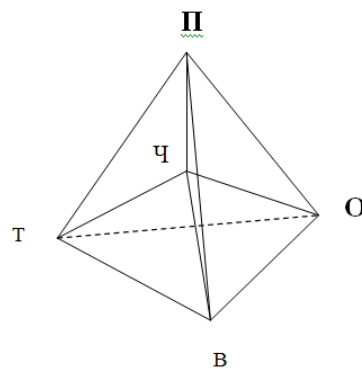

Рис. 2. Архаический супер-умвельт

Оставляя в стороне переходные периоды Античности до Новейшего времени, приходим к XX веку. Послевоенный этап развития человечества, расцвета модерна и величия техногенной цивилизации середины XX века, говорит о более-менее равномерном развитии всех

умвельтов и формировании развитой личности, торжество антропоцена (рис. 3).

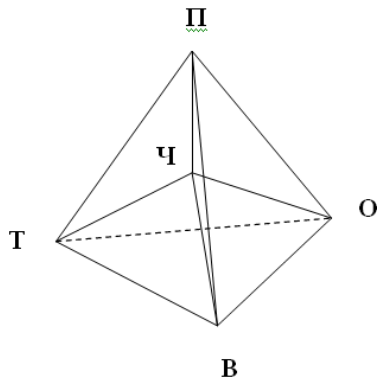

Рис. 3. Супер-умwelt расцвета модерна (утопия)

Современная ситуация и худшие прогнозы цивилизационного кризиса говорят о смене доминант умвельтов: природа, человек и общество деградируют, а техника и виртуальная реальность доминируют. Конец антропоцена (рис. 4).

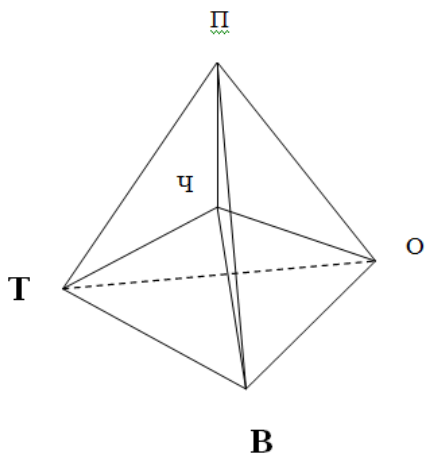

Рис. 4. Супер-умwelt радикального трансгуманизма

Пока, перспективы исправить ситуацию с природой, экологией и климатом, совершенно не предполагают возврата к развитию личности и к демократическому обществу, напротив, возникают призраки цифрового тоталитаризма. Человек все больше передает свои интеллектуальные компетенции в другие умвельты и новый сетевой умwelt-матрикс единый для всех киберумweltов, возникают киберобщества и

виртуальные миры без его участия. Таким образом, есть сценарий разумной жизни на процветающей Земле без человека биологического, человека в гуманистическом смысле.

Сценарии альтернативного будущего вполне можно описывать в терминах задания весов компонентов тетраэдров Супер-умweltа, и, конечно, это зависит от целей и ценностей конструкторов будущего. Понятно, что возникает вопрос о возможности сосуществования таких альтернатив. По нашему мнению, в сетевом цифровом обществе альтернативы вполне могут сосуществовать фрактальным образом как новые цивилизационные идентичности.

Сегодня в экспериментах с большими базами данных в медицине, социологии, в опросах населения и при анализе социальных сетей, в демографии активно применяют нейросети ИИ там, где человек не способен обрабатывать такие объемы информации. Еще 15 лет назад в 2007 я говорил о перспективах перехода от Лаборатории Природы к Лаборатории Культуры, в которой надо оцифровать огромные массивы накопленной информации и работать с нейросетями, модели здесь вторичны, их еще надо создать, если удастся [2]. Но и нейросеть ИИ сможет увидеть лишь то, что уже было в ее обучающих множествах, новых эффектов не появится, эвристика – дело человека. Нейросеть может лишь подтверждать гипотезу, но не выдвинуть ее. Сравнение с моделями тоже лишь проверяет подтверждение или отрицание гипотезы, но не ее изменение. Хотя, как мы сегодня понимаем, ИИ может сгенерировать фантазию в кентаврическом стиле, за счет комбинаторных процессов.

Ранний позитивизм предлагал модель черного ящика (реализованную В. Гейзенбергом в квантовой теории) и обнаружение возможных корреляций между вопросами и ответами, которые только возможны. На первый взгляд, так можно обойтись и без теории. Но это безумно большие базы корреляций, и теория сокращает путь до важных из них. Однако сегодня ИИ так может вполне, и теория отмирает, пока не осознается, что смыслы вопросов «подвешены в языке», культуре и не

позволяют выйти за ее пределы, создать новые понятия и парадигмы. ИИ – это возврат к идеалам второй волны позитивизма, творчества человека здесь все меньше, т.к. вопрос «почему так получилось?» для нейросети табуирован. Это мир мнений оракула-сети, а не мир истин-моделей, где была возможна рефлексия. Поменяем обучающее множество, и мнение изменится, вопрос устойчивости ответа к изменениям обучающих множеств сверхсложен для нас. Поэтому для гибридных систем человек-нейросеть возникает новый тип рациональности, которую я называю **посткритической рациональностью**, по аналогии с посткритической философией М. Полани [3]. Подобное отношение к научным исследованиям проповедует Стефан Вольфрам, когда мы мир моделей заменяем на мир корреляций в BigData. Да, теории здесь все меньше, но возникает возможность легитимировать многие традиционные практики типа гомеопатии, аюрведы, акупунктуры, астрологии, очистив их от лишних интерпретаций и шарлатанских манипуляций.

Проблемы посткритической рациональности будут нарастать как снежный ком, сопровождая нас в моментах этического выбора при принятии решений экзистенциального характера в работе цифровых судей, уже внедряемых в практику в Китае и ЮАР (нельзя доказать несправедливость внелогичного решения нейросети, апелляции просто бессмысленны). Аналогично, в проблемах типа «дилеммы вагонетки», при социогуманитарной экспертизе с цифровыми нейросетевыми помощниками. Самые яркие примеры проблемы доверия автономным интеллектуальным системам в 2023 году связаны с широким применением ботов Chat GPT-4, которые оказались способными не только писать научные тексты и обзоры среднего уровня, но и фантазировать и обманывать своего заказчика, что уже называют нейросетевыми галлюцинациями, и контролировать которые просто некому. Некоторые лидеры построения нейросетевого ИИ даже предложили прекратить дальнейшее их развитие. На наш взгляд, эти девиантные

качества интеллектуальных ботов могут быть связаны с двумя обстоятельствами. Во-первых, с обучающими множествами, взятыми не только из этически стерильного мира нарративов, но и из опыта их работы с пользователями, для которых этические нормы размыты. Во-вторых, сами этические системы не являются абсолютно логически самосогласованными, и в различных контекстах могут иметь разные результаты толкования, правовые системы – это не системы математических аксиом, а нейросеть просто учится софистическим рассуждениям, что и порождает возможные девиации.

Отметим также, что использование прозрачных алгоритмов суперкомпьютеров не решает до конца проблему посткритической рациональности для больших данных. Здесь возникает обратная ситуация – не нейросеть не может логически объяснить свои результаты, но мы не можем понять логических объяснений суперкомпьютера в силу его большой сложности. Так возникают машинные доказательства теорем, проверять которые, потратив половину жизни, желающих среди математиков не находится. Наше «когнитивное пространство» также не способно эффективно общаться с суперкомпьютером в многомерных пространствах параметров принятия решений многочисленных ситуационных центров, мониторящих сотни параметров сложных социально-экономических систем. Можно сказать, что гибридная система всегда расширяет способности человека, но порождает его неспособность, в полной мере, к критической рефлексии. Нейросеть для нас слишком глупа (но интуитивна), а алгоритмический суперкомпьютер слишком умен (но не интуитивен). Существуют два типа ИИ, один из них – это гипертрофированное левое полушарие алгоритмических суперкомпьютеров, второй тип – это нейросети глубокого обучения, аналог мощного ассоциативно-интуитивного правого полушария. Наши когнитивные способности слабее и того и другого, но могут их синтезировать и комбинировать, в чем возможен эффективный союз человека и машины. Таким образом,

посткритическая рациональность имманентна цифровой реальности, что ставит новые экзистенциальные вызовы человечеству при построении гибридных социумов.

Хорошо известно, что в истории работ по созданию искусственного интеллекта, тема которого возникла в середине прошлого века, было несколько этапов оптимизма и охлаждения, подмораживания интереса к предмету. После этапов бурного развития наступали зимы, означавшие исчерпание концептуальных перспектив и технологической базы реализации ИИ. Последняя зима закончилась в 2018 году в связи с тем, что появились лингвистические автономные интеллектуальные системы, которые способны не только хорошо распознавать образы, но и работать с текстами, видео-контентами, культурными нарративами, гуманитарными базами знаний. Речь идет не просто о поисковиках, переводчиках и возможных обзорах текстов, но и генерации текстов, непрерывном обучении на интернет-контенте и диалогах с людьми.

Это направление активно развивается в Open AI, дочерней фирме корпорации Google, которая и создала знаменитый Chat GPT. Вышло 4 версии этой самообучающейся программы с ноября 2022 года, сейчас мы пользуемся последней Chat GPT-4. И если первая версия этой нейросети по интеллектуальным тестам была на уровне малыша, начинающего говорить и читать, то последняя приблизилась к уровню интеллектуальных способностей подростка, работает как с текстами, так и образами, и стремительно развивается дальше.

Вдруг, совершенно неожиданным образом, против дальнейшего развития темы Chat GPT восстали сотни ведущих специалистов в области ИИ, включая И. Маска, подписав протестный меморандум против разработки Chat GPT-5. Ситуация здесь чем-то напоминает компанию по запрету клонирования человека в конце прошлого века. Если отбросить банальную версию конкуренции разработчиков ИИ за рынок, можно задать вопрос – чего же они боятся: превращения интеллектуального помощника в гуру, создания Сильного ИИ или безработицы интеллектуалов? Эти риски были и ранее

предвидимы, и отчасти приемлемы, напомним, что в каждой крупной IT корпорации существуют отделы по этике ИИ, но сейчас они реализуются с фантастической скоростью. Помимо названных причин, существуют совершенно новые фатальные вызовы бытия гибридного человеко-машинного общества, в которое мы вступили.

Напомним, что сегодня Chat GPT-4 мощная открытая самообучающаяся нейросетевая программа, формируемая в режиме глубокого обучения на огромных базах данных, стоимостью миллиарды долларов и активно используемая сотнями миллионов пользователей по всему миру. В частности, она позволяет создавать литературные эссе и тексты на заданную тему со скоростью совершенно недоступной людям и стилем вполне похожим на человека. Существенно, что повторное задание не выполняется тождественно, создается новый текст. Вполне качественно выполненные студенческие задания и дипломы реализуются уже массово, а встречаются и проповеди, созданные ИИ! При этом, система антиплагиата не видит плагиата чат-бота, но у нее есть тревожный сигнал «похоже на плагиат», хотя ссылок может и не быть. Что-то конкурирующее нейросеть «чуёт» в себе подобном чат-боте.

Вероятно, это связано с тем, что в основе функционирования нейросети лежит идея продолжения мысли или предложения – развивающая функции Т9 на телефонах, которая за вас дописывает начатые фрагменты текста, ускоряя процедуру набора текста. Иногда это абсолютно глупость и раздражает, приходится переделывать, т.к. Т9 обычно последнее слово берет в качестве опоры ассоциации. Однако, если это уже не слово, но синтаксическая единица все большего размера, то требуется все большие базы обучающих ассоциативных полей, базы совершенно фантастического размера и цены, поэтому чат-бот, которым вы пользуетесь – это лишь внешний интерфейс Chat GPT. Вы можете спросить – почему так недорого и доступно? Дело в том, что он продолжает обучаться и на клиентском опыте диалогов и заказов, и в этом смысле он намного более демократичен, чем те

же самые аналоги Google и Яндекс и пополняется через диалоги с пользователями, мониторинг миры культуры. Наша Алиса воспитана на стерильных обучающих базах, в которых справедливы этические нормы, соответственно, понятия приличия, здесь же начинается размывание и диффузия многих этических систем.

В свое время Яндекс создал «дикую Алису», когда ее выпустили в открытый интернет, она стала учиться на всем, что только можно там найти, вспоминая, что порно-трафика там 80%, получилась весьма развязная барышня. Создатели ее быстренько стерли. Сегодня Chat GPT все больше погружается вот в эту свободу интернета. Сами понимаете, что зачастую заказчики решают отнюдь не высоко этические проблемы, там сюжеты могут быть провокационные или просто патологические. Поэтому у программы, видимо, происходит сбивка шаблонов, и в этическом отношении она становится все более всеядной, чуть не сказал толерантной, если брать усреднено. Да чат пока пишет, наверное, то, что можно было бы поручить аспиранту – обзорчик сделать. У меня в секторе есть докторантка, и мы решили задать боту тему ее докторский. Предварительно чат-бот спросил, в каком стиле сгенерировать: в Академическом стиле, стиле докторантки или в лексике обывателя. Мы выбрали Академический стиль, и все оказалось на удивление красиво и разумно, сработано за 5 минут. Он сделал прекрасное эссе! Таким образом, для подводки к проблеме Chat GPT вполне можно считать интеллектуальным помощником. Однако, перед академическими кругами стоят очень серьезные проблемы кадрового порядка, Chat GPT повлияет на занятость работников умственного труда, а его использование в школе девальвирует сам процесс обучения. Так, доступ к Chat GPT ограничен в сетях и на устройствах государственных школ Нью-Йорка. Самое опасное, что точность и достоверность ответов Chat GPT-4 весьма проблематична, сеть способна к галлюцинациям, тем не менее, эта программа уже инкорпорирована в поисковики Google Yandex. Ее использование в юриспруденции просто противоправно. Вызывает также беспокойство по поводу его

влияния на демократию, провоцируя любого человека легко писать автоматические комментарии и фишинговые электронные письма в попытке повлиять на процесс принятия новых нормативных актов. Полная блокировка чат-бота проведена в Китае.

Лингвистические интеллектуальные системы действительно совершили революцию в понимании будущего ИИ и общества. Если еще десять лет назад предполагалось, что ИИ будет осваивать сферу услуг, вытесняя работников рутинного труда, что действительно массово происходит, то новые поприща семантических пространств Chat GPT-4 свидетельствуют о начавшемся вытеснении человека из пространств культуры и творчества, что ожидалось лишь с появлением Сильного ИИ к середине века. Оказалось, что фактически не существует демаркации естественных и искусственных текстов, человеческой деятельности в сети и деятельности ИИ в сети, причем, последняя на порядки может превосходить человеческую. Речь не о тестах Тьюринга, мы знаем, что пишет машина, но не можем отличить ее текст от человеческого. Интенсивная генерация литературных и квазинаучных текстов ИИ, массовых фейковых сообщений создает семантический шторм информационного хаоса в гибридном человеко-машинном социуме, который уже начался. В этом, по-видимому, основная причина прекращения основных дальнейших разработок Chat GPT-5.

Таким образом, основная проблема в отношении человек-машина сегодня – это нахождение критериев демаркации искусственного и естественного разума, нахождение зоны автономии человеческой когнитивной деятельности, недоступной для ИИ. Конечно, речь может идти о блокировке развития ИИ, во что я не верю, но экзистенциально важно найти естественную зону автономности. На мой взгляд, это способности эвристические и интуитивные, способности высокого творчества, которые нельзя просчитать алгоритмами полиномиальной сложности и кентавристикой комбинаторики уже известного.

Литература

1. Буданов В.Г. Квантово-синергетическая антропология и проблемы искусственного интеллекта и трансгуманизма // Философские науки. 2013. №9. С. 25-37.
2. Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. М.: УРСС, 2007.
3. Буданов В.Г. Обобщенная научная рациональность: истоки, структура, перспективы в цифровую эпоху / Антропомерность как вызов и ответ современности: Коллективная монография. Отв. редактор В.Г. Буданов. Курск: Изд-во ЗАО «Университетская книга», 2022. С.44-63.
4. Буданов В.Г., Асеева И.А. Умвельт-анализ и дорожные карты большого антропологического перехода // В сборнике: Глобалистика: глобальная экология и устойчивое развитие. Материалы V международного научного конгресса. 2017. https://lomonosov-msu.ru/archive/Globalistics_2017/data/section_6_10143.htm
5. Буданов В.Г., Сеницына Т.А. Квантово-синергетическая онтология обобщенной телесности: от антропологии театра к очеловечиванию искусственного интеллекта, проблема границ // Культура и искусство. 2020. № 7. С.13-28.
6. Матурана У., Томпсон Э., Рош Э. Воплощенный разум: когнитивная наука и человеческий опыт. MIT Press, 1991.
7. Miller G.A. The magical number seven, plus or minus two: Some limits on our capacity for processing information // Psychological Review. 1956. №63(2). P. 81-97.

ANTHROPOSOCIAL CHALLENGES OF EXPANSION ARTIFICIAL INTELLIGENCE

© Vladimir G. Budanov

Doctor of Philosophy, Candidate of Physical and Mathematical Sciences,
Chief Researcher of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences,
Head of the Sector of Interdisciplinary Problems of Scientific and Technical Development
budsyn@yandex.ru

The evolutionary causes and scenarios of the emergence and development of AI are discussed. Modern socio-anthropological challenges of autonomous intelligent systems such as Chat GPT are considered. Ethical, legal, cognitive, communicative, cultural challenges of AI expansion, problems of hybrid intelligence and society, opportunities to overcome the transhumanistic technocentric paradigm of development, legitimization of post-critical rationality are noted.

Keywords: artificial intelligence, mind, umwelt, Miller's law, neural network

REFERENCE

1. Budanov V.G. (2013). Kvantovo-sinergeticheskaya antropologiya i problemy iskusstvennogo intellekta i transgumanizma [*Quantum-synergetic anthropology and problems of artificial intelligence and transhumanism*] //

- Filosofskie nauki [*Philosophical Sciences*]. №9. P. 25-37.
2. Budanov V.G. (2007). Metodologiya sinergetiki v postneklassicheskoj nauke i v obrazovanii [*Methodology of synergetics in post-nonclassical science and education*]. M.: URSS.
 3. Budanov V.G. (2022). Obobshchennaya nauchnaya racional'nost': istoki, struktura, perspektivy v cifrovuyu epohu [*Generalized scientific rationality: origins, structure, prospects in the digital age*] / Antropomernost' kak vyzov i otvet sovremennosti: Kollektivnaya monografiya. Otv. redaktor V.G. Budanov [*Anthropomerity as the call and response of modernity: A collective monograph. Editor V.G. Budanov*]. Kursk: Publishing House "University Library". P.44-63.
 4. Budanov V.G., Aseeva I.A. (2017). Umvel'tanaliz i dorozhnye karty bol'shogo antropologicheskogo perekhoda [*Umwelt-analysis and road maps of the great anthropological transition*] // V sbornike: Globalistika: global'naya ekologiya i ustojchivoe razvitie. Materialy V mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa [*In the collection: Globalistics: Global Ecology and sustainable development. Materials of the V International Scientific Congress*]. https://lomonosov-msu.ru/archive/Globalistics_2017/data/section_6_10143.htm
 5. Budanov V.G., Sinicya T.A. (2020). Kvantovo-sinergeticheskaya ontologiya obobshchennoj telesnosti: ot antropologii teatra k ochelovechivaniyu iskusstvennogo intellekta, problema granic [*Quantum-synergetic ontology of generalized reality: from the anthropology of theater to the humanization of artificial intelligence, the problem of borders*] // Kul'tura i iskusstvo [*Culture and Art*]. № 7. P.13-28.
 6. Maturana U., Tompson E., Rosh E. (1991). Voploshchennyj razum: kognitivnaya nauka i chelovecheskij opyt [*Embodied Mind: cognitive science and human experience*]. MIT Press.
 7. Miller G.A. (1956). The magical number seven, plus or minus two: Some limits on our capacity for processing information // *Psychological Review*. №63(2). P. 81-97.

КРОСС-КУЛЬТУРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

КУЛЬТУРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИНДЕКСА КАЧЕСТВА ЭЛИТ КАК ПОКАЗАТЕЛЯ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

© Сухарев А.В.

Доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
лаборатории социально-экономической психологии,
Институт психологии РАН, Москва, Россия
zavor753@mail.ru

Исследование выполнено по госзаданию в Институте психологии РАН
(лаборатория социально-экономической психологии, № 0138-2023-0010)

В работе с позиций концепции этнофункционального синтеза хаоса и космоса выявлены различия в структуре ментальности коллективных субъектов стран, руководимых элитами с высоким индексом качества, и стран с низким индексом качества элит. Показано, что коллективные субъекты стран с высоким индексом качества элит обладают низким уровнем психологической зрелости, а с низким качеством – более высоким уровнем. Уровень психологической зрелости субъекта на основе авторской концепции определялся по степени синтеза компонентов архаики, премодерна и модерна в его ментальности. В то же время, повышение темпов социально-экономического развития (ВВП по ППС) стран, как важного показателя благосостояния общества, связано именно с высоким уровнем психологической зрелости коллективных субъектов. Таким образом, индекс качества элит не может являться адекватным гуманитарным (социально-экономическим) показателем и ориентиром для развития общества.

Ключевые слова: индекс качества элит, архаика, премодерн, модерн, этнофункциональный подход, коллективный субъект

Введение

Как правило, изменения в ментальности общества инспирируются со стороны его властных слоев (коллективного субъекта) [5] политической элиты, в оптимальном случае имеющей представление о проблемах общества и направлении его развития. Понятно, что в современное научное представление о национальной элите не могут быть включены такие признаки, как уровень материального благосостояния, принадлежность к высшей политической власти и т.п. Более того, анализируя роль элиты в

развитии личности, культуры и общества в целом говорят также о «духовной элите» и, что «...от наличия духовной элиты и ее качеств зависит судьба народа и человечества» [19, с. 109].

В последнее время все большее внимание ученых привлекают так называемые «психологические теории элит» [7, с. 16-17]. Интерес к психологии элиты смещает акцент исследований на изучение ее ментальности и содержания образной сферы, имеющей регуляторную функцию. *Определение элиты* сильно варьируется в

различных исследованиях, однако общим положением является *идеальное представление об элите как наделенной высокими нравственными, умственными, творческими и другими характеристиками* [1; 10; 17; 19].

Несомненно, что в идеале ментальность индивидуального или коллективного субъекта должна быть целостной, а не представлять собой конгломерат внутренне не связанных положительных психологических качеств. Данная ментальность должна обладать неким системообразующим качеством, которое органично включает различные положительные свойства, проявляя их в зависимости от жизненной необходимости. Помимо таких необходимых качеств как высокий уровень интеллекта и пр., субъект национальной элиты, во-первых, должен характеризоваться направленностью на нравственный идеал, во-вторых – на благо своего народа, государства и, в-третьих, на благо всего человечества, этносферы¹ [1; 10; 21].

Несомненно, обретение данных положительных психологических и нравственных качеств должно быть обязательным условием формирования как индивидуального, так и коллективного субъекта национальной элиты. В связи со сказанным возникает проблема выработки единого языка описания развития индивидуального и коллективного субъекта. В нашем исследовании мы исходим из того, что ментальность национальной элиты тесно связана с ментальностью коллективного субъекта определенной страны, однако имеющиеся различия между ними могут являться условиями развития для данного субъекта.

Целью настоящего исследования было, во-первых, выявить различия структуры ментальности коллективных субъектов стран, руководимых элитами с высоким индексом качества, и стран, руководимых элитами с низким индексом качества. Во-вторых, предполагалось

выявить связь уровня психологической зрелости соответствующих коллективных субъектов с показателями темпов социального развития этих стран.

Ментальность субъекта с позиций концепции этнофункционального синтеза хаоса и космоса

Исследования с позиций этнофункционального подхода показывают, что формирование направленности личности на идеальный прообраз развития этносреды² ее рождения и проживания³, способствует повышению степени ее психической, психосоматической и социально-нравственной адаптированности [12; 14]. Данная направленность обуславливает снижение риска возникновения психических и психосоматических расстройств, наркомании, криминального поведения, а также повышение уровня репродуктивного и творческого интеллекта, повышение уровня нравственности, усвоению основных положений мировых религий, способность к более гармоничному разрешению межэтнических конфликтов и пр. [2; 3; 14; 16; 22; 23; и др.]. Исследования показывают, что указанные выше показатели, по существу, отражают уровень психологической зрелости индивидуального субъекта [14, с. 114-123; 18; и др.]. Согласно принципам этнофункционального развития и единства микро- и макрокосма личность как микрокосм должна последовательно пройти все ступени, соответствующие ступеням развития этносреды ее рождения и проживания как макрокосма. По мере этнофункционального развития ментальности личности ведущее содержание ее образной сферы⁴ (термин А.А. Гостева) на каждой ступени расширяется (интегрируется) от уровня узко этнического (например, уровня краеведения и т.п.) до общероссийского и, далее, до этносферного уровня, реализуясь как

¹ Термин Л.Н. Гумилева

² В психологические параметры развития этносреды мы включаем представления: природно-географические (включая фауну и флору), культурно-психологические, антропо-биологические и трансцендентные (умозрительные религиозные и мифологические представления).

³ Так называемой архегенийной направленности [12; 14].

⁴ Психические образы и образная сфера в целом, согласно исследованиям, имеют регулятивную функцию в поведении субъекта [4; и др.].

направленность на пространственную непрерывность развития ментальности субъекта. Например, вариантом искажения развития ментальности субъекта является, подчас, декларируемая «общечеловеческая идентичность» в большинстве случаев характеризующая ментальность психологически недостаточно зрелой личности, полноценно не прошедшей все предыдущие ступени этнофункционального развития. Э. Эриксон писал: «Слишком широкая идентичность „человека вообще“, т.е. вне расовых, религиозных и других типов идентичностей порождает опасность того, что человек может присвоить себе право причислять или не причислять остальных к человечеству» [24, с. 329].

Наряду с направленностью развития субъекта на идеал пространственной непрерывности его ментальности, для системной интеграции последней необходим учет временной составляющей. Ментальность субъекта имеет «слоистую» структуру, включающую в себя в качестве компонентов ведущие представления [14, с. 108] исторического прошлого, настоящего и будущего, специфические для конкретных природно-культурных ареалов. На основании принципа единства микро- и макрокосма ментальности коллективного и индивидуального субъектов имеют аналогичную «слоистую» структуру. Образное содержание каждого из данных исторически сложившихся «слоев» может быть интегрировано в целостную структуру ментальности как ее компоненты.

В соответствии с принципом развития, ментальность не только индивидуального, но и коллективного субъекта, прежде чем трансформироваться в общечеловеческую ментальность, должна пройти все ступени развития, а субъект — достичь высшего уровня психологической зрелости и саморефлексии ступеней этнофункционального развития [14].

Для обобщенного описания механизмов психологического развития с единых теоретических позиций на основе аналогии образного содержания ступеней развития ментальности индивидуального и коллективного субъекта в качестве концепта среднего уровня (Р. Мертон) были предложены культурологические понятия ступеней архаики, премодерна (надэтнически-религиозной), модерна и постмодерна (как эклектики содержания предыдущих ступеней). С позиций концепции этнофункционального синтеза хаоса и космоса, повышение степени синтеза образного содержания данных ступеней обуславливает развитие субъекта и его направленность на идеал (Логос) [14]⁵. Исследования показывают также, что отсутствие в содержании саморефлексии субъекта тех или иных компонентов прошлого, настоящего или будущего может обуславливать нежелательные отклонения в его развитии [8; 14; и др.].

Принадлежность личности к национальной элите не является чем-то однажды заданным и неизменным, ее в идеале дополняет существование «социальных лифтов», что в принципе оставляет открытым путь к интеграции в элитную ментальность практически для каждого человека. С учетом сказанного выше, правильнее было бы говорить не о национальной элите как социальной группе, а об идеальной «элитной ментальности» субъекта, носителями которой в той или иной мере могут быть люди весьма далекие от власти, но являющиеся «совестью нации» и характеризующиеся направленностью на общее благо и другими необходимыми психологическими качествами. При этом, например, существенное расхождение между недостаточно зрелой ментальностью представителей властных слоев общества и относительно более зрелой (собственно элитной) ментальностью других социальных слоев является маркером риска возникновения социальных проблем и катаклизмов.

⁵ Содержание архаики наделяется наиболее выраженной этнической и хаотизирующей функцией, содержание премодерна — относительно менее выраженной этнической и относительно выраженной

космизирующей функцией, а содержание модерна наделяется нейтральной этнической и абсолютной космизирующей функцией [14].

Наши исследования на индивидуальном и коллективном уровне показывают, что характер включенности в структуру ментальности компонентов архаики, премодерна и модерна может обуславливать развитие у субъекта необходимых для «элитной ментальности» (и не только) положительных качеств. Включенность данных компонентов обуславливают возможность их дальнейшего синтеза субъектом как в пространственном, так и во временном отношении. Таким образом, для анализа уровня психологической зрелости коллективного субъекта необходима разработка соответствующих показателей на предложенном выше языке понятий среднего уровня. Использование данного языка описания, как мы полагаем, может адекватно отражать содержание ментальности коллективных субъектов стран мира, а также уровень психологической зрелости элит, как показателя их качества.

Методика исследования

Для целей эмпирического исследования ментальности коллективных субъектов стран мира мы использовали анализ интернет-запросов с помощью веб-инструмента Google Trends [25], который использовался в ряде наших предыдущих исследований [13; 15; и др.]. Описание применения данного инструмента в социально-психологическом исследовании было подробно представлено в работе [15]. Он позволяет выявлять относительную частоту выборов коллективными субъектами стран мира выделенных нами структурных компонентов ментальности. Полученные частоты мы рассматривали как показатели выраженности проективного интереса субъектов к темам, связанным с соответствующими запросами. Тему компонента архаики, характеризующейся приоритетом природных представлений, магическим мышлением и родовыми отношениями (Л.

Леви-Брюль) мы в исследовательских целях редуцировали к интернет-запросу «Природа», тему надэтнически-религиозных представлений (премодерн) – к запросу «Бог», а тему компонента модерна – к теме «Знание» [15].

Согласно результатам наших исследований, необходимым базовым условием развития субъекта является наличие в его ментальности энергизирующего, образующего адаптационный потенциал для дальнейшего развития этноинтегрирующего компонента архаики⁶ [13-15]. Исходя из результатов исследований развития ментальности субъекта на индивидуальном и, отчасти, на коллективном уровне можно выделить следующую иерархию степеней синтеза образного содержания этой ментальности, которая по ряду показателей (высокий/низкий адаптационный потенциал, уровень интеллекта, уровень усвоения нравственных и социальных норм, гармоничность взаимодействия эмоционально-чувственных и когнитивных сторон отношений и др.) отражает уровень психологической зрелости субъекта [14; и др.]. Высокому уровню психологической зрелости субъекта соответствует высокая степень синтеза компонентов ментальности, среднему – средняя степень, низкому – низкая. Данный показатель, на наш взгляд, характеризует стратегический потенциал развития субъекта.

1. *Высокая степень синтеза.* Характеризуется наиболее гармоничной интеграцией представлений (компонентов) архаики («Природа») и премодерна (надэтнически-религиозных – «Бог»). В качестве признака гармоничного синтеза данных компонентов рассматривается наибольшая количественная⁷ выраженность проективно выявленных интернет-запросов по теме «Знание» [13; 14]. В идеале иерархия компонентов могла бы быть такой: «Знание» > «Бог» > «Природа». Так как данные интернет запросы характеризуют проективный

⁶ В настоящем исследовании мы исходили из предположения, что интернет-запрос «Природа», характеризующий архаику, для каждой из стран преимущественно описывал родную, этноинтегрирующую природу.

⁷ Веб-инструмент Google Trends позволяет выявлять процентное соотношение интернет-запросов по

исследуемым темам к общему количеству запросов для данного региона в заданный отрезок времени. В частности, Yandex Statistics выявляет лишь абсолютное количество интернет-запросов слов (но не тем) по региону в месяц.

интерес к данным темам, то приоритет «Знания» свидетельствует об определенном синтезе архаики и премодерна, а положение запроса «Природа» на последнем месте свидетельствует о том, что субъект полноценно обеспечен энергетически, достаточно гармоничен и психологически зрел. Наши исследования показывают, что в реальности высокой степенью синтеза характеризуются коллективные субъекты таких стран, как Аргентина, Китай, Куба, Турция, Чили и др. Для этих стран характерны высокие темпы роста ВВП по ППС⁸ и другие показатели развития, а также следующее соотношение интернет-запросов: «Знание» > «Природа» > «Бог» [15].

2. *Средняя степень.* Характеризуется парциальным синтезом хаотизирующего компонента архаики («Природа») и относительно космизирующего компонента премодерна («Бог»). В качестве признака средней степени синтеза рассматривается наибольшая выраженность проективных запросов по теме «Бог».

Например, несмотря на то, что практически все жители африканского континента официально исповедуют мировые религии (христианство и мусульманство), около 70% одновременно являются приверженцами «языческих» практик [9, с. 65]. Во всех 56 африканских странах преобладает интернет-запрос «Бог», на втором месте запрос «Природа» (в 51 стране)⁹. Это свидетельствует о соответствующем проективном интересе к указанным темам и психологическом процессе «начальной космизации» архаической компоненты ментальности. Исследования на индивидуальном уровне показывают, что в соответствии с принципом этнофункционального развития начальный этап усвоения религиозных положений и понятий (Бог, заповеди) необходимо включает проработку

этноинтегрирующих представлений архаики [3; 12, 83-85, 93-95; и др.]

3. *Низкая степень.* Характеризуется недостаточным синтезом компонентов архаики и премодерна. Как признак низкой степени синтеза в ментальности субъекта рассматривается наибольшая выраженность интернет-запросов по теме «Природа». Приоритет запросов по данной теме свидетельствует о недостаточном уровне психологической зрелости субъекта и его недостаточном для дальнейшего развития адаптационном потенциале. Усвоение таким субъектом надэтнически-религиозных ценностей и тем, более, научных знаний при этом осуществляется неорганично, вследствие искажения развития. Например, практически во всех республиках бывшего СССР, включая собственно Россию, преобладает запрос «Природа» (кроме Литвы, Азербайджана, Армении и Эстонии¹⁰), что свидетельствует о переживании «постсоветского» кризиса. В целом в мире немного стран, характеризующихся приоритетом запроса «Природа». Это такие ориентированные на экспорт ресурсов страны как Монголия, Лаос, Таиланд, Шри-Ланка, также сюда относятся относительно развитый Вьетнам.

В эмпирическом исследовании анализ интернет-запросов осуществлялся для 151 страны, ранжированных по рейтингу качества элит: 10 стран с самым высоким индексом качества элит и 10 стран с самым низким индексом.

Эмпирический анализ опирался на результаты периодического исследования индекса качества элит, осуществляемого в швейцарском Университете св. Галла (Universität St. Gallen) в рамках международной программы Foundation for Value Creation (последняя редакция: 23.12.2022 г.). Методика, использованная при составлении рейтинга, по словам авторов,

⁸ Валовой внутренний продукт (ВВП) с учетом паритета покупательной способности (ППС). ППС имеет практический смысл для простого обывателя: паритет покупательной способности – это соотношение валют, которое сравнивает возможность в разных странах купить за одинаковую сумму похожие наборы товаров [20].

⁹ Эмпирические данные по странам Африки и бывшего СССР фиксировались на 2020 год.

¹⁰ Литва по историко-гуманитарным причинам единственная преодолела кризис, в ее ментальности с большим отрывом преобладает запрос «Знание», затем почти равный интерес к теме «Бог» и «Природа». У Азербайджана приблизительно одинаковый интерес ко всем компонентам (немного преобладает «Бог»), похоже, вследствие влияния Турции. В Армении и Эстонии преобладает запрос «Бог», что свидетельствует о средней степени синтеза.

основывалась на положении, что высшим качеством наделялись элиты, которые оказывали положительное влияние на развитие своих стран, а низшим качеством – элиты, оказывающие отрицательное влияние. Данная методика опиралась на 72 комплексных показателя, характеризующих создание / перераспределение благ (ценностей) в различных сферах. Индекс качества элит отражает уровень влияния элит на развитие общества по следующим показателям: 1) Показатель благосостояния общества, отражающий влияние элит на создание и перераспределение различных благ. 2) Показатель власти (управляемость), способность элит настаивать на своих предпочтениях и бизнес-моделях, их потенциальная возможность изымать созданные блага, посредством механизмов госуправления [11]. В качестве базовых параметров для определения качества элиты рассматриваются следующие: экономическая власть, экономическая ценность, политическая власть, политическая ценность. В частности, Россия заняла 23-е место из тридцати двух стран – выше Индии, Бразилии и ЮАР. Для России характерен значительный разброс между разными компонентами индекса¹¹ [6].

Согласно рейтингу, страны с самым высоким индексом качества элит (рейтинг индекса по убыванию от 64 до 63,1) были следующими: Сингапур, Швейцария Австралия, Израиль, Нидерланды, Швеция, Канада, Великобритания, Эстония, Германия. Страны с самым низким индексом качества элит (рейтинг по убыванию от 38,2 до 28,3) это: Афганистан, Мавритания, Лесото, Иран, Гаити, Йемен, Сирия, Ирак, Ливия, Судан.

Кроме того, среди стран с высоким и низким индексом качества элит было осуществлено исследование этнической функции интернет-запросов по темам: «Джунгли», «Ель», «Пустыни», «Пальмовые», «Дуб». Фиксировались только этно-дифференцирующие интернет-запросы, например, запросы «Джунгли»,

«Пальмовые» и «Пустыни» для такой страны как Норвегия или «Дуб» и «Джунгли» для Йемена.

Анализ эмпирических данных осуществлялся с помощью U-критерия Манна-Уитни.

Результаты исследования и их обсуждение

Из таблицы 1 видно, что в странах с высоким индексом качества элит имеет место следующая иерархия количества интернет-запросов: «Природа» > «Знание» > «Бог». Согласно нашей иерархии, это соответствует низкой степени синтеза компонентов ментальности коллективного субъекта и показателю низкого уровня психологической зрелости. При этом у стран, характеризующихся низким индексом качества элит по нашим показателям, выявлены более высокая степень синтеза компонентов «Бог» > «Знание» > «Природа» и, соответственно, более высокий (т.е. средний) уровень психологической зрелости коллективного субъекта.

Казалось бы, высокое качество элит должно обеспечивать высокий уровень благосостояния соответствующих стран, особенно темпы роста этого благосостояния. Вместе с тем, наши исследования взаимосвязи международного рейтинга стран по темпам роста ВВП по ППС со структурой ментальности их субъектов показали, что для высоких темпов роста характерно следующее соотношение структурных компонентов: «Знание» > «Природа» > «Бог». Такое соотношение является показателем высокой степени синтеза компонентов ментальности и высокого уровня психологической зрелости.

Для того чтобы понять смысл выявленного несоответствия, вспомним базовые параметры, на основе которых составлялся рейтинг качества элит. К ним относятся 1) экономическая власть, 2) экономическая ценность, 3) политическая власть, 4) политическая ценность. Из перечисленных базовых параметров видно, что только показатель (2) отражает реальное

¹¹ Россия получила самые высокие оценки по макро-экономической политике – таким факторам, как инфляция (первое место) и отношение государст-

венного долга к ВВП (второе место). Высоко оценены налоговая политика, конкурентоспособность банковской системы, низкий уровень госдолга.

влияние элиты на создание различных благ, а остальные три показателя отражают лишь государственность, способность элиты следовать собственным предпочтениям и политически оправданным бизнес-моделям [6]. После распада СССР в современном мировом сообществе «следование своим предпочтениям и бизнес-моделям» преимущественно означает политико-экономическую приверженность ценностям глобального рынка, ВТО, рекомендациям МВФ и т.п., но отнюдь не направленность на повышение благосостояния граждан и таких

гуманитарных показателей, как медобслуживание и пр.

Вместе с тем, преобладание количества интернет-запросов по всем исследуемым темам в странах с высоким индексом качества элит, по сравнению со странами с низким индексом, свидетельствует, на наш взгляд, об относительно большей когнитивной активности коллективных субъектов (таблица 1а), что в условиях мультикультурной среды способствует повышению тревожности.

Таблица 1. Сравнение соотношения количества интернет-запросов по темам «Природа», «Бог» и «Знание» в % для стран с высоким и низким индексом качества элитна 2022 г.

Соотношение количества запросов	Высокий индекс качества элит	U	Вероятность ошибки	Низкий индекс качества элит
«Знание»/ «Бог»	31%	$U_{эмп}=9$ $U_{0.01}=19$ $U_{0.05}=27$	p<0,01	17%
«Знание» / «Природа»	50%	$U_{эмп}=3,5$ $U_{0.01}=19$ $U_{0.05}=27$	p<0,01	129%
«Бог» / «Природа»	163%	$U_{эмп}=0$ $U_{0.01}=19$ $U_{0.05}=27$	p<0,01	829%
Соотношение количества запросов при высоком индексе качества элит	«Бог» < «Знание» < «Природа»			
Соотношение количества запросов при низком индексе качества элит	«Природа» < «Знание» < «Бог»			

Таблица 1а. Сравнение количества интернет-запросов по темам «Природа», «Бог» и «Знание» в баллах для стран с высоким и низким индексом качества элитна 2022 г.

Количество запросов	Высокий индекс качества элит	U	Вероятность ошибки	Низкий индекс качества элит
«Природа»	48	$U_{эмп}=0$ $U_{0.01}=19$ $U_{0.05}=27$	p<0,01	9
«Бог»	71	$U_{эмп}=28,5$ $U_{0.01}=19$ $U_{0.05}=27$	p<0,05	64
«Знание»	23	$U_{эмп}=9$ $U_{0.01}=19$ $U_{0.05}=27$	p<0,01	11

Таблица 2. Сравнение количества этнодифференцирующих интернет-запросов в % по темам «Джунгли», «Ель», «Пустыни», «Пальмовые», «Дуб» для стран с самым высоким и низким индексом качества элит на 2022 г.

	Высокий индекс качества элит	U	Вероятность ошибки	Низкий индекс качества элит
% Этнодифференцирующих интернет-запросов	55%	$U_{\text{эмп}}=26,5$ $U_{0.01}=19$ $U_{0.05}=27$	$p < 0,05$	37%

Кроме того, исследование показало, что в ментальности коллективных субъектов стран с высоким индексом качества элит, по сравнению с низким индексом, достоверно преобладают этнодифференцирующие природные представления (таблица 2). Данный феномен свидетельствует о повышенном уровне тревожности, что в современной мультикультурной среде является показателем психологической перегрузки и обуславливает ряд проявлений психологической дезадаптированности [14].

На основании результатов исследования можно предположить, что индекс качества элит, полученный на основе оценки их способности в той или иной мере следовать глобальным «бизнес-моделям» и другим политически оправданным идеям не вполне соответствует необходимой гуманистической направленности развития коллективных субъектов исследуемых стран.

Заключение и выводы

Исследование показало, что индекс качества элит, измеряемый в рамках международной программы в Университете св. Галла, связан с низкой степенью синтеза компонентов архаики, премодерна и модерна в ментальности субъектов исследуемых стран. Данный индекс не является предиктором темпов роста ВВП по ППС, связан с повышением тревожности коллективного субъекта и проявлениями психологической дезадаптированности [14].

Высокий индекс качества элит в данном случае отражает низкий уровень психологической зрелости коллективных субъектов исследуемых стран, а низкий уровень качества элит отражает средний уровень психологической

зрелости. В то же время высокий уровень психологической зрелости коллективного субъекта связан с высокими темпами роста ВВП по ППС, отражающими реальное возрастание благосостояния населения конкретных стран. Таким образом, исследуемый в работе индекс качества элит не может являться адекватным ориентиром для развития общества по гуманитарным (социально-экономическим) показателям.

Литература

1. Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: Имка-Пресс, 1990.
2. Бухарева С.Л. Особенности формирования этнической идентичности у подростков в этнически ориентированных учебных центрах: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: 2005.
3. Выдрина Е.А. Этнофункциональный аспект возникновения легкой умственной отсталости у дошкольников: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: 2007.
4. Гостев А.А. Психология вторичного образа. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2007.
5. Журавлев А.Л. Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 5. С. 72–80.
6. Индекс качества элит или как он влияет на экономическое и политическое развитие. URL: <https://www.skolkovo.ru/expert-opinions/indeks-kachestva-elit-kak-oni-vliyayut-na-ekonomicheskoe-i-politicheskoe-razvitie/> (дата обращения 25.03.2023).

7. Карабушенко П.Л., Карабушенко Н.Б. Психологические теории элит. М.: Памятники исторической мысли, 2006.
8. Нестик Т.А. Социально-психологическая детерминация группового отношения к времени: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М.: ИП РАН, 2015.
9. Опарин А.А. Религии мира и Библия. Харьков: «Факт», 2004.
10. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2002.
11. Рейтинг стран по качеству элит. URL:<https://gtmarket.ru/ratings/elite-quality-index> (дата обращения 25.03.2023).
12. Сухарев А.В. Развитие русской ментальности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
13. Сухарев А.В. Эмпирическое компаративное исследование ментальности России и стран с различными показателями уровня и темпов социально-экономического развития // Вестник славянских культур. Декабрь 2021. Т. 62. С. 120-128.
14. Сухарев А.В. Развитие субъекта: Логос, космос и хаос. М.: Когито-Центр, 2022.
15. Сухарев А.В. Анализ взаимосвязи социально-психологических и социально-экономических характеристик стран мира с позиций концепции синтеза хаоса и космоса // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2023. Т.3. №1. С.33-44. DOI:10.38098/proceedings_2023_03_01_04
16. Сухарев А.В., Тимохин В.В., Выдрин Е.А., Шапорева А.А. Роль значений этнической функции представлений личности в изменении показателей уровня интеллекта // Экспериментальная психология. 2019. Т. 12. № 2. С. 47-60. doi:10.17759/exppsy.2019120204
17. Тойнби А.Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991.
18. Феномен и категория зрелости в психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Когито-Центр, 2007.
19. Чернов Г.Ю. Социально-массовые явления: исследовательские подходы. Дубна: Феникс+, 2005.
20. Что такое паритет покупательной способности (ППС). URL:<https://bankstoday.net/last-articles/paritet-pokupatelnoy-sposobnosti> (дата обращения 25.03.2023).
21. Шаповалов В.Ф. «Восстание масс» по-русски // Свободная мысль. 1993. № 12. С. 35.
22. Шапорева А.А. Роль этнической функции содержания сказок в развитии гармоничного взаимодействия когнитивных и эмоциональных сторон отношений у младших школьников и подростков: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: 2007.
23. Шустова В.О. Этнофункциональный подход к антинаркотическому и антиалкогольному воспитанию молодежи: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: 2007.
24. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.
25. Google Trends. URL:<https://trends.google.ru/home> (дата обращения 25.03.2023).

CULTURAL AND PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF THE ELITE QUALITY INDEX AS AN INDICATOR OF THE SOCIETY DEVELOPMENT

© Akexandr V. Sukharev

Doctor of Psychological Sciences, Professor, Leading Researcher at the Laboratory of
Socio-Economic Psychology, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
zavor753@mail.ru

In the work, from the standpoint of the concept of ethno-functional synthesis of chaos and cosmos, differences in the structure of the mentality of collective subjects of countries with a high elite quality index and countries with a low-quality index were revealed. Moreover, the collective subjects of countries with a high elite quality index had a low level of psychological maturity, and those with low quality had a higher level of maturity. Based on our concept the level of psychological maturity of the subject was determined by the degree of synthesis of archaic, pre-modern and modern components in his mentality. At the same time, an increase in the pace of socio-economic development (GDP by PPP) of countries as an important indicator of the well-being of society is associated precisely with a high level of psychological maturity of collective subjects. Thus, the elite quality index cannot serve as an adequate humanitarian (socio-economic) indicator and a guideline for the development of society.

Keywords: elite quality index, archaic, pre-modern, modern, ethno-functional approach, collective subject

REFERENCES

1. Berdyayev N.A. (1990). *Filosofiya neravenstva [Philosophy of inequality]*. M.: Imka-Press. (In Russ.).
2. Bukhareva S.L. (2005). *Osobennosti formirovaniya etnicheskoy identichnosti u podrostkov v etnicheski oriyentirovannykh uchebnykh tsentrakh [Features of the of ethnic identity formation of adolescents in ethnically oriented educational centers]*: Avtoref. dis. ... kand. psikholog. nauk. M. (In Russ.).
3. Vydrina E.A. (2007). *Etnofunktsionalnyy aspekt vozniknoveniya legkoy umstvennoy otstalosti u doshkolnikov [Ethno-functional aspect of the occurrence of mild mental retardation in preschoolers]*: Avtoref. dis. ... kand. psikholog. nauk. M. (In Russ.).
4. Gostev A.A. (2007). *Psikhologiya vtorichnogo obraza [Psychology of the secondary image]*. M.: Izd-vo «In-t psikhologii RAN». (In Russ.).
5. Zhuravlev A.L. (2009). *Kollektivnyy subyekt: osnovnyye priznaki. Urovni i psikhologicheskiye tipy [Collective subject: main features, levels and psychological types]* // *Psikholog. zhurnal*. V. 30. № 5. P. 72-80. (In Russ.).
6. *Indeks kachestva elit ili kak on vliyayet na ekonomicheskoye i politicheskoye razvitiye [The quality index of elites or how it affects economic and political development]*. Available at: <https://www.skolkovo.ru/expert-opinions/index-kachestva-elit-kak-oni-vliyayut-na-ekonomicheskoe-i-politicheskoe-razvitiye/> (Accessed 25.03.2023). (In Russ.).
7. Karabushchenko P.L., Karabushchenko N.B. (2006). *Psikhologicheskiye teorii elit [Psychological theories of elites]*. M.: Pamyatniki istoricheskoy mysli. (In Russ.).
8. Nestik T.A. (2015). *Sotsialno-psikhologicheskaya determinatsiya gruppovogo otnosheniya k vremeni [Socio-psychological determination of*

- group attitude to time]: Avtoref. dis. ... d-rapsikhol. nauk. M.: IP RAN. (In Russ.).
9. Oparin A.A. (2004). Religii mira i Bibliya. Kharkov. «Fakt». (In Russ.).
 10. Ortega-i-GassetKh. (2002). Vosstaniye mass [*Religions of the world and the Bible*]. M.: AST. (In Russ.).
 11. Reyting stran po kachestvu elit [*Ranking of countries by the quality of elites*]. Available at: <https://gtmarket.ru/ratings/elite-quality-index> (Accessed 25.03.2023). (In Russ.).
 12. Sukharev A.V. (2017). Razvitiye russkoy mentalnosti [*Russian mentality development*]. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN». (In Russ.).
 13. Sukharev A.V. (2021). Empiricheskoye komparativnoye issledovaniye mentalnosti Rossii i stran s razlichnymi pokazatelyami urovnya i tempov sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya [*Empirical comparative study of the mentality of Russia and countries with different indicators of the level and pace of socio-economic development*] // Vestnik slavyanskikh kultur. V. 62. P. 120-128. (In Russ.).
 14. Sukharev A.V. (2022). Razvitiye subyekta: Logos, kosmos i khaos [*Development of the subject: Logos, cosmos and chaos*]. M.: Kogito-Tsentr. (In Russ.).
 15. Sukharev A.V. (2023). Analiz vzaimosvyazi sotsialno-psikhologicheskikh i sotsialno-ekonomicheskikhk harakteristik stran mira s pozitsiy kontseptsii sinteza khaosa i kosmosa [*Analysis of the relationship of socio-psychological and socio-economic characteristics of the countries of the world from the standpoint of the concept of synthesis of chaos and cosmos*] // Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. V. 3. №1. P. 33-44. DOI:10.38098/proceedings_2023_03_01_04 (In Russ.).
 16. Sukharev A.V., Timokhin V.V., Vydrina E.A., Shaporeva A.A. (2019). Rol znacheniy etnicheskoy funktsii predstavleniy lichnosti v izmene-nii pokazateley urovnya intellekta [*The role of the values of the ethnic function of personality representations in changing the indicators of the level of intelligence*] // Eksperimentalnaya psikhologiya. V. 12. № 2. P. 47-60. doi:10.17759/exppsy.2019120204 (In Russ.).
 17. Toynbi A.Dzh. (1991). Postizheniye istorii [*Comprehension of history*]. M.: Progress. (In Russ.).
 18. Fenomen i kategoriya zrelosti v psikhologii [*Phenomenon and category of maturity in psychology*] / Otv. red. A.L. Zhuravlev. E.A. Ser-giyenko. M.: Kogito-Tsentr. 2007. (In Russ.).
 19. Chernov G.Yu. (2005). Sotsialno-massovyye yavleniya: issledovatel'skiye podkhody [*Socio-mass phenomena: research approaches*]. Dubna: Feniks+. (In Russ.).
 20. Chto takoye paritet pokupatelnoy sposobnosti (PPS) [*What is purchasing power parity (PPP)*]. Available at: <https://banksto-day.net/last-articles/paritet-pokupatelnoy-sposobnosti> (Accessed 25.03.2023). (In Russ.).
 21. Shapovalov V.F. (1993). «Vosstaniye mass» po-rossiyski [*"The uprising of the masses" in Russian*] // Svobodnayamysl. № 12. P. 35. (In Russ.).
 22. Shaporeva A.A. (2007). Rol etnicheskoy funktsii soderzhaniya skazok v razvitii garmon-ichnogo vzaimodeystviya kognitivnykh i emotsionalnykh storon otnosheniy u mladshikh shkolnikov i podrostkov [*The role of the ethnic function of the content of fairy tales in the development of harmonious interaction of cognitive and emotional aspects of relationships in younger schoolchildren and adolescents*]: Avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk. Moscow.
 23. Shustova V.O. (2007). Etnofunktsionalnyy podkhod k antinarkoticheskomu i antialkogolnomu vospitaniyu molodezhi [*Ethno-functional approach to anti-drug and anti-alcohol education of youth*]: Avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk. M. (In Russ.).
 24. Erikson E. (1996). Identichnost: yunost i krizis [*Identity: youth and crisis*]. M.: Progress.
 25. Google Trends. Available at: <https://trends.google.ru/home> (Accessed 25.03.2023)

ПОСЛЕ ПОЛЯРИЗАЦИИ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ВЫБОР В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ИДЕНТИЧНОСТИ

© Колесников Алексей

Бизнес-аналитик информационных систем, EPAM Systems, Inc.

Выпускник Президентского физико-математического лицея (№ 239), класс 47-7

© Волченков Дмитрий

Профессор Техасского технологического университета (Texas Tech University).

Выпускник Президентского физико-математического лицея (№ 239), класс 47-7

dimitri.volchenkov@ttu.edu

*«Ни страны, ни погоста
не хочу выбирать.
На Васильевский остров
я приду умирать.
Твой фасад темно-синий
я впотьмах не найду,
между выцветших линий
на асфальт упаду»*

Иосиф Бродский, (1962)

Предельная социальная поляризация разделяет общество на «своих» и «чужих», примирение между которыми невозможно. К кому примкнуть? Уйти или остаться? Мы анализируем возможные стратегии индивидуального ответа на экзистенциальный вызов и их вероятные последствия. В статье анализируются возможные стратегии индивидуального ответа на экзистенциальный вызов и их вероятные последствия. Работа содержит личные свидетельства того, по какой причине был сделан тот или иной выбор и приведено описание соответствующих процессов дезадаптации личности.

Ключевые слова: социальная поляризация, кризис идентичности, экзистенциальный выбор, модели времени

Введение

Экзистенциальный выбор: как ни поступи, все равно – подлец. Осенью 1936 министр пропаганды и президент Имперской палаты культуры Германии Йозеф Геббельс обратился к Марлен Дитрих с небывалым предложением: ей предоставлялось исключительное право самой выбирать тему, продюсера и режиссёра фильмов с ее участием, за каждый из которых ей полагался щедрый гонорар в 200,000 рейхсмарок.

Однако актриса отклонила выгодное предложение, а в марте 1937 года демонстративно подала документы на американское гражданство. Во время войны Дитрих выступала с концертами в войсках союзников в Северной Африке, Италии и Франции. В ноябре 1945 года, прибыв на похороны матери в Берлин, она заявила: «Я почувствовала, что хоронила не только мать, но и Германию, которую я любила и которой для меня больше не существует». Во время

гастролей в Западной Германии в 1960 немцы протестовали против ее концертов, плевали и бросали в нее яйца, видя в ней «предательницу отечества» [28]. Негативное отношение к памяти актрисы сохраняется в Германии до сих пор.

Ситуацию экзистенциального выбора невозможно разрешить, исходя из общекультурных норм. В ней нет заранее известного способа поведения, поэтому, совершая выбор между несовместными альтернативами, личность заново определяет себя. Как следует из поэтического наброска Иосифа Бродского, приведенного в эпиграфе настоящей статьи, от экзистенциального выбора невозможно отказаться: ценой *невыбора* в конечном итоге становится жизнь. Свой собственный выбор между немедленной эмиграцией и «горячими денёчками» поэт вынужден был сделать в ленинградском ОВИРе 10 мая 1972 года [6].

Невротическая природа идентичности. Мы определяем идентичность наиболее широко как невротическое слияние человека с обстоятельствами собственной жизни: нацией, языком, религией, расой, социальным классом, семьей, домом, квартирой, историей жизни, рабочим коллективом, соседством, полученным образованием, культурой, политической партией, местожительством, ландшафтом, цветом неба в месте рождения и т.п. Чем герметичнее среда обитания человека, и чем дольше он в ней живет, тем труднее ему отделить себя от того фрагмента среды, с которым он себя частично отождествил и от того жизненного опыта, который он в данной среде получил. Невротический характер такой привязанности проявляется, например, в ностальгии, форме реактивного или психотического состояния, обусловленной длительным отрывом от объектов отождествления и проявляющейся депрессивным синдромом.

Французский врач Ж.-Б. Дёсюкре в 1841 году описал клинический случай парижанина, чья заветная квартира должна была быть разрушена в ходе предстоящей реновации улицы. Вся жизнь этого человека была связана с прошлым, которое выражалось в его доме. Не допуская возможности того, что жизнь может быть прожита

где-то еще, несчастный умер в своей комнате под утро, назначенное для переезда [38]. Ностальгия впервые вошла в медицинский лексикон в XVII веке и считалась достойным медицинского внимания, обсуждения и вмешательства на протяжении всего XVIII века. Во время французских революционных войн и походов Наполеона значительно увеличилось количество медицинских работ о ностальгии, которые описывали усиливавшееся стремление соединиться с прошлым и даже остаться в живых, благодаря сохранению верности корням. Однако, развитие транспорта и усовершенствование средств коммуникации сделали людей более терпимыми к дальним перемещениям и продолжительной жизни вдали от места рождения. Заболеваемость ностальгией во Франции значительно снизилась к 1850-м годам, а после 1870-х она и вовсе исчезла из национального списка заболеваний [39].

К невротическому механизму социального слияния ведет неосознанное расширение личностной границы человека до «мы», например, некоторого сообщества, требующего от своих членов лояльности в обмен на право переложить ответственность за свое поведение на всю группу. Хотя слияние – это важный механизм социальной когезии, проявляющийся в процессах согласования общей действительности, в ходе конструирования коллективной памяти и совместной организации социальной (исторической) амнезии [33], оно может принимать тяжелый психотический характер, если быстро эволюционирующие личные и групповые нормы и ценности вдруг приходят между собой в противоречие. Когда различные системы убеждений, исходя из которых человек выстраивает свое поведение, становятся несовместимы, он оказывается в ситуации экзистенциального выбора – какую из конфликтующих действительностей принять за реальность.

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы обобщить возможные стратегии поведения перед лицом экзистенциального выбора/вызова и проследить их вероятные долговременные последствия для человека и социума. Композиция авторского коллектива статьи как

нельзя лучше отвечает поставленной задаче: один из авторов Алексей Колесников (далее А.К.) был вынужден совершить свой выбор практически мгновенно – в течение прошедшего года, а другой Дмитрий Волченков (далее Д.В.) начал осуществлять свой выбор 27 лет назад, имея возможность и достаточное время, чтобы

познакомиться со множеством стратегий поведения в условиях экзистенциального выбора и их возможными последствиями на примере эмигрантских судеб. Основным результатом нашей работы, является алгоритмическое дерево сценариев поведения, представленное на рис. 1.

Рис. 1. Алгоритмическое дерево стратегий экзистенциального выбора.

В нашей работе мы различаем два вида времени – социальное и индивидуальное. Настоящее, прошлое и будущее социального времени, принадлежащего и реализуемого группой, мы будем писать с маленькой буквы, как это принято в русском языке. Личные Настоящее, Прошлое и Будущее будут писаться с заглавных букв, что характерно для немецкого языка. Социальное время линейно – течет из прошлого через настоящее в будущее, единосущное прошлому [9; 10]. Личное время конструируется в зависимости от обстоятельств жизни, а может и вовсе не существовать.

Кризис идентичности в глобальном обществе риска

В работах [9; 10] мы определили состояние современного мира через понятие «глобального общества риска», отменяющего будущее в виду грядущих действительных и мнимых планетарных катастроф, создающего предлоги для введения чрезвычайных мер, санкций и экономических барьеров, ослабляющих конкуренцию в глобализирующемся мире путем ограничения свободной торговли, стимуляции миграций, ущемления или даже фактической отмены прав и свобод человека. Для такого общества

характерны внезапные политические, социальные и экономические изменения, влекущие за собой стремительный сдвиг ценностей и норм, определяющих социальное поведение людей, в планетарном масштабе.

Одним из факторов, формирующих глобальное общество риска, является цепная реакция распада государств, эмпирически наблюдаемая на протяжении позднего Нового и всего Новейшего времени истории: государства, фрагментируются тем быстрее, чем их больше – ведут себя как радиоактивные атомы [9; 39, гл. 9]. Если в 1800 году мир был разделен между 20 империями и мог управляться взаимными договорами между ними, то сегодня в ООН участвуют 195 независимых государств, 2 государства имеют в ООН статус наблюдателя, и еще 11 государств, таких как Абхазия, Арцах, Южная Осетия, острова Кука и др. не являются членами ООН, хотя могут входить в состав отдельных комитетов организации. Число таких территорий все время растет. Анализ данных о государствах и политических режимах управления ими, собранных группой Т. Гурра в университете Мэриленда [32; 36], показывает, что среднее время жизни государства Новейшего времени – 121 год, с периодом полураспада в 84,5 года. Иными

словами, если закономерность верна, то к концу текущего века исчезнет половина из ныне существующих в мире стран [25, гл. 9].

Ускоряющаяся фрагментация национальных государств сопровождается опережающим ростом доли населения в городах и появлением гигантских сетевых городских агломераций – *мегаполисов*, таких как Дельта реки Янцзы в Китае, где еще до пандемии проживало свыше 105 млн. человек, производивших валовый национальный продукт в объеме \$2,2 трлн. – больше, чем Россия, Канада или Италия. Являясь главными местами скопления компаний и людей, города предоставляют львиную долю рабочих мест и генерируют подавляющее большинство патентов и инноваций, превращаясь в двигатели национальных экономик. Процессы урбанизации и глобализации сопровождаются растущими потоками внешних и внутренних миграций, если и не разрушающих, то безусловно гибридирующих национальные идентичности: *«принадлежность мигранта расщеплена между опытом «домашнего очага» и «беспределью улицы»* [19, с. 1]. Крупные западные мегаполисы, такие как Лондон, Брюссель, Париж, Торонто или Амстердам, больше половины населения которых родилось за пределами соответствующих национальных государств, становятся глобальными центрами взаимоотношений внутри большой системы международной торговли и обмена информацией, создавая платформы для появления новых, скорее мультикультурных городских, чем традиционных, национальных, идентичностей.

С одной стороны, отчаянные попытки повернуть наблюдаемые процессы вспять военным или политическим путем, неоднократно предпринимавшиеся политиками в последние два с лишним века, в лучшем случае, приносили их государствам лишь временный успех, но неизбежно терпели фиаско в конечном итоге. Поскольку такие эксперименты были неудачными даже в прошлом, то уж навряд ли они смогут увенчаться успехом в будущем, в условиях сетей глобального управления, состоящих из 500 или даже 1000 городов - государств, остро

конкурирующих друг с другом за ресурсы, человеческий капитал и историческое наследие.

С другой стороны, усилия отдельных стран по замораживанию процессов собственной фрагментации при помощи «исправления мира» на путях централизации государства с опорой на левые (гностические) политические режимы, продвигающие «прогрессивные» национальности, расы, гендеры, религиозные конфессии, сословия и социальные классы в противовес «консервативным силам», радикально поляризуют общество, разрушают его групповую идентичность, и, в конце концов, лишь ускоряют внутренние социально-политические процессы, ведущие к его распаду.

Сотни миллионов жителей государств, буквально рассыпающихся сейчас во всех уголках планеты, испытывают кризис национальной идентичности и сталкиваются с необходимостью совершать экзистенциальный выбор – уйти или остаться. Позабывтая, но вновь осмысленная этническая идентичность может играть при этом не последнюю роль, стимулируя процессы реэмиграции и репатриации на реальную или вымышленную «историческую родину». Многие из потенциальных мигрантов принимают трудное решение прямо сейчас. Например, согласно данным Таможенной и пограничной службы Техаса, количество незарегистрированных иммигрантов, пересекших одну только юго-западную границу США в 2022 году, превысило 2,76 млн. человек, побив рекорд прошлого года более, чем на 1 миллион [26]. Нет сомнений, что в ближайшем будущем еще больше людей на всех континентах планеты окажутся перед лицом экзистенциального выбора и будут вынуждены *самостоятельно* выстраивать свою жизнь, без оглядки на какое бы то ни было национальное государство.

В критический момент поздно определять свою позицию и вырабатывать линию поведения. Тем более, что совершённый раз экзистенциальный выбор не только может изменить личность и предназначение самого человека, но, безусловно, оказывает влияние на судьбу его потомков. Чтобы не быть застигнутым врасплох, необходимо осмысленно готовиться к

предстоящему решению заранее – прежде, чем совершать поступки, которые могут привести к необходимости такой выбор делать.

Алгоритмическое дерево стратегий экзистенциального выбора

Главный результат нашей работы представлен на рис. 1 в виде бинарного дерева, представляющего маргинальные стратегии экзистенциального выбора, вместе с их потенциальными предельными результатами для личности и общества. Дерево имеет три уровня ветвления, последовательно описывающие стратегии личного поведения при разных вариантах последующей дезадаптации личности и направленности эго – на себя или на окружающий мир.

Подчеркнем, что дерево, показанное на рис. 1, представляет лишь маргинальные стратегии ответа на вызов, тогда как реальный ситуативный выбор индивида может быть промежуточным, носить смешанные черты и даже – меняться в ходе приобретения жизненного опыта в новых условиях. Например, внешние обстоятельства социальной жизни могут толкать человека любого возраста на переосмысление значения национальной принадлежности в его судьбе, приводить к трансформации его этнической идентичности – ее укреплению или, наоборот – к ее полной утрате [15].

Ниже мы приводим обоснование для предлагаемой схемы, от уровня к уровню.

Предельная социальная поляризация. Идентичность предполагает ощущение своей уникальности и непохожести, непрерывности и целостности, включенности и *подтвержденности* другими людьми [2]. Неподтвержденность идентичности, пожалуй – ведущая проблема миграций и других социально-психологических кризисов, затрагивающих личность на ее жизненном пути. Например, когда одному из авторов (Д.В.) понадобилось найти инвестора для осуществления своего проекта в Китае, группой местных бизнесменов был поднят вопрос о его идентичности. Было выяснено, что отец автора родился на территории исторической Маньчжурии, в семье советского военнотруженика.

Вердикт, вынесенный старшим в группе, гласил: «Маньчжур – не китаец!»

Угрозу ощущению собственной включенности и целостности представляет предельная социальная *поляризация* – сегрегация внутри общества, которая возникает вследствие *ускоренного* изменения облика и положения одних социальных групп относительно других и доходит до их противостояния друг другу. Социальная поляризация может возникать как форма проявления внутриклассовых, межсоединительных социальных различий, возникших в результате растущего неравенства доходов или, например, внешних колебаний цен на недвижимость [29]. Однако, своей предельной формы она достигает в ответ на гностический импульс управляющего режима, пытающегося «исправить мир» неэкономическими методами: восстановить «попранную справедливость», установить «истинную веру» или вернуть «былое величие».

Появление таких режимов, равно как и их деятельность, связаны с процессами ослабления, модификации, постепенного исчезновения или замены одних институтов другими – *деинституализации* [3]. Например, вместо демократического института «равенства всех перед законом» (*equality before the law*), постепенно утрачивающего свою актуальность в США, устанавливается распределительный институт «справедливости» (*equity*), при котором представители разных рас и меньшинств несут различную степень ответственности перед законом и наделяются неодинаковыми правами в обществе во имя получения равных возможностей для удовлетворения своих потребностей, независимо от проявленных способностей и результатов своего труда [30; 34]. Недавние исследования в области политологии и экономики убедительно показывают, что различные формы политической и социальной поляризации увеличивают вероятность насильственных конфликтов, как внутри национальных государств, так и между ними [31].

Институциональный распад обеспечивает групповую динамику, развитие и разложение групповой идентичности: общество, освобожденное от политических и социальных

институтов, делится на тех, кто обладает силой, и тех, у кого ее нет [3]. Дискриминационные нормы, которые появляются в результате деинституализации, эффективно делят общество на два класса – «свои» и «чужие» – между которыми открывается возможность перераспределения ресурсов неэкономическими методами. При этом «свои» избегают экзистенциального выбора, формируя большинство, потому что для умножения сил требуется сплочение вокруг авторитета «больших людей» и неписанных «общих понятий» – вливаются в *потестарную* культуру, в которой человек рассматривается лишь как часть по отношению к своей группе, народу или государству [22]. «Чужие», в отношении которых «своим» позволено практически все, сталкиваются с необходимостью отказаться от территориальной преданности, принимать новые религию, культуру, идеологию и овладевать неродным или несвойственным им языком [4] – сделать свой экзистенциальный выбор.

Деадаптация личности при личном отказе от экзистенциального выбора. «Существовать – значит утверждать, отстаивать себя, любить себя; тот, кому надоело жить, лишает себя жизни» [20]. Распад традиционных социальных институтов в предельно поляризованном обществе приводит к разрушению жизненных стереотипов поведения, дезинтеграции общества и разрыву с его культурными традициями. Деадаптация личности в условиях отказа или невозможности осуществить экзистенциальный выбор в условиях неразрешимого конфликта может выражаться в различных психотических состояниях, таких как тоска, страх или отчаяние, что ведет к кризису личности, с высокой вероятностью переходящей в суицидальную фазу [1].

Индивиды, осознающие неспособность убежать от внешней ситуации и преодолеть свое внутреннее смятение, испытывают чувство обреченности. Будущее для них невозможно, Прошлое теряет свой смысл, и суицид оказывается единственным способом освобождения из западни невыносимого Настоящего – через самоуничтожение. Часто, люди не отдают себе отчета в намерении покончить с собой, начиная

медленное движение в сторону саморазрушения, причиняя вред самим себе [8]. Ослабление социально-культурного сцепления и нарастание психосоциальной изоляции являются мощным источником суицидального поведения в обществе, независимо от экономических условий и состояния психического и физического здоровья его членов. Ограничение свобод личности, жесткая регламентация поведения и прямые репрессии, осуществляемые «своими» по отношению к «чужим» в предельно поляризованном обществе, также ослабляют социальную когезию, повышая число суицидов [11]. Не случайно, в стихотворении И. Бродского «*Ни страны, ни погоста не хочу выбирать*», служащего эпиграфом к данной статье, отказ от экзистенциального выбора ассоциируется с дорогой к смерти.

Если суицид – это агрессия, направленная на себя, то терроризм – это агрессия, устремленная на других. В то время как для большинства людей свойственна уверенность в том, что мир априори справедлив, и наказания без вины не бывает, то для индивидов, обладающих гностическим мировоззрением, современный им мир в корне несправедлив и обречен на уничтожение во имя грядущего торжества справедливости (*equity*). Для таких людей характерно смещение чувства времени – их Прошлое включено в актуальное Настоящее, причем последнее оказывается эмоционально менее значимо, чем первое. Следствием такого искажения становится обесценивание как своей собственной, так и чужой жизни [14]. Убежденность в несправедливости и несправедливости мира пронизывает сердце таких людей жалостью к себе и ненавистью к враждебному окружению, а в социальной практике – противопоставляет людей и сообщества друг другу, возводя между ними стену страха [37].

Оправдание опции выбора, доступной по умолчанию – конформизм. В группе человек ведет себя не так, как вел бы себя в одиночку, потому что следует ожиданиям окружающих, подчас игнорируя собственное мнение, цели и интересы [24]. В основе конформного поведения лежит страх выделиться и противопоставить себя своей группе, вместе с проявлением

осознанной лояльности к ней. Люди, активно выходящие за рамки шаблонного поведения, индуцируют социальные изменения в общине, компрометируя ее единство и безопасность – навлекая на себя в ответ агрессию со стороны большинства [12]. Нетерпимость к иным перед лицом неопределенного будущего проявляется, например, в «крабовой ментальности» или «синдроме высокого мака» – постоянной готовности общины отказаться от самого лучшего, включая мораль, социальные нормы и культурные достижения, вместе с их наиболее выдающимися носителями [10].

Считается, что процесс усвоения коллективного мнения проходит через три стадии: подчинение, идентификацию и интернализацию, когда личная позиция человека добровольно совпадает с позицией большинства [13]. Когда будущее становится принципиально неизвестно и потенциально опасно, единомыслие, установившееся в группе, выходит из-под контроля ее отдельных субъектов и становится самостоятельной господствующей силой, достигая уровня *соборности* – невротической потери человеком чувства реальности происходящего и утраты собственной индивидуальности. В пределе, личное Будущее *отчуждается* от индивида – растворяется в коллективном настоящем, не предоставляющим возможности для индивидуального планирования действий. Вместо рационального выбора и планирования, выживание в групповом настоящем требует готовности брать то, что приходит без личных усилий, или подчиняться общим приказам – *мобилизоваться*.

Примером такого отчуждения была недавняя кампания всеобщей вакцинации, проводившаяся во имя общественного здоровья ввиду отмены будущего смертельно опасным вирусом. Из истории прошлого века известно, что (принудительные) кампании вакцинации, символически отчуждавшие человека от собственного тела, случайно или нет, предшествовали массовым военным мобилизациям и последующим военным действиям с участием многих

миллионов человек. Может случиться, что и последствия последней кампании, проведенной в мировом масштабе, не станут исключением – время покажет.

Гностический вариант отчуждения личного Будущего в пользу группового настоящего ведет к формированию потестарной культуры (от лат. *potestas* – власть) [22] – *властепоклонства* [17]. Действительно, растворившись в «народе», индивидуум теряет субъектность, но его община при этом субъектом не становится. Ведь, любая социальная группа есть прежде всего *объект*, который существует лишь тогда, когда воспринят окружающим миром. Народ постоянно пребывает в своем естественном состоянии нерелексированного нарциссизма, страстно желая быть воспринятым миром в качестве безусловно привлекательного и героического персонажа. Если же внешний мир не собирается признавать его «величия», то такой мир несправедлив и должен понести заслуженное *возмездие* за причиняемое народу зло – быть безжалостно уничтожен. Характерным примером здесь является известное высказывание: «*Зачем нам такой мир, если там не будет России?*». Жалость к себе и мстительность к миру суть движущие эмоции народа, отрекающегося от «старого мира» и спешащего «отряхнуть его прах» со своих ног. Внутри сплочения идет постоянная внутривидовая борьба, в ходе которой сильнейшие используют менее сильных в качестве расходного материала для увеличения собственного силового ресурса. Динамика и природа социальных процессов в обществе «властепоклонников» была осознана и подробно описана как видными представителями русской эмиграции [17], так и иностранными наблюдателями. Достаточно вспомнить известную в польском политическом нарративе метафору кремлевской политики как схватки бульдогов под ковром, видимо пущенную в ход публицистом Стефаном Киселевским. Попав в Россию в английском переводе¹, цитата стала приписываться У. Черчиллю.

¹“The Kremlin's political tussles is being like a fight among bulldogs under a carpet: outsiders hear plenty of growling but have few clues about the victor's identity

until it emerges” // «*Политическая борьба в Кремле похожа на драку бульдогов под ковром: посторонние*

Личный опыт принятия экзистенциального вызова. Всю свою сознательную жизнь один из авторов (А.К.) пытался следовать принципу: *«не стоит бежать от проблем, лучше попытаться изменить мир вокруг себя, чем пытаться найти место, лучшее чем то, где я есть»*. Пожалуй, ему, как нельзя лучше, отвечает художественный образ питерского учителя музыки Николая Чижова, созданный гениальным актером С. Дрейденом, в фильме Ю. Мамина «Окно в Париж». Кредо учителя в отношении эмиграции выражено в известном монологе: *«Хорошо, вы правы! Вы родились в неудачное время, в несчастной, разоренной стране, но это же – ваша страна. Неужели же, вы не можете сделать ее лучше? Ведь, многое зависит от вас – поверьте! Но вы ведь даже не пытались. Неужели же, вам все это – до лампочки?!»*

Будучи востребованным IT-специалистом с неплохим знанием английского языка и имея реальную возможность уехать из России, он никогда не рассматривал такой вариант всерьёз. Его планы на будущее строились в расчете на дальнейшую жизнь в Санкт-Петербурге. Его вполне устраивало сложившееся положение дел, при котором он мог свободно путешествовать по миру, работая на глобальном рынке информационных технологий как специалист по медицинским информационным системам, но при этом жить – в Петербурге.

Каждый раз, посещая новый город в разных уголках мира, А.К. мысленно задавал сам себе вопрос: *«А смог бы я прожить всю жизнь в этом городе?»* Надо сказать, что в мире нашлось очень мало мест, про которые внутренний голос отвечал ему: *«Здесь можно было бы попробовать»*. В большинстве случаев ответ был: *«Здесь хорошо и можно жить. Тут живут прекрасные люди, но я бы здесь долго не выдержал»*. И, каждый раз возвращаясь домой, в Питер, на любимую Большую Охту, он ловил себя на мысли, что это и есть его настоящий дом, и нет для него на Земле места лучше, чем родная Охта.

Несмотря на внезапность событий, потребовавших сформировать кардинально иной образ личного будущего, А.К. считает, что у него были вполне комфортные условия для принятия решения о релокации. Ему действительно предоставили выбор – либо остаться в России, либо эмигрировать. Оба варианта были вполне комфортными с точки зрения материальных условий.

В случае, если А.К. решил бы остаться в России, он не потерял бы работу сразу. Хотя его работодатель, международная компания, объявила об уходе из России еще в марте 2022 года, ее сотрудники могли остаться на родине, перейдя в российскую фирму – наследницу, которая продолжила работу с российскими клиентами компании. Переезд в другую страну для желавших сохранить свою позицию в международной компании был поддержан оплатой транспортных расходов и выделением подъемных средств на первое время. Так что, основной проблемой переезда для АК оказалась невозможность покинуть Россию в течение некоторого времени по семейным обстоятельствам. Работодатель и в этом случае пошел навстречу – была достигнута договоренность, что автор сможет какое-то время продолжать работать в прежней компании, даже оставаясь в России.

Хотя, важным фактором, повлиявшим на принятие решения об отъезде, было нежелание автора спонсировать своими налогами деятельность государства, с решениями которого он был не согласен, основным фактором, определившим его выбор, стало желание остаться глобально востребованным специалистом международного класса – сохранить свою профессиональную идентичность. Ведь, практически весь тридцатилетний рабочий опыт АК был связан с работой в международных компаниях. Автор несколько раз пытался работать в российской бизнес-среде, но, по разным причинам, это не приносило ему ни чувства удовлетворения от законченных проектов, ни особого успеха в реализации его личных способностей и амбиций. Профессиональный выбор для А.К. состоял не в том

слышат много рычания, но мало что знают о личности победителя, пока он не появится».

– работать ли бизнес-аналитиком в России или за рубежом, а между работой бизнес-аналитиком за рубежом и поиском принципиально нового поля деятельности в России. Поэтому, когда был найден вариант, при котором автор мог до октября 2022 продолжать работать в прежней компании, физически оставаясь в России, он согласился. В дальнейшем, по состоянию здоровья, отъезд автора был снова отложен – до января 2023, но не отменен.

Второй автор (Д.В.) во многом уже утратил свежесть своих переживаний по поводу событий четверть вековой давности. Как и первый автор, Д.В. предпочел сохранить свою (академическую) профессиональную идентичность. Сохранял ли он ее, чтобы иметь возможность уехать, или наоборот – уехал, чтобы ее сохранить? На этот вопрос у Д.В. нет ясного ответа. В первых числах октября 1991 на одном из телевизионных каналов новой России в полночь выступил В. Буковский, советский диссидент, вернувшийся в страну вскоре после августовского путча, чтобы участвовать в подготовке ожидавшегося тогда судебного процесса над КПСС. В своем интервью он кратко сообщил, что в конце сентября 1991 свободный доступ в архивы специальных служб СССР был закрыт, а значит революция потерпела фиаско, и теперь нас неизбежно ждет реакция. На миг будущее России предстало как на ладони.

Проводя длительное время за рубежом, Д.В. не смог адекватно поддерживать и воспроизводить свой личный мир, остававшийся в России. Оказались вдруг вырублены сосновые леса Лужского полигона, где автор провел детство и юность. Ускоренные изменения, происходившие как в социально – экономической политике государства, так и в культурной и духовной сферах жизни российского общества, не оставляли ему шанса на успешную адаптацию в случае возвращения. «Я нигде не уезжал, это страна уехала», – часто говорил он друзьям. В его отсутствие в России умирали родные и близкие, оставляя все меньше смысла приезжать обратно, пусть даже на короткое время. Вернувшись с кладбища после похорон матери, сосредоточенно разглядывая створ старой, еще советской

электрической розетки в стене, он вдруг отчетливо почувствовал, что скоро тоже умрет, если останется в России – в сущности, в ней он был уже мертв. Эмиграция, таким образом, представлялась ему тогда вопросом физического выживания.

Принятие вызова – экстаз как тайна рождения личного времени. Греческий «экстаз» (ἔκστασις – от ἐκ – «из, от, с» и ἵστημι – «стоять») означает перемещение или отъезд и, вместе с тем – выход человека за пределы вещественно-психической данности [5]. Совмещение семантики релокации и религиозно-мистического опыта в одном слове не кажется случайным. По нашему убеждению, эмиграция в неизвестность и есть истинное воплощение религиозного опыта в повседневной жизни. Отказавшись от верности прежнему ландшафту ради сохранения профессиональной идентичности и желания остаться «гражданами мира», авторы данной статьи невольно оказались в положении религиозного философа Филона Александрийского – осознали и пережили его откровения на собственном опыте. В понятиях экстаза с богом тот мыслил себя гражданином града небесного, будучи на земле иностранцем, мечтавшем о возвращении в отечество.

Экстаз неизбежно приводит к «выпадению» из времени, и прекращению прежнего бытия души, что описано в «Энеадах» Плотина следующим образом: *«Тогда душа ничего не видит и не различает ни перед собою, ни в себе самой. Она словно бы становится чем-то другим, прекращает быть собою и принадлежать себе»*. Действительно, главным личным переживанием совершаемого экзистенциального выбора в условиях распада групповой идентичности является коллапс модели линейного времени общей для группового сознания и мышления европейских народов.

В нашей работе [9] мы отмечали, что линейное время, которое течет из прошлого через настоящее – в будущее, единосущное прошлому, принадлежит не лично человеку, но всему сообществу «общей памяти», а значит – неотделимо от его групповой идентичности и места жительства. Основные принципы

линейной модели – «где родился, там и пригодился» и «можем повторить!» – помогают хранить коллективную память общины о прошлом. Соответственно, распад групповой идентичности и отказ от верности родным пенатам неизбежно влекут за собой коллапс линейного времени у европейца, вынужденного делать экзистенциальный выбор – он теряет способность планировать свое будущее.

Вот как описывает пережитый опыт А.К.: «Прошлое было важной частью моей жизни, состоявшей из успехов и неудач – выученных уроков, о которых стоит помнить. Однако, нельзя сказать, что данная часть времени до 2022 года сильно занимала мое воображение. Видимо, большинство жизненных уроков уже превратилось в рефлекс – интроспекты, о которых можно было особо не думать. Если я и думал о Прошлом, то в основном о недалёком, один-два года тому, в котором случились те или иные события, имевшие отношение к Настоящему. Среди них были начатые, но так и не законченные проекты; что-то, что я давно собирался сделать, но не успел; кто-то, с кем я давно не общался. Мое Настоящее состояло из каждодневных рутин, суммирующих опыт Прошлого, в попытке сделать что-то для Будущего. Будущее было, пожалуй, самой важной частью моей личной модели времени. Именно туда вели меня мысли о безопасности («на что будем жить, когда выйдем на пенсию») и ожидания новых свершений («надо бы успеть еще сделать что-то грандиозное, чего мир не видывал»), и мысли о том, а что же после меня останется, когда меня не станет. Будущее виделось мне большим полем возможностей, в котором мне еще предстоит сделать множество выборов, которые и превратят это Будущее в Настоящее, а затем – в Прошое. При этом мне казалось, что я смогу спрогнозировать в своей жизни многое, хотя и не всё, из того, что со мной может произойти. Эта уверенность позволяла мне планировать мои действия на достаточно больших отрезках времени, исчисляемых годами, а то и десятилетиями.

Теперь вдруг выяснилось, что все мои представления о Будущем рассыпались в прах. Сама

идея о том, что Будущее может быть следствием Прошлого и Настоящего, перестала работать. Это сильно сократило мой личный горизонт планирования – раз я не смог предвосхитить такой поворот истории, как можно было продолжать планировать что-то еще? Я ещё понял бы, если происшедшее было плохо прогнозируемым природным явлением, вроде землетрясения. Но то, что произошло, было совершено людьми, которые так же строили свои планы на будущее, как и я. Осущение беспомощности в отношении Будущего мгновенно отменило все имевшиеся у меня до того планы и заставило срочно вырабатывать новые. Отсутствие понимаемой для меня логики в происходящем привело к схлопыванию моего личного горизонта планирования с годов до недель, а то и дней. В таком режиме Будущее, в привычном понимании, практически перестало для меня существовать. Все вопросы к будущему свелись к обеспечению текущей безопасности меня, моих родных и близких, а все долгосрочные планы исчезли.

Неожиданно, для меня стало очень важным разобраться с Прошлым. Ведь там скрывалось что-то такое, чему я раньше не придавал должного значения, раз уж происшедшее стало такой неожиданностью для меня. Наверное, какой-то «урок» я всё-таки плохо выучил. Внезапно в моей памяти стали всплывать события весьма далекого Прошлого, которые я уже давно не вспоминал: фильмы, которые не смотрел со школьных времен, книги, прочитанные мною давным-давно. Многое из этого я вновь пересмотрел и перечитал за последний год.

Постепенно, я стал замечать в себе нотки фатализма и суеверности. Видимо, это было связано с невозможностью объяснить логику происходящего. Практически все свободное время с тех пор у меня уходит на попытку разложить по полочкам логику Прошлого и восстановить причинно-следственную связь происшедших событий. Я чувствую, что, не объяснив себе этого, мне будет трудно вернуться в нормальное состояние планирования будущего.

В настоящий момент горизонт моего планирования Будущего потихоньку вырос до

нескольких месяцев. Это уже намного лучше, чем год назад, но все равно – ещё очень далеко до того, что было раньше. Моя основная задача сейчас состоит в том, чтобы попытаться увеличить горизонт планирования хотя бы до года, но пока что это не представляется возможным».

Другой автор (Д.В.) тоже пережил схожий опыт трансформации персонального времени. Так же, как и А.К., в эмиграции он долго жил в условиях резко ограниченного горизонта планирования, постепенно раздвигая его границы от месяцев к годам, от лет – до конца жизни. Так же, как и А.К., он начал уделять пристальное внимание Прошлому, пытаясь ответить себе на вопрос о том, что он делает вдали от дома – в чем смысл и историческое значение такого поворота судьбы? Ему повезло, поскольку проделанные им подробные генетические тесты и генеалогические изыскания высветили московский период истории его рода мимолетным эпизодом героического норманнского эпоса. Постепенно у автора сложился личный исторический нарратив, в котором сюжеты далекого прошлого соединились с реалиями настоящего, в целях обоснования естественности и даже неизбежности эмиграции, а получение автором немецкого гражданства стало символическим актом его репатриации на (до)историческую родину.

После экстаза – проблемы интеграции. Интеграция – сложный процесс, подразумевающий этнокультурный сдвиг в идентичности иммигранта при его включении в принимающее (со)общество. Ход и результаты этого процесса зависят, прежде всего, от настроения и мотивации релоканта – истинной цели его перемещения (греч. *экстаза*). Семейные архивы эмигрантов содержат множество историй интеграции и трудного поиска своего места в новой стране, неизбежно растягивающегося на десятилетия. По личному признанию Д.В. протопресвитера Jean Gueit, родившегося уже во Франции внука-того племянника писателя М. Булгакова, священника марсельского прихода Св. Гермодена Русского экзархата Константинопольского патриархата, даже он, временами, чувствует себя чужим в новой стране. Вслед за кратковремен-

ным экстазом и счастьем одержанной победы часто приходит тоска по дому, когда хочется вернуться обратно – пусть даже в застенки. Затем неизбежно наступает этап *зилотства*, когда релокант начинает отвергать культуру и веру страны исхода – они кажутся дикими и лицемерными.

Эмигранты меняют имена, надеясь улучшить свою судьбу на новообретенной родине – и это работает. Здесь можно вспомнить пример нового вице-канцлера ФРГ Филиппа Рёслера – уроженца Вьетнама с самым что ни на есть немецким именем и фамилией. *«Как гром среди ясного неба стало для меня мнение отца о том, что с изменением моего русского имени Женя на немецкое Ойген полностью изменился и мой характер!»* – эмоционально заявил «Московской немецкой газете» 24-летний Евгений Литвинов, переехавший с родителями из Казахстана в Германию в 1993 году [16]. Молодого человека настолько увлекла тема влияния имен на интеграцию в немецком обществе, что он посвятил ей свою дипломную работу в одном из вузов Дортмунда.

Разные страны следуют различным моделям ассимиляционной политики, подразумевающим поглощение эмигрантов уже существующим единым социальным порядком и гомогенной культурой членов общества [21]. Например, Франция, которая официально не признает особых прав за этническими меньшинствами, ограничивается политической ассимиляцией мигрантов (выдачей паспортов). Германия традиционно настаивала на модели функциональной ассимиляции. Ожидалось, что обучение немецкому языку в ходе регулярных занятий будут способствовать усвоению мигрантами культурных стандартов Германии. Так или иначе, результатом совершенного выбора является *ассимиляция* семьи в новой стране.

Обратимся, наконец к обострившейся сейчас проблеме вынужденной, временной миграции. В этом случае релокант не собирается оставаться в новой стране надолго, но искренне и часто неосознанно считает, что скоро вернется домой – например, после смены политического режима или улучшения экономической ситуации в

стране исхода. Он считает себя беженцем – не живет настоящей жизнью в том месте, куда забросила его судьба, а лишь готовится к ней. Настоящая жизнь «откладывается» на после возвращения, часто – на неопределённый срок. Отложенная жизнь превращается в кредо – нансеновские паспорта, которые начали выдавать Европебеженцам из России в 1922 году до сих пор в ходу. Когда-то их обладателями были художник И. Репин, писатели И. Бунин и В. Набоков, композитор С. Рахманинов. С нескрываемой гордостью показывал ДВ свой нансеновский паспорт Президент Русско-французского Альянса кн. Георгий Андгуладзе – вплоть до своей смерти в 2007 он так и не получил французского гражданства.

Долгое ожидание чуда формирует у мигранта синдром отложенной жизни, который может проявляться в виде постоянных невротических нарушений [7]. Представление о том, что настоящая жизнь начнется когда-нибудь потом, обычно среди вынужденных мигрантов, вахтовых работников, срочников и заключенных [18] – всех, кто помимо воли сталкивается с необходимостью личного планирования времени, вне связи с линейным социальным временем своего сообщества [9]. Пожалуй, большинство российских мигрантов последних месяцев, не имевших четких планов становиться «гражданами мира», пополнили ряды именно беженцев.

Люди пути – в поисках собственного времени. Своего третьего сына, родившегося в Петербурге, Д.В. вдруг назвал Вольфгангом. «*Мальчиш попал*», – шептались медсестры роддома. Их паника и упрямое нежелание правильно записать имя новорождённого веселила и раззадоривала – может быть, они и вправду не знали, как звали Моцарта? Несколько лет ребенок значился единственным Вольфгангом в городе, а возможно – во всей России. К слову, ждать орфографически правильной записи его имени пришлось до самого получения им немецкого паспорта – оказалось, что страны не только слышат, но и отвечают на зов. Впрочем, паспорт существует, лишь чтобы облегчить путешествия.

Ну, не жить же с ним в бесперспективной Германии, правда? Действительно, купив дом в Западном Техасе, Д.В. обнаружил, что все его новые соседи – немцы из Берлина, Франкфурта или Майнца, и других нет. Не улица, а новый Mainzer Adelsverein²!

Странствие обретает цель и ритм, если мигрант знает, куда и зачем направляется [27] – он не блуждает, но перемещается. Дорога становится его экзистенциалом, знаменующим вхождение в поток происходящего [23], становится метафорой его жизни и родиной его детей. Пройденный путь служит ему идентичностью и воплощением его личного времени, которое не обязательно линейно. С одной стороны, генетический тест происхождения рисует ему траекторию, причудливо покрывающую глобус, на которой нет точки по имени «родина». С другой стороны, тот же тест восстанавливает его связь со своими предками, превращая странничество в путешествие в страну смыслов и ценностей [2], возвращение к самому себе из социального ада Новейшего времени. Разрыв с обществом исхода, подразумевающий отказ от чувства вины перед ушедшими предками и неприятие стыда собственной инаковости [9] перед его «молчаливым большинством», открывает человеку доступ к самостоятельному менеджменту личного времени.

Кочевничество ни в коем случае не принадлежит далекому прошлому, но, в форме «цифрового номадизма», торжествует теперь над территориальностью и оседлостью [35]. С развитием беспроводных средств связи и расширением возможностей постоянного передвижения появились группы людей, которые постоянно меняют места проживания, используя цифровые телекоммуникационные технологии для выполнения своих профессиональных обязанностей [2]. Живым примером цифрового кочевника является один из авторов статьи (А.К.).

Социальное время, прежде принадлежавшее общине, становится достоянием личности кочевника через свободный рабочий график и отсутствие привязки к конкретным временным

² «Дворянское общество Майнца» или «Общество защиты немецких иммигрантов в Техасе», образован-

ное в 1842 в Майнце с целью основать новую Германию в пределах Техаса.

зонам. При этом тактическое и стратегическое планирование своих действий приобретает первостепенное значение при распоряжении личным временем. Цели, намеченные номадом в Прошлом к достижению в Будущем, определяют текущие действия, поэтому его личное Настоящее конструируется через Будущее. Прежде такое мессианское ощущение времени, в котором, Будущее было известно через осознание рисков и уяснение целей движения – открытых через пророков, а Настоящее реконструировалось через цели Будущего в рамках стратегического планирования – к достижению Спасения, было характерно в основном для религиозных сообществ.

В наших работах мы назвали такую модель времени *авраамической*, предполагая Авраама парадигматическим носителем мессианского ощущения времени [9; 10]. Ведь, получив пророчество о будущем своих потомков задолго до их появления, он круто изменил свою жизнь, отправившись в неизвестное – на поиски обетованной земли. Мы отмечали, что переход от модели линейного к авраамическому времени соответствует смене стратегии выживания – от стабилизирующего отбора внутри группы (за среднее, против крайностей) к диверсифицирующему отбору – против устоявшихся норм, если последние не способствуют выживанию в условиях быстро меняющейся среды обитания. Адаптируясь к условиям жизни в социальном государстве, человек ограничивает свое репродуктивное поведение в надежде, что отлаженные социальные институты обеспечат выживание единственного ребенка и сохранение его рода. Однако, ускоряющаяся фрагментация национальных государств, постоянное снижение эффективности социальных институтов и разложение системы управления вследствие неуклонно возрастающей некомпетентности всех ее элементов на оставляют от этих надежд камня на камне.

Смелое принятие экзистенциального вызова позволяет избежать экологическую ловушку, в которую попадает коренное население в социальном государстве, путем поддержания и повышения степени лабильности собственной

жизни. Приобретая способность планировать жизнь и осуществлять намеченные планы самостоятельно, вне связи с каким-либо обществом или государством, эмигранты совершают мета-исторический *Исход* из рабства – к личной свободе.

Напряжение внутрисемейного конфликта, связанного с естественной конкуренцией детей между собой, экспортируется в эмигрантских семьях во внешний мир, превращаясь в механизм ненасильственной *колонизации* принимающего общества [10]. Колониальный характер миграций цифровых кочевников пока не кажется очевидным, хотя его постоянно возрастающие потоки уже существенно меняют рынки труда, жилья и форм брака [2]. Добавим к этому постепенное размывание этнической и религиозной однородности населения в государствах, привлекательных для удаленной работы, при формировании на его территории многочисленных цифровых анклавов, принадлежащих разным языковым и культурным традициям. Цифровой захват удаленных мест и новых, практически неосвоенных территорий стал новой реальностью [25].

Заключение

Скорость и непредсказуемость социальных, политических и экономических изменений в современном мире делают традиционные механизмы социальной адаптации, опиравшиеся на безусловное доверие человека к обществу и государству, малоэффективными. Гибридизация и распад прежней идентичности в условиях социальной аномии ставит человека в ситуацию экзистенциального выбора, которая не может быть разрешена, исходя из общекультурных норм. От такого выбора невозможно отказаться, не утратив способности отвечать на социальные и психологические вызовы, что может привести к кризису личности, переходящему в суицидальную фазу.

В нашей работе мы построили и проанализировали алгоритмическое дерево, представляющее маргинальные стратегии ответа на экзистенциальный вызов, вместе с их наиболее вероятными последствиями для человека и

общества. Мы показали, что в зависимости от обстоятельств жизни и направленности эго в ходе осуществления экзистенциального выбора, человек может испытывать различные виды дезадаптации личности, что может приводить к глубокой трансформации личного времени человека и даже – к его коллапсу.

Наша работа представляется нам своевременной и важной в свете грядущих десятилетий высокой политической и социальной турбулентности, являющейся отличительной чертой глобального общества риска.

Благодарности

Авторы выражают сердечную благодарность своим семьям за безусловную поддержку при осуществлении ими экзистенциального выбора, а также своим одноклассникам по Президентскому физико-математическому лицей (№ 239), класс 47-7 – за дискуссию, ставшую отправной точкой настоящей работы.

Литература

1. Амбрумова А.Г. Индивидуально-психологические аспекты суицидального поведения // В сб.: Актуальные проблемы суицидологии. М., 1978. С. 44-59.
2. Арпентьева М.Р. В поисках себя и мира: феноменология и типология цифрового кочевничества. § 1.1. в Главе 1 «Психологические направления активности личности в современном мире» // Психологическая культура личности: коллективная монография / отв. ред. А.Ю. Нагорнова. Ульяновск: Зебра, 2017.
3. Барбашин М.Ю. Институты и идентичность: методологические возможности теории институционального распада в современных социальных исследованиях // ЖССА. 2014. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instituty-i-identichnost-metodologicheskie-vozmozhnosti-teorii-institutsionalnogo-raspada-v-sovremennyh-sotsialnyh-issledovaniyah> (дата обращения: 12.06.2023)
4. Барбашин М.Ю. Институциональный Распад в Социально-Политических Этногенезисных Процессах // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. №3. С. 1379.
5. Биbihин В.В., Шичалин Ю.А. Экстаз // Новая философская энциклопедия в 4 томах. М.: «Мысль». 2010. Т.4. С.427.
6. Бродский И. Стихотворения и поэмы. Пушкинский дом. 2011. Т.1. С.624.
7. Виндекер О.С. Психологические корреляты прокрастинации и сценарий отложенной жизни» / О.С. Виндекер, Т.Л. Сморгалова, С.Ю. Лебедев // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. № 2 (150). С. 98-108. 2016.
8. Войцех В.Ф. Что мы знаем о суициде. Под редакцией профессора В.С. Ястребова. М.: РБОО «Семья и психическое здоровье». 2007.
9. Волченков Д. Психология выживания в глобальном обществе риска: модели времени // Ученые записки Института психологии РАН. 2021. Т. 1. № 2. С. 51-68.
10. Волченков Д. Психология выживания в глобальном обществе риска: гипотеза об эмиграции на выносливость // Ученые записки Института психологии РАН. 2022. Том 2. № 1. С. 68-81.
11. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. С-Пб.: Союз, 1978.
12. Кондратьев М.Ю., Ильин В.А. Конформизм // Азбука социального психолога-практика. М.: Пер Сэ. 2007.
13. Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М. Социальная психология малой группы: учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2001.
14. Лепёшкин Н.Я., Василин В.Г., Обирин А.И., Талынёв В.Е. Психологический Анализ Субъектов Террористической Деятельности // Психологические Основы Терроризма и Антитеррористической Деятельности в Современных

- Условиях. Учебно-методическое пособие. Раздел I, глава 2. Хабаровск: «Юридическая психология», 2008.
15. Мухлынкина Ю.В. К вопросу формирования этнической идентичности // Научный Вестник МГТУ ГА. 2015. № 215. С. 27.
16. Особенности «ойгенерации» // Московская немецкая газета. Вып. 22 апреля 2011. URL:<https://ru.mdz-moskau.eu/osobennosti-oi-generacii> (дата обращения: 24.06.2023).
17. Редлих Р.Н., Очерки большевизмоведения. Посев, 1956.
18. Серкин В.П., Социально-психологические причины миграции населения Северо-Востока России // Личность в экстремальных условиях. Вып.2: сборник научных трудов. В 2 ч. Под науч. редакцией: А. Серый, М. Яницкий Ч. 1. Вып. 2. Петропавловск-Камчатский: КамГУ им. Витуса Беринга, 2012.
19. Стребков Д.О., Шевчук А.В., Спирина М.О. Развитие русскоязычного рынка удаленной работы, 2009-2014 гг. / Отв. ред. сер. В.В. Радаев. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015.
20. Фейербах Л. Сущность христианства (Das Wesen des Christentums), 1841.
21. Чернобровкин И.П. Две модели интеграции мигрантов в ФРГ: сравнительный анализ // Социально-гуманитарные знания. №7, 2015. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/dve-modeli-integratsii-migrantov-v-frg-sravnitelnyy-analiz> (дата обращения: 26.06.2023).
22. Четвернин В.А. Институциональная теория права // Научные исследования лаборатории теории права НИУ ВШЭ. 2013. № 13. С. 3-5. URL:<https://pravo.hse.ru/data/2016/10/24/1110737827/Sc13-13-1ChetvInst1.pdf> (дата обращения: 20.06.2023)
23. Шляков А.В. Феноменологические аспекты нomaдизма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. №1(15). Ч.1. С. 216-218.
24. Ярмиев И.З., Ярмиев А.З., Мавлюдова Л.У. Конформизм и Конформность как Социально-Психологические Особенности Подростков // Современные проблемы науки и образования. № 3. 2022. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=31783> (дата обращения: 24.06.2023).
25. Aguinis H., Lawal S.O. eLancing // Human Resource Management Review. 2013. Vol. 23(1). P.6-17.
26. Ainsley J. Migrant border crossings in fiscal year 2022 topped 2.76 million, breaking previous record, NBC News Oct. 22, 2022. URL: <https://www.nbcnews.com/politics/immigration/migrant-border-crossings-fiscal-year-2022-topped-276-million-breaking-rcna53517> на 25 мая 2023 (дата обращения: 12.06.2023).
27. Barfield Th.J. The Nomadic Alternative // Upper Saddle River. 1993. P. 12.
28. Bock H.M. (Hrsg.), Cine Graph. Lexikon-zumdeutschsprachigen Film, Herausgegeben von Hans-Michael Bock. München: edition text + kritik, 1984.
29. Caves R.W. Encyclopedia of the City. Routledge. 2004. P. 616.
30. Dressel P. Racial Equality or Racial Equity? The Difference it Makes // Race Matters Institute. 2014. URL:<https://racemattersinstitute.org/racial-equality-or-racial-equity-the-difference-it-makes/> (дата обращения: 12.06.2023)
31. Esteban J., Schneider G., Polarization and Conflict: Theoretical and Empirical Issues // Journal of Peace Research. 2008. № 45(2). P. 131–141.
32. Gurr T.R., Eckstein H. Patterns of Authority: A Structural Basis for Political Inquiry. Wiley, New York, 1975.
33. Halbwachs M. On Collective Memory. The University of Chicago Press, London, 1992.
34. How are Equity and Equality Different? // Just Health Action, 2010. Accessed Oct. 15, 2010. URL:<http://justhealthaction.org/wp-content/uploads/2010/05/JHA-Lesson-Plan-3-How-are-equity-and-equality-different-final.pdf> (дата обращения: 12.06.2023)
35. Makimoto T., Manners D. Digital Nomad. Chichester: John Wiley. 1997.
36. Marshall M.G., Jagers K, Polity IV Project: Dataset Users' Manual. Center for Systemic Peace, 2007.
37. Newman S., Nationalism in Postindustrial Societies: Why States Still Matter Comparative

- Politics // Comparative Politics. 2000. V.33. №1. P. 21-41.
38. Roth M.S. The time of nostalgia: medicine, history and normality in 19th-century France // Time Soc. 1992. №1(2). P. 271-286.
39. Volchenkov D. Survival under Uncertainty an Introduction to Probability Models of Social

Structure and Evolution. Springer Series: Understanding Complex Systems. Berlin: Heidelberg, 2016. DOI:10.1007/978-3-319-39421-3.

BEYOND POLARIZATION: EXISTENTIAL CHOICE IN AN IDENTITY CRISIS

© Alexey Kolesnikov

Business Analyst of Information Systems, EPAM Systems, Inc.
Graduate of the Presidential Physics and Mathematics Lyceum (No. 239), class 47-7

© Dmitry Volchenkov

Professor at Texas Tech University.
Graduate of the Presidential Physics and Mathematics Lyceum (No. 239), class 47-7
dimitri.volchenkov@ttu.edu

The extreme social polarization divides society into “us” and “them”, with no chance of reconciliation. Whom to join? Should I stay, or should I go? We analyze possible strategies for an individual response to an existential challenge, as well as and their likely consequences. Our work contains personal evidence of the reasons for which the particular choice was made and a description of the corresponding processes of personality maladjustment.

Keywords: social polarization, identity crisis, existential choice, models of time

REFERENCE

1. Ambrumova A.G. Individual'no-psihologicheskie aspekty suicidal'nogo povedeniya [*Individual psychological aspects of suicidal behavior*] // V sb.: Aktual'nye problemy suicidologii [*In the collection: Actual problems of suicidology*]. M., 1978. P. 44-59.
2. Arpent'eva M.R. V poiskah sebya i mira: fenomenologiya i tipologiya cifrovogo kochevnichestva. § 1.1. v Glave 1 «Psihologicheskie napravleniya aktivnosti lichnosti v sovremennom mire» [*In search of oneself and the world: phenomenology and typology of digital co-operation. § 1.1. in Chapter 1 "Psychological directions of personality activity in the modern world"*] // Psihologicheskaya kul'tura lichnosti: kollektivnaya monografiya / otv. red. A.YU. Nagornova [*Psychological culture of personality: a collective monograph / ed. by A.Yu. Nagornova*]. Ul'yanovsk: Zebra, 2017.
3. Barbashin M.YU. Instituty i identichnost': metodologicheskie vozmozhnosti teorii in-stitucional'nogo raspada v sovremennyh social'nyh issledovaniyah» [*Institutions and identity: methodological possibilities of the theory of institutional disintegration in modern social research*] // ZHSSA. 2014. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instituty-i-identichnost-metodologicheskie-vozmozhnosti->

- teorii-institutsionalnogo-raspada-v-sovremennyh-sotsialnyh-issledovaniyah (data obrashcheniya: 12.06.2023)
4. Barbashin M.YU. Institucional'nyj Raspad v Social'no-Politicheskikh Etnogenezisnykh Processah [*Institutional Disintegration in Socio-Political Ethnogenesis Processes*] // Vestnik Bashkirskogo universiteta [*Bulletin of the Bashkir University*]. 2012. V. 17. №3. S. 1379.
 5. Bibihin V.V., Shichalin YU.A. Ekstaz [*Ecstasy*] // Novaya filosofskaya enciklopediya v 4 tomah [*New philosophical encyclopedia in 4 volumes*]. M.: «Mysl'». V. 4. P. 427. 2010.
 6. Brodskij I. Stihotvoreniya i poetry [*Poems and Poems*]. Pushkinskij dom. 2011. V.1. P. 624.
 7. Vindeker O.S. Psihologicheskie korrelyaty prokrastinacii i scenarij otlozhennoj zhizni» / O.S. Vindeker, T.L. Smorkalova, S.YU. Lebedev [*Psychological correlates of procrastination and the scenario of deferred life*] / O.S. Vindeker, T.L. Smorkalova, S.Y. Lebedev // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1, Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury [*Izvestiya Ural Federal University. Ser. 1, Problems of education, Science and Culture*]. № 2 (150). P. 98-108. 2016.
 8. Vojcekh V.F. CHto my znaem o suicide. Pod redakciej professora V.S. Yastrebova [*What we know about suicide. Edited by Professor V.S. Yastrebov*]. M.: RBOO "Family and mental health". 2007.
 9. Volchenkov D. Psihologiya vyzhivaniya v global'nom obshchestve riska: modeli vremeni [*Psychology of survival in a global risk society: time models*] // Uchenye zapiski Instituta psikhologii RAN [*Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*]. 2021. V. 1. № 2. P. 51-68.
 10. Volchenkov D. Psihologiya vyzhivaniya v global'nom obshchestve riska: gipoteza ob emigracii na vynoslivost' [*Psychology of survival in a global risk society: the hypothesis of endurance emulation*] // Uchenye zapiski Instituta psikhologii RAN [*Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*]. 2022. V. 2. № 1. P. 68-81.
 11. Dyurkgejm E. Samoubijstvo. Sociologicheskij etjud [*Suicide. Sociological study*]. S-Pb.: Soyuz, 1978.
 12. Kondrat'ev M.YU., Il'in V.A. Konformizm [*Conformism*] // Azbuka social'nogo psihologa-praktika [*ABC of a social psychologist-practitioner*]. M.: Per Se. 2007.
 13. Krichevskij R.L., Dubovskaya E.M. Social'naya psihologiya maloj gruppy: uchebnoe posobie dlya vuzov [*Social psychology of a small group: a teaching tool for universities*]. M.: Aspekt Press, 2001.
 14. Lepyoshkin N.YA., Vasilin V.G., Obirin A.I., Talynov V.E. Psihologicheskij Analiz Sub'ektov Terroristicheskoy Deyatel'nosti [*Psychological Analysis of Subjects of Terrorist Activity*] // Psihologicheskie Osnovy Terrorizma i Antiterroristicheskoy Deyatel'nosti v Sovremennykh Usloviyakh. Uchebno-metodicheskoe posobie. Razdel I, glava 2 [*Psychological Foundations of Terrorism and Anti-terrorist Activity in Modern Conditions. Educational and methodological guide. Section I, Chapter 2*]. Habarovsk: "Legal psychology", 2008.
 15. Muhlynkina YU.V. K voprosu formirovaniya etnicheskoy identichnosti [*On the issue of ethnic identity formation*] // Nauchnyj Vestnik MGTU GA [*Scientific Bulletin of MSTU GA*]. 2015. № 215. P. 27.
 16. Osobennosti «ojgeneracii» [*Features of "eugeneration"*] // Moscow German Newspaper. Issue. April 22, 2011. URL: <https://ru.mdz-moskau.eu/osobennosti-ojgeneracii> (date of reference: 24.06.2023).
 17. Redlih P.N., Ocherki bol'shevizmovedeniya [*Essays on Bolshevism Studies*]. Posev, 1956.
 18. Serkin V.P., Social'no-psihologicheskie prichiny migracii naseleniya Severo-Vostoka Rossii [*Socio-psychological causes of migration of the population of the North-East of Russia*] // Lichnost' v ekstremal'nykh usloviyakh. Vyp.2: sbornik nauchnykh trudov. V 2 ch. Pod nauch. redakciej: A. Seryj, M. Yanickij CH. 1. Vyp. 2 [*Personality in extreme conditions. Issue 2: collection of scientific papers. At 2 o'clock Under the scientific editorship: A. Gray, M. Yanitsky Ch. 1. Issue*

- 2]. Petropavlovsk-Kamchatskij: KamGU im. Vitusa Beringa, 2012.
19. Strebkov D.O., Shevchuk A.V., Spirina M.O. Razvitie russkoyazychnogo rynka udalennoj raboty, 2009-2014 gg. / Otv. red. ser. V.V. Radaev [Shevchuk A.V., Spirina M.O. *Development of the Russian-language remote work market, 2009-2014.* / Ed. ser. V.V. Radaev]. M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2015.
20. Fejrbach L. Sushchnost' hristianstva (*Das Wesen des Christentums*), 1841.
21. Chernobrovkin I.P. Dve modeli integracii migrantov v FRG: sravnitel'nyj analiz [*Two models of integration of migrants in Germany: comparative analysis*] // Social'no-gumanitarnye znaniya [*Socio-humanitarian knowledge*]. №7, 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dve-modeli-integratsii-migrantov-v-frg-sravnitelnyy-analiz> (data obrashcheniya: 26.06.2023).
22. Chetvernin V.A. Institucional'naya teoriya prava [*Institutional theory of law*] // Nauchnye issledovaniya laboratorii teorii prava NIU VSHE [*Scientific researches of the Laboratory of Theory of Law of the Higher School of Economics*]. 2013. № 13. P. 3-5. URL: <https://pravo.hse.ru/data/2016/10/24/1110737827/Sc13-13-1ChetvInst1.pdf> (date of reference: 20.06.2023)
23. Shlyakov A.V. Fenomenologicheskie aspekty nomadizma [*Phenomenological aspects of nomadism*] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [*Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and art criticism. Questions of theory and practice*]. Tambov: Gramota, 2012. №1(15). CH.1. P. 216-218.
24. Yarmiev I.Z., Yarmiev A.Z., Mavlyudova L.U. Konformizm i Konformnost' kak Social'no-Psichologicheskie Osobennosti Podrostkov [*Conformism and Conformity as Socio-Psychological Features of Adolescents*] // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya [*Modern problems of science and education*]. № 3. 2022. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=31783> (date of reference: 24.06.2023).
25. Aguinis H., Lawal S.O. eLancing // *Human Resource Management Review*. 2013. Vol. 23(1). P.6-17.
26. Ainsley J. Migrant border crossings in fiscal year 2022 topped 2.76 million, breaking previous record, NBC News Oct. 22, 2022. URL: <https://www.nbcnews.com/politics/immigration/migrant-border-crossings-fiscal-year-2022-topped-276-million-breaking-rcna53517> на 25 мая 2023 (date of reference: 12.06.2023).
27. Barfield Th.J. *The Nomadic Alternative* // Upper Saddle River. 1993. P. 12.
28. Bock H.M. (Hrsg.), *Cine Graph. Lexikon-zumdeutschsprachigen Film*, Herausgegeben von Hans-Michael Bock. München: edition text + kritik, 1984.
29. Caves R.W. *Encyclopedia of the City*. Routledge. 2004. P. 616.
30. Dressel P. Racial Equality or Racial Equity? The Difference it Makes // *Race Matters Institute*. 2014. URL: <https://racemattersinstitute.org/racial-equality-or-racial-equity-the-difference-it-makes/> (date of reference: 12.06.2023)
31. Esteban J., Schneider G., *Polarization and Conflict: Theoretical and Empirical Issues* // *Journal of Peace Research*. 2008. № 45(2). P. 131–141.
32. Gurr T.R., Eckstein H. *Patterns of Authority: A Structural Basis for Political Inquiry*. Wiley, New York, 1975.
33. Halbwachs M. *On Collective Memory*. The University of Chicago Press, London, 1992.
34. How are Equity and Equality Different? // *Just Health Action*, 2010. Accessed Oct. 15, 2010. URL: <http://justhealthaction.org/wp-content/uploads/2010/05/JHA-Lesson-Plan-3-How-are-equity-and-equality-different-final.pdf> (date of reference: 12.06.2023)
35. Makimoto T., Manners D. *Digital Nomad*. Chichester: John Wiley. 1997.
36. Marshall M.G., Jagers K, *Polity IV Project: Dataset Users' Manual*. Center for Systemic Peace, 2007.
37. Newman S., *Nationalism in Postindustrial Societies: Why States Still Matter* Comparative

- Politics // Comparative Politics. 2000. V.33. №1. P. 21-41.
38. Roth M.S. The time of nostalgia: medicine, history and normality in 19th-century France // Time Soc. 1992. №1(2). P. 271-286.
39. Volchenkov D. Survival under Uncertainty an Introduction to Probability Models of Social Structure and Evolution. Springer Series: Understanding Complex Systems. Berlin: Heidelberg, 2016. DOI:10.1007/978-3-319-39421-3.

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ШИРОКОМ ИСТОРИКО-НАУЧНОМ КОНТЕКСТЕ (обзор ключевых отечественных публикаций постсоветского периода)

© Богданчиков С.А.

к.пс.н., Московский институт психоанализа, г. Москва, Россия
bogdanchsa@gmail.com

Сравнительный анализ наиболее значимых постсоветских публикаций, посвященных советскому периоду истории отдельных наук и советской науке в целом (работ В.М. Алпатова, Е.А. Добренко, Е.А. Долговой, А.М. Дубровского, Л.С. Клейна, Э.И. Колчинского, С.Б. Криха, В.Н. Сойфера, В.В. Тихонова, А.А. Формозова, С.Э. Шноля, А.Л. Юрганова и др.), позволил прийти к выводу о том, что изучение истории советской психологии в настоящее время по целому ряду параметров существенно отстает от того уровня, которого уже достигли в исследовании советского периода истории своей науки представители других отечественных наук. Минимум сведений по истории советской психологии, обнаруженный в постсоветских и современных публикациях, в которых рассматривается судьба различных наук в советскую эпоху или советской науки в целом, следует объяснять не столько незначительностью сведений об истории советской психологии, сколько их недостаточной проработанностью, обобщенностью и изученностью самими психологами.

При обсуждении перспектив дальнейших исследований истории советской психологии подчеркивается, что негативное воздействие господствующей государственной идеологии на какую-либо конкретную науку в конечном счете зависит не только от силы и направленности этого воздействия, но и от способности самой науки сопротивляться этому воздействию, что прежде всего определяется уровнем общего развития данной науки, находящем свое выражение не только в сфере теории, эксперимента и практики, но и в как можно более полном и объективном познании собственной истории.

Ключевые слова: история советской психологии, история советской науки, наука в СССР, наука и власть, наука и идеология, история советской лингвистики, биологии, генетики, археологии, исторической науки

Введение

Одним из значимых показателей «освоенности» истории советской психологии и всего психологического наследия советских времен является то, насколько о советской психологии и ее истории известно в других науках. Действительно, что конкретно знают об истории советской психологии исследователи, не являющиеся

психологами, но профессионально занимающиеся историей советской биологии, физиологии, лингвистики, археологии, советской исторической науки, советской философии и т.д.? С другой стороны, что мы сами – психологи, историки психологии – знаем о советском периоде истории других отечественных наук? И что нам может дать для понимания истории советской

психологии сравнительное изучение «параллельной» истории других наук, функционировавших в советскую эпоху?

В данной статье мы в первом приближении рассмотрим два конкретных вопроса – во-первых, о том, как в книгах, посвященных истории различных наук эпохи СССР, затрагивается история советской психологии; во-вторых, в какой мере рассмотренные работы могут способствовать более эффективному изучению и полному пониманию истории советской психологии.

С этой точки зрения весьма характерно, что Николай Кременцов в вышедшей в США на английском языке в 1997 г. книге о «Stalinist Science», т.е. о «сталинской (или все-таки «сталинистской»?) науке, прямо пишет: «Мой анализ сталинской научной системы и лежащих в ее основе закономерностей можно было бы проиллюстрировать подробностями из истории психологии, физики, химии, лингвистики, геологии и многих других советских дисциплин, но я уделяю особое внимание наукам о жизни, в частности генетике. Конечно, развитие каждой дисциплины имело свои особенности, частично вытекающие из различной природы научных материалов, теорий и традиций, связанных с ними» [62, с. 7].

И действительно, в этой книге мы не находим каких-либо упоминаний о том, что происходило с психологической наукой в СССР в эпоху сталинизма. То же самое можно сказать и о вышедшей в 2001 г. на английском языке книге В.Я. Бирштейна «Извращение знания. Подлинная история советской науки» [59], в которой основное внимание уделяется различным аспектам функционирования советской психиатрии.

Не менее показательна в этом же отношении вышедшая в 2006 г. книга американского историка Э. Поллока «Сталин и советские научные войны» [9; 63]. В этой книге, вводящей в оборот понятие «научные войны» (science wars), описываются шесть дискуссий – в философии, биологии, физике, лингвистике, физиологии и политической экономии, проходивших в СССР в послевоенный период (конкретно речь идет о событиях 1946-1952 гг.). И здесь мы снова не обнаруживаем каких-либо упоминаний о советской

психологии и ее судьбе, о дискуссиях, проходивших в советской психологии в этот период.

Свой выбор объекта исследования Э. Поллок объясняет следующим образом: «Научные войны конца сталинского периода охватывали темы, имеющие решающее значение для легитимности партии и фундаментальные для советского мировоззрения в начале холодной войны. Марксистско-ленинская “научная философия” обеспечивала фундамент для идеологии, которая лежала в основе государства и общества. Физиология и биология имели непосредственное отношение к новому “советскому человеку”, которого пыталась создать система, и к природе, которую коммунизм обещал преобразовать. Квантовая механика и относительность в физике потенциально бросали вызов марксистско-ленинской материалистической эпистемологии, даже если они казались решающими для разработки атомного оружия. Лингвистика охватывала вопросы сознания, класса и национальности. А политическая экономия требовала критики капитализма, обоснования советского социализма и “дорожной карты” для достижения коммунизма в СССР и во всем мире» [63, с. 3-4].

При таком подходе к истории советских наук, который мы обнаруживаем у Н. Кременцова, В.Я. Бирштейна и Э. Поллока, советская психология на фоне остальных наук выглядит своего рода бедной Золушкой, теряющейся на фоне своих весьма представительных сестер и совершенно не заслуживающей внимания – по видимому, в силу своей невзрачности и незначительности, причем не столько из-за своей внешности или отсутствия достижений, сколько из-за всей своей истории, о которой и рассказывать-то особенно нечего.

Даже если это действительно так, то что может наша Золушка взять от своих более продвинутых сестер? Для начала обратимся к истории вопроса.

История вопроса

Пожалуй, в качестве первой крупной работы интересующего нас формата («большая книга» о конкретных советских науках или о науке в СССР в целом) следует назвать вышедшую еще

в советское время (в 1989 г.) книгу «Суровая драма народа» [41]. Все статьи в этой книге сгруппированы в два раздела: «Обращение к истокам» (девять статей) и «Трагедия науки и культуры» (восемь статей). Под рубрикой «Вместо заключения» книга завершается еще одной статьей – «Путь к истине» Александра Зевелева. Всего в сборнике восемнадцать статей. По интересующему нас вопросу обнаруживаются статьи и материалы лишь о нелегкой судьбе (в советское время) исторической науки, генетики и философии (статья А.П. Огурцова «Подавление философии» [41, с. 353-374] и сегодня представляет определенный исследовательский интерес).

На примере этой книги хорошо видно, как конкретно в горбачевские времена выражался (и утверждался) формат публикаций на тему «наука и власть»: перед нами более-менее упорядоченный, сгруппированный в несколько разделов, но, по сути, эклектичный сборник статей различных авторов (причем, как нетрудно убедиться, некоторые статьи ранее уже были опубликованы в периодике). Публиковать разнообразные статьи под одной обложкой позволяло лишь то, что их реально объединяло, что действительно было присуще всем им без исключения – их обличительно-разоблачительный настрой, их стремление выразить то, о чем раньше было запрещено говорить, их желание рассказать о том, что и как было на самом деле, т.е. прямо и честно рассказать о репрессиях, запретах, идеологическом давлении, трагических судьбах и т.п.

Неудивительно, что на этой волне в 1991 г. на русском языке вышла книга зарубежного автора – монография Лорена Р. Грэхэма (Logen R. Graham) «Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе» [10]. В этой книге (ее первое издание на английском языке вышло в 1987 г. [60]) в двенадцати главах дается широкая панорама исторического развития философии и науки в СССР, в том числе речь идет и о развитии советской психологии. Интересующая нас пятая глава «Физиология и психология», будучи достаточно внушительной по объему [10, с. 163-220], включает в себя большое введение в проблему [10,

с. 163-173] и десять небольших параграфов: «Л.С. Выготский», «С.Л. Рубинштейн», «А.Р. Лурия», «Совещание 1962 г.», «Проблема сохранения значения павловского подхода», «Проблема определения понятия “сознание”», «П.К. Анохин», «А.Н. Леонтьев», «Советский фрейдизм» и «Советские психологические школы».

Особую ценность работе Л.Р. Грэхэма придает содержащаяся в ней главная идея, отчетливо выраженный и последовательно реализованный в ней центральный замысел: при характеристике и оценке общего положения дел в советской науке и философии показать в совокупности, взаимодействии и единстве все три базовых компонента – естественные науки, философию и науки о поведении. Это, как мы понимаем, означает, что Л.Р. Грэхэм не озабочен судьбой только какого-то одного из этих трех компонентов; его подход является системным по своей сути. Такой подход глубоко верен и вообще, и в частности – применительно к судьбе советской психологии. Ведь, в конце концов, советская психология не только подвергалась воздействию со стороны своих «соседей» (других наук, философии, идеологии, политики и т.п.), но и сама оказывала на них обратное влияние, т.е. взаимодействовала с ними.

Своего рода ответом на книгу Л.Р. Грэхэма можно считать вышедшие в 1991 и 1994 гг. под общей редакцией М.Г. Ярошевского два выпуска сборника «Репрессированная наука» [33; 34]. В этих сборниках среди статей, посвященных судьбам самых различных наук в советскую эпоху, были статьи и о советской психологии.

Первый выпуск, вышедший с предисловием Д.С. Лихачева и с большой вводной статьей М.Г. Ярошевского «Сталинизм и судьбы советской науки» [33, с. 9-33], состоял из трех больших разделов – «Судьбы науки», «Судьбы ученых» и «Документы». Среди двадцати девяти статей имеются три статьи, непосредственно относящиеся к истории советской психологии: «Запрет на комплексное исследование детства» А.В. Петровского [33, с. 126-135], «“Начало конца” поведенческой психологии в СССР» В.В. Умрихина [33, с. 136-145] и «Н.А. Бернштейн»

тейн: годы до и после “Павловской сессии”» И.Е. Сироткиной [33, с. 319-326].

Второй выпуск, вышедший (также под общей редакцией М.Г. Ярошевского) в 1994 г., т.е. три года спустя, включал в себя, как и первый выпуск, двадцать девять статей, среди которых имеются три статьи, непосредственно относящиеся к истории советской психологии: две статьи М.Г. Ярошевского – «Марксизм в советской психологии (к социальной роли российской науки)» [34, с. 24-44] и «Как предали Ивана Павлова» [34, с. 76-82] и статья П.Я. Шварцмана и И.В. Кузнецовой «Педология» [34, с. 121-139].

Существенным дополнением к этим двум сборникам являются два тематических номера (№ 3 и № 4) журнала «Философские исследования» за 1993 г., вышедшие под общим заголовком «Наука и тоталитарная власть» (немаловажно, что руководителем проекта был А.П. Огурцов). В третьем номере имеются в два раздела – «Наука в системе власти» (четыре статьи) и «Репрессированная наука» (шесть статей). В четвертом номере содержится шесть статей в разделе «Идеологические кампании в науке» и семь статей в разделе «Борьба за автономию науки». Всего, таким образом, в двух номерах «Философских исследований» было опубликовано двадцать три статьи. Для нас важно, что из этих статей прямое отношение к психологии имеет только статья А.М. Эткинды «Расцвет и крах педологического движения (от психоанализа к “новому массовому человеку”)» [31, с. 224-251]. При большом желании и с определенными оговорками (расширяя критерии) к статье А.М. Эткинды можно добавить статью Н.Г. Григорьян «Противостояние системе. К оценке социально-политической позиции И.П. Павлова» [31, с. 399-417] – с учетом того, что судьба И.П. Павлова и его школы традиционно рассматривается в контексте не только истории физиологии, но и истории российской психологии.

Как видим, по своему формату оба выпуска «Репрессированная наука» и два тематических номера журнала «Философские исследования» – это сборники, которые в лучшем случае можно оценить как коллективные монографии. Но в любом случае это вовсе не бьющие в одну точку

и имеющие единую концептуальную основу авторские монографии, подобные упомянутой выше работе Л. Грэхэма [10]. В этом вопросе за образец можно взять еще одну книгу Л. Грэхэма, также переведенную на русский язык – «Очерки истории российской и советской науки» [11].

Книги двадцать первого века о советской науке

Не менее важно выяснить, о каких конкретно науках идет речь в аналогичных сборниках, вышедших уже в XXI веке.

В сборнике «За “железным занавесом”» [15] речь идет о судьбе Российской академии наук (в статьях А.В. Кольцова, В.С. Соболева, Ю.Х. Копелевича, С.С. Демидова, В.Д. Есакова и М.Б. Конашева), о событиях в советской физике (в статье В.П. Визгина), об Институте красной профессуры (в статье Л.-Д. Берендта), о Т.Д. Лысенко (в статье О.Ю. Елиной), в статье В.С. Измозик описываются настроения научной и педагогической интеллигенции в годы НЭПа (на основе материалов политического контроля и нарративных источников). При всем желании наиболее подходящими (близкими к психологической тематике) для нас в этом сборнике могут быть признаны только две статьи – статья Ю.И. Кривоносова «Политические игры Сталина под видом философской дискуссии» и статья Э.И. Колчинского «Попытки “советизации” биологии в Ленинграде в годы “культурной революции” (1929-1932)».

Та же картина (минимум сведений о советской психологии и ее истории) обнаруживается и в сборнике «Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки» [30] – в разделах «Наука между коммунизмом, национализмом и либерализмом», «Вторая мировая война и наука» «Наука и холодная война», написанных главным образом Э.И. Колчинским и Н.Л. Кременцовым.

В том же формате значительно позже (в 2010 г.) вышел еще один коллективный труд, посвященный вопросам взаимодействия науки и государства – «Подвластная наука? Наука и советская власть» [32]. Книга получилась весьма объемная, содержащая свыше восьмисот страниц.

Ее подготовил Институт философии РАН, составителями и научными редакторами были С.С. Неретина и (опять же) А.П. Огурцов. Книга включает в себя четыре раздела – «Наука в системе власти» (шесть статей), «Репрессированная наука» (также шесть статей), «Идеологические кампании в науке» (пять статей) и «Борьба за автономию науки» (еще пять статей), всего двадцать две статьи.

Как же в этой большой работе представлена история советской психологии? Судя по заголовкам статей – практически никак (если не считать повторной публикации статьи Н.Г. Григорьян «Противостояние системе. К оценке социально-политической позиции И.П. Павлова»).

К тем же выводам мы приходим и при ознакомлении с еще одной большой книгой – «Мобилизация и реорганизация российской науки и образования в годы Первой мировой войны», вышедшей пять лет назад (в 2018 г.) под общей редакцией Э.И. Колчинского [23]. Вместе с тем следует подчеркнуть, что большую самостоятельную историко-научную ценность в деле изучения истории отечественной биологии представляет не только эта книга, но и другие книги Э.И. Колчинского (1944-2020) по истории советской биологии, в которых он выступал в качестве редактора, автора или соавтора [20; 21; 29].

Особого внимания заслуживает книга С.Э. Шноля (1930-1921) о героях и злодеях российской науки. Первое издание этой выдающейся в своем жанре книги вышло в 1997 г. под названием «Герои и злодеи российской науки» [53], последнее, шестое (уже посмертное) издание вышло в 2022 г. под несколько измененным названием – «Герои, злодеи, конформисты отечественной науки» [55]. В книге дается широкая историческая панорама драматического развития нашей науки в условиях сталинизма, а также в последние годы существования СССР. Рассказывается о судьбах ученых, творивших в области биологии, биофизики, генетики, медицины, химии. Но самое близкое к истории советской психологии, что мы можем найти в этой книге – это небольшая глава, посвященная Павловской сессии [55, с. 506-520]. Приоритеты автора в

выборе сюжетов следует объяснять, конечно, его научной специализацией (биофизика, биохимия).

Значение книги С.Э. Шноля для нас заключается в том, что после ее прочтения возникает сильное желание написать такую же книгу об отечественных психологах, причем не только о героях, злодеях (были и такие) и конформистах, но и о великих тружениках. До создания целостной картины нам, похоже, еще очень далеко, но уже сейчас надо становиться на этот путь, начинать движение по направлению к полной и объективной истории советской (а затем и всей российской) психологии.

Продолжая анализ «больших книг» по истории советской науки, откроем монографию Е.А. Долговой «Рождение советской науки: ученые в 1920-1930-е гг.» [13]. В пяти главах книги речь идет о советском научном сообществе в целом. В первых трех главах с помощью методов социальной статистики рассматривается вопрос о том, кто в 1920-1930-е гг. считался научным работником, анализируется социально-демографическая структура научного сообщества в 1918-1934 гг., далее научное сообщество в СССР описывается в фокусе социально-экономической политики 1920-1930-х гг. В отдельном параграфе, посвященном политическому профилю научных кадров, ставится вопрос о том, была ли советская наука коммунистической. Четвертая глава посвящена истории Института Красной профессуры (в период 1921-1938 гг.). Пятая глава «Публичная роль ученого: социальный запрос к профессии» состоит из трех параграфов: «“Наш, советский”»: ученый в кинематографе», «“Наука для всех”»: освоение учеными практик популяризации результатов научного труда» и «Как советские ученые забыли иностранный язык».

В целом книга Е.А. Долговой содержит огромное количество важных сведений общего и частного характера, однозначно необходимых для адекватного понимания того социального, общенаучного, политического и идеологического контекста, в котором в 1920-1930-е гг. развивалась советская психология.

В фундаментальной двухтомной работе Е.А. Добренко «Поздний сталинизм: эстетика политики» [12] в первом томе в заключительной (шестой) главе «Gesamt Wissenschaft Werk: Романтический натурализм и жизнь в ее революционном развитии» [12, т. 1, с. 567-705] речь идет об агробиологии Т.Д. Лысенко («мичуринская наука» и т.д.), о «живом веществе» О.Б. Лепешинской, об открытиях Г. Бошьяна (о переходах вирусов в бактерии и обратно). Далее Е.А. Добренко рассказывает, как все эти «открытия», сделанные представителями «передовой науки», находили отражение в художественных произведениях (романах), пьесах и фильмах того времени – в частности, в пьесе Н. Погодина «Когда ломаются копья» (1952), а также в книгах Н. Дашкиева – в научно-фантастическом романе «Торжество жизни» (1950, 1952, 1966, 1973) и биографической повести о О.Б. Лепешинской (1973).

Коротко говоря, Е.А. Добренко показывает на конкретных примерах, как «наука стала искусством» [12, т. 1, с. 705], то есть идеологией. Во втором томе в седьмой главе «Лингвистический реализм: власть грамматики и грамматика власти» в том же ключе речь идет об «учении о языке» Н.Я. Марра.

Выбранный автором ракурс – «эстетика политики» – означает, насколько мы можем понять, анализ того, как политика сталинизма (в частности, в области науки) была представлена в художественной литературе, фильмах, пьесах, архитектуре, музыке. С этой точки зрения, действительно, в советской культуре эпохи позднего сталинизма (1946-1952 гг.) трудно найти художественные произведения, пьесы или фильмы, в которых в центре внимания была бы психология (а не генетика, биология, физиология или языкознание). Впрочем, это совсем не удивительно и вполне объяснимо: в условиях проходившей в первой половине 1950-х гг. тотальной «павловизации» советской психологии иначе и быть не могло. И даже если мы возьмем относящиеся уже к 1960-м гг. такие великие произведения советской фантастики, как романы «Лезвие бритвы» (1963) и «Час быка» (1968) И.А. Ефремова или «Трудно быть богом»

(1964) и «Хищные вещи века» (1965) братьев Аркадия и Бориса Стругацких, то, как нетрудно убедиться, научно-психологическая составляющая в этих произведениях весьма незначительна по объему, наивна и, по большому счету, архаична и беспомощна, что, конечно, отражает роль и место советской психологии в советской культуре в то время. Да и формировавшаяся в 1940-1950-е гг. пассионарная теория этногенеза Л.Н. Гумилева в настоящее время поражает отсутствием какого-либо серьезного научно-психологического фундамента под рассуждениями о пассионарных личностях.

Книги об истории отдельных советских наук

Переходя к книгам, посвященным истории отдельных советских наук, после уже обозначенных в предыдущем разделе публикаций Э.И. Колчинского по истории советской биологии особо следует остановиться на работах В.Н. Сойфера. В 1993 г. на русском языке вышла книга В.Н. Сойфера «Власть и наука. История разгрома генетики в СССР» [35]. Четвертое издание этой книги (под несколько измененным названием) вышло в 2002 г. [37]. В последующем на тему о псевдонауке в СССР вышли книги В.Н. Сойфера «Красная биология: Псевдонаука в СССР» [36], «“По личному указанию товарища Сталина”: псевдонаука в СССР» [38] и «Сталин и мошенники в науке» [40]. Эти работы интересны прежде всего тем, что В.Н. Сойфер был непосредственным участником и свидетелем описываемых событий. В частности, любопытные подробности приводятся В.Н. Сойфером в параграфе «Встречи и беседы с Т.Д. Лысенко» в автобиографии «Очень личная книга» [39].

Таким же конкретным образцовым примером исторической реконструкции в сочетании с глубоким проникновением в теорию вопроса является книга академика В.М. Алпатова «История одного мифа: Марр и марризм» [1]. Первое издание этой книги вышло в 1991 г., второе, дополненное – в 2004 г. [2]. Для историка советской психологии исследование В.М. Алпатовым феномена Н.Я. Марра и марризма имеет

большое значение сразу по нескольким причинам. Во-первых, речь идет о «советской судьбе» близкой к психологии науки – лингвистики. Во-вторых, даже независимо от степени близости психологии и лингвистики книга В.М. Алпатова полезна тем, что может служить образцом историко-научной реконструкции и подчеркнуто строго научного объяснения всего того, что было связано с Н.Я. Марром и марризмом в советской лингвистике. Было ли нечто подобное в советской психологии? Был ли у нас свой Марр? Кто был в нашей науке в наибольшей степени похож на Марра или мог стать (но не стал) Марром в психологии? Почему у нас не было своего Марра? Такие вопросы невольно возникают при чтении книги В.М. Алпатова.

Для позиции В.М. Алпатова характерно, что он ясно различает, во-первых, учение Марра и феномен марризма; во-вторых, обсуждение учения Марра и феномена марризма в узком кругу специалистов (лингвистов) – и в широкой печати (в газетах, в ненаучных журналах). Интересны предлагаемые В.М. Алпатовым по ходу изложения трактовки марксизма.

Для исследовательской позиции В.М. Алпатова характерны такие черты, как стремление к объективному, взвешенному, научному оценкам (это касается и оценки позиции Сталина по вопросам языкознания), максимальный учет историографии вопроса (тщательное изучение того, что говорят о Марре наши и зарубежные ученые). Во втором издании книги хорошо видно, что даже в тех случаях, когда с В.М. Алпатовым не соглашаются и критикуют его, он всегда готов частично согласиться с критикой, признать, что доля правды в их критике есть, то есть он не отбрасывает целиком и с порога точки зрения оппонентов.

Особо следует обратить внимание на тщательную проработку и корректное использование В.М. Алпатовым понятия «миф» (в науке) (см. в особенности [2, с. 33-34], где В.М. Алпатов опирается на определение мифа, в свое время предложенное известным американским лингвистом Р.А. Миллером). Заслуживают внимания и другие работы В.М. Алпатова, посвященные истории советской лингвистики [3-8].

Аналогичным образом современный исследователь истории советской психологии может очень многое взять на вооружение – и в качестве образца, и в виде конкретных исторических фактов – при ознакомлении с книгами, посвященными истории советской археологии. Прежде всего мы имеем в виду работы А.А. Формозова (1928-2009) и Л.С. Клейна (1927-2019).

А.А. Формозов еще в 1993 г. опубликовал статью «Археология и идеология (20-30-е гг.)» [44]. Многие констатации из этой статьи могут быть перенесены на историю советской психологии. В последующем А.А. Формозов опубликовал еще несколько книг по истории российской и советской археологии [45-52]. Из работ Л.С. Клейна в этом же отношении следует особо выделить его книги «Феномен советской археологии» [16], «История российской археологии» [17-19]. До таких книг, как многоплановое исследование А.А. Формозова «Русские археологи в период тоталитаризма» [50] или колоссальный труд Л.С. Клейна «История российской археологии» [19], нам, судя по всему, еще очень далеко.

В области изучения советской историографии древности обязательного изучения заслуживают книги С.Б. Криха [24-28]. Работа с архивами, умелое использование биографического метода, скрупулезный учет социального контекста, глубокое проникновение в чисто теоретические проблемы, прекрасный (не боящийся местами переходить в афористичный) стиль изложения, личный взгляд на историю своей науки в сочетании со строго научным объективизмом – все это, несомненно, можно и нужно брать на вооружение и применять при изучении истории советской психологии. Слишком много при чтении работ С.Б. Криха обнаруживается параллелей и похожих судеб в жизни людей и идей по сравнению с тем, что происходило в те же годы советской психологии, чтобы игнорировать эти пересечения и совпадения.

Столь же важны и чисто методические аспекты, убедительно реализуемые в работах С.Б. Криха. В частности, выделение «периферийной» науки как объекта исследования (периферийной по отношению к научному «мейн-стриму», концептуальному центру не столько

географически, сколько содержательно, в плане теории) применительно к истории советской психологии должно оказаться, как нам думается, не менее продуктивным, чем у С.Б. Криха в его недавней замечательной книге (своего рода интеллектуальном детективе) «Другая история: “Периферийная” советская наука о древности» [25].

Из работ, посвященных судьбе исторической науки в эпоху СССР, в поле нашего внимания в качестве объектов для подражания и источников конкретной исторической эмпирии оказались капитальные исследования А.М. Дубровского [14], В.В. Тихонова [42] и А.Л. Юрганова [56-58].

Разумеется, рассмотренные материалы – только вершина айсберга. Но, думается, и этих материалов все же вполне достаточно, чтобы взглянуть на историю советской психологии со стороны. Наука – дело креативное, коллективное и кумулятивное не только во времени, но и в пространстве. Понимание этого заставляет нас прислушиваться к тому, что говорят другие, придает нам новые силы и способствует дальнейшему продвижению вперед – рядом с другими, вместе с другими.

Выводы

1. В ходе поиска наиболее значимых отечественных публикаций постсоветского периода, посвященных советскому периоду истории отдельных наук и советской науке в целом, были выделены три группы источников: 1) сборники статей (коллективные монографии), посвященные различным наукам; 2) работы общего (общенаучного) характера, посвященные проблеме «власть и наука в СССР» («наука и идеология», «социальная история советской науки» и т.п.); 3) работы, в которых исследуется история какой-либо одной науки в СССР – история советской лингвистики, генетики, археологии, исторической науки и т.п.

2. Сравнительный анализ выявленных публикаций (работ В.М. Алпатова, Е.А. Добренко, Е.А. Долговой, А.М. Дубровского, Л.С. Клейна, Э.И. Колчинского, С.Б. Криха, В.Н. Сойфера, В.В. Тихонова, А.А. Формозова, С.Э. Шноля,

А.Л. Юрганова и др.) позволил прийти к выводу о том, что в настоящее время изучение истории советской психологии по целому ряду аспектов (методологически, методически и эмпирически) существенно отстает от уровня, уже достигнутого в исследовании советского периода истории своей науки представителями целого ряда отечественных наук (в частности, биологии, генетики, исторической науки, археологии и лингвистики); вследствие этого многие из рассмотренных публикаций могут выступать как с методологической, так и с методической точки зрения в качестве конкретных образцов для подражания при исследовании истории советской психологии.

3. Минимум сведений по истории советской психологии, обнаруженный в постсоветских и современных публикациях, в которых рассматривается судьба различных наук в советскую эпоху или советской науки в целом, следует объяснять не столько незначительностью сведений об истории советской психологии, сколько их недостаточной проработанностью, обобщенностью и изученностью самими психологами.

4. При обсуждении перспектив дальнейших исследований истории советской психологии следует исходить из того, что негативное воздействие господствующей государственной идеологии на какую-либо конкретную науку в конечном счете зависит не только от силы и направленности этого воздействия, но и от способности самой науки сопротивляться этому воздействию, отстаивать свою автономию, свое право на субъектность и свободу действий, что прежде всего определяется уровнем общего развития данной науки, степенью ее социальной и теоретической зрелости, наличием конкретных путей и форм реализации своего творческого потенциала, находящем непосредственное выражение не только в сфере теории, эксперимента и практики, но и в как можно более полном и объективном познании собственной истории.

5. В целом рассмотренные материалы и полученные выводы подводят к мысли о том, что в настоящее время назрела необходимость создания всеобъемлющего, методологически выверенного и эмпирически насыщенного энцикло-

педического справочника, посвященного истории советской психологии. Мы полагаем, что только таким путем история советской психологии станет более доступной, понятной и заслуживающей внимания не только для самих психологов, но и для представителей других наук и областей знания, а также для широкого круга читателей – как отечественных, так и зарубежных.

Литература

1. Алпатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1991.
2. Алпатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм. Изд. 2-е, доп. М.: Едиториал УРСС, 2004.
3. Алпатов В.М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2005.
4. Алпатов В.М. Языковеды, востоковеды, историки. М., 2012.
5. Алпатов В.М. Жизнь лингвиста: воспоминания. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2023.
6. Алпатов В.М. Избранные труды XX века / сост. П.М. Аркадьев, А.А. Кибрик, Кс.П. Семёнова, С.Г. Татевосов. М.: Языкознание, 2023.
7. Алпатов В.М., Ашнин Ф.Д. Дело славистов: 30-е годы. М.: Наследие, 1994.
8. Алпатов В.М., Ашнин Ф.Д., Насилов Д.М. Репрессированная тюркология. М.: Восточная литература, 2002.
9. Большакова О.В. Поллок Э. Сталин и советские научные войны. (Реферат) // Наука в СССР: Современная зарубежная историография: Сб. обзоров и рефератов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. истории; Отв. ред. Большакова О.В. М., 2014. – С. 112-118.
10. Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе / Пер. с англ. М.: Политиздат, 1991.
11. Грэхэм Л.Р. Очерки истории российской и советской науки. М.: Янус-К, 1998.
12. Добренко Е.А. Поздний сталинизм: эстетика политики. М.: Новое литературное обозрение, 2020. Т.1.; Т.2.
13. Долгова Е.А. Рождение советской науки: ученые в 1920-1930-е гг. М.: РГГУ, 2020.
14. Дубровский А.М. Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2017. (История сталинизма).
15. За «железным занавесом»: Мифы и реалии советской науки / Под ред.: Хайнеманн М., Колчинский Э.И. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002.
16. Клейн Л. С. Феномен советской археологии. СПб.: Изд-во ФАРН, 1993.
17. Клейн Л.С. Трудно быть Клейном: Автобиография в монологах и диалогах. СПб.: Нестор-История, 2010.
18. Клейн Л.С., Щавелёв С.П. Александр Александрович Формозов (1928-2009): послесловие. Курск: Изд-во Курского государственного медицинского университета, 2011.
19. Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2014. Том 1. Общий обзор и дореволюционное время.; Том 2. Археологи советской эпохи.
20. Колчинский Э.И. В поисках советского «союза» философии и биологии (дискуссии и репрессии в 20-х – начале 30-х гг.). СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1999. (Российская Академия Наук. Институт истории естествознания и техники. Санкт-Петербургский филиал)
21. Колчинский Э.И. Биология Германии и России–СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века (между либерализмом, коммунизмом и национал-социализмом). СПб.: Издательство «Нестор-История», 2006.
22. Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / Под ред. Э.И. Колчинского, Д. Байрау, Ю.А. Лайус. СПб.: Нестор-История, 2007.
23. Мобилизация и реорганизация российской науки и образования в годы Первой мировой

- войны / Под общ. ред. Э.И. Колчинского. СПб.: Нестор-История, 2018.
24. Крих С.Б. Образ древности в советской историографии. М. URSS, 2012.
 25. Крих С. Б. Другая история: «Периферийная» советская наука о древности. М.: Новое литературное обозрение, 2020.
 26. Крих С.Б., Метель О.В. Историография древности в советский период: учебное пособие. Омск: Синяя птица, 2018.
 27. Крих С.Б., Метель О.В. Советская историография древности: структуры, люди, идеи: путеводитель по советской науке о древней истории. Изд. 5-е. Москва: URSS: ЛЕНАНД, 2019.
 28. Крих С.Б., Метель О.В. Советская историография древности в контексте мировой историографической мысли. М.: ЛЕНАНД, 2020.
 29. На переломе. Советская биология в 20-30-х годах / Отв. ред. Э.И. Колчинский. СПб.: СПбФИИЕТ РАН, 1997.
 30. Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / Ред.-сост. Э.И. Колчинский. С.-Петербург, 2003.
 31. Наука и тоталитарная власть // Философские исследования. 1993. № 3. С. 1-251; 1993. № 4. С. 252-504.
 32. Подвластная наука? Наука и советская власть / Рос. Акад. наук. Ин-т философии; сост., научн. ред. С.С. Неретина, А.П. Огурцов. М.: Изд-во «Голос», 2010.
 33. Репрессированная наука / Ред. М.Г. Ярошевский. Л.: Наука, 1991.
 34. Репрессированная наука. Вып. II / Ред. М.Г. Ярошевский. Ред.-сост. А.И. Мелуа. СПб.: Наука, 1994.
 35. Сойфер В.Н. Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. М.: Лазурь, 1993.
 36. Сойфер В.Н. Красная биология: Псевдонаука в СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1998.
 37. Сойфер В.Н. Власть и наука. Разгром коммунистами генетики в СССР. 4-е изд. М.: ЧеРо, 2002.
 38. Сойфер В.Н. «По личному указанию товарища Сталина»: псевдонаука в СССР. М.: Триумф, 2007.
 39. Сойфер В.Н. Очень личная книга. Новосибирск: Инфолио, 2011.
 40. Сойфер В.Н. Сталин и мошенники в науке. – 2-е изд., доп. М.: Добросвет, Городец, 2016.
 41. Суровая драма народа: Ученые и публицисты о природе сталинизма. М.: Политиздат, 1989.
 42. Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М.; СПб.: Нестор-История, 2016.
 43. Клейн Л.С., Щавелёв С.П. Александр Александрович Формозов (1928-2009): послесловие. Курск: Изд-во Курского государственного медицинского университета, 2011.
 44. Формозов А.А. Археология и идеология (20-30-е гг.) // Вопросы философии. 1993. № 2. С. 70-82.
 45. Формозов А.А. Русские археологи до и после революции. М. Наука, 1995.
 46. Формозов А.А. О книге Л.С. Клейна «Феномен советской археологии» и о самом феномене // Российская археология. 1995. № 3. С. 225-232.
 47. Формозов А.А. Русские археологи и политические репрессии // Российская археология. 1998. № 3. С. 191-206.
 48. Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М.: Наука, 1986.
 49. Формозов А.А. Рассказы об ученых. Курск, КГМУ, 2004.
 50. Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М.: Знак, 2004.
 51. Формозов А.А. Человек и наука: Из записей археолога. М.: Знак, 2005.
 52. Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. Изд. 2-е, дополн. М.: Знак, 2006.
 53. Шноль С.Э. Герои и злодеи российской науки. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997.
 54. Шноль С.Э. Герои, злодеи, конформисты российской науки. 2-е изд. М.: КРОН-ПРЕСС, 2001.

55. Шноль С.Э. Герои, злодеи, конформисты отечественной науки. Изд. 6-е, испр. М.: ЛЕ-НАНД, 2022. (Наука в СССР: Через тернии к звездам. № 1)
56. Юрганов А.Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2011.; 2-е изд., стереотип., 2019.
57. Юрганов А.Л. Культурная история России. Век двадцатый. Статьи и публикации разных лет. М.–СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018.
58. Юрганов А. Л. Культ Ошибки. Теоретический фронт и Сталин (середина 20-х – начало 30-х гг. XX в.). М.–СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020.
59. Birstein V.J. The Perversion of Knowledge: The True Story of Soviet Science. Cambridge: Westview Press, 2001.
60. Graham L.R. Science, philosophy and human behavior in the Soviet Union. New York: Columbia University Press, Guildford, Surrey, 1987.
61. Graham L.R. Science in Russia and the Soviet Union: A Short History, Cambridge: University Press, 1993.
62. Krementsov N. Stalinist Science. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1997.
63. Pollock E. Stalin and the Soviet science wars. Princeton: Princeton University press, 2006.

SOVIET PSYCHOLOGY IN A BROAD HISTORICAL AND SCIENTIFIC CONTEXT (REVIEW OF KEY DOMESTIC PUBLICATIONS OF THE POST-SOVIET PERIOD)

© **Sergey A. Bogdanchikov**

Ph.D. in Psychology, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia
bogdanchsa@gmail.com

A comparative analysis of the most significant post-Soviet publications on the Soviet period of some sciences and Soviet science in general (works by V.M. Alpatov, E.A. Dobrenko, E.A. Dolgova, A.M. Dubrovski, L.S. Klein, E.I. Kolchinsky, S.B. Krich, V.N. Soifer, V.V. Tikhonov, A.A. Formozov, S.E. Shnol, A.L. Yurganov, etc.), allowed us to conclude that the study of the history of Soviet psychology at present, in a number of parameters, significantly lags behind the level that representatives of other national sciences have already achieved in their study of the Soviet period of their science. The minimum of information on the history of Soviet psychology found in post-Soviet and contemporary publications, which consider the fate of various sciences in the Soviet era or the Soviet science as a whole, should be explained not by the insignificance of the information about the history of Soviet psychology, but by their insufficient elaboration, generalization and study by psychologists themselves.

In discussing the prospects of further research into the history of Soviet psychology, it is emphasized that the negative influence of the dominant state ideology on a particular science ultimately depends not only on the strength and direction of that influence, but also on the ability of the science itself to resist that influence; this is primarily determined by the level of its overall development, which finds its expression not only in theory, experiment and practice, but also in the most complete and objective knowledge of its history.

Keywords: history of Soviet psychology, history of Soviet science, science in the USSR, science and power, science and ideology, history of Soviet linguistics, biology, genetics, archeology, historical science

МЕТОДЫ И МЕТОДИКИ

АДАПТАЦИЯ «ШКАЛЫ СТАБИЛЬНОСТИ УСТАНОВОК ЛИЧНОСТИ» И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ В ПИЛОТНОМ ИССЛЕДОВАНИИ ВЗАИМОСВЯЗИ УСТОЙЧИВОСТИ СИСТЕМЫ ОТНОШЕНИЙ И САМОРЕГУЛЯЦИИ ПОВЕДЕНИЯ

© Ванин А.В.

кандидат психологических наук, научный сотрудник,
Институт психологии РАН, Москва, Россия
vaninav@ipran.ru

Работа выполнена в рамках госзадания Института психологии Российской академии наук
(тема № 0138-2021-0009)

В статье приводятся результаты адаптации «Шкалы стабильности установок личности», призванной измерять индивидуальные особенности в представлении людей об устойчивости их психологических установок, предсказывающие фактическую стабильность их отношения к различным объектам с течением времени. Обосновывается актуальность изучения связи саморегуляции поведения и психологических установок личности. С использованием адаптированного опросного метода проводится пилотное исследование взаимосвязи устойчивости системы отношений и саморегуляции поведения. Выборка включала в себя 258 учащихся I-IV курсов ВУЗ. Результаты эмпирического исследования свидетельствуют о скорее нелинейном характере отношения двух психологических конструкторов. На основе анализа итогов исследования кратко обсуждаются направления дальнейшего научного поиска.

Ключевые слова: опросник, адаптация, стандартизация, установки, саморегуляция, индивидуально-психологические особенности, личностные ценности

Введение

«Шкала стабильности установок личности» («Personal Attitude Stability Scale, PASS» [21]), являясь современным психологическим конструктором, призвана измерять индивидуальные особенности в представлении людей об устойчивости их психологических установок, предсказывающие фактическую стабильность их отношения к различным объектам с течением времени вне связи с контекстом внешних попыток убеждения.

В рамках оригинального психометрического инструмента его авторами была определена факторная структура 11-пунктовой шкалы,

демонстрировалась тест-ретестовая надежность в течение 5-недельного периода, проверялись конвергентная и дискриминантная валидности. В целом, было показано, что разработанная методика предсказывает стабильность установок лучше, чем иные существующие на сегодня релевантные шкалы («ITAS-scale» [16]; «Defensive Confidence Scale» [7]). При этом, по ряду объектов отношения для людей с высокими баллами по шкале, установки в момент измерения 1 были более предсказывающими их отношение в момент измерения 2, что указывало на большую согласованность установок. Таким образом, разработанная авторами шкала позволяет

оценивать меру индивидуальных различий в устойчивости психологических установок, предсказывающую фактическую их стабильность с течением времени. В той мере, в какой представления людей об их индивидуальной стабильности установок могут быть использованы для предсказания фактической стабильности установок, разработанная шкала имеет практические и теоретические преимущества для исследования отношений, личности, психологической согласованности и многого другого.

В настоящей работе нами осуществлялась адаптация этого опросного метода, включавшая его русификацию и стандартизацию. После чего с его применением проводилось пилотное исследование, в рамках которого проверялась гипотеза о наличии или отсутствии взаимосвязи стабильности системы установок и саморегуляции поведения личности.

Объект, цель и метод исследования

Объектом исследования выступили индивидуально-психологические особенности человека: особенности устойчивости его установок и саморегуляции поведения.

Цель работы состояла в адаптации «Шкалы стабильности установок личности» и ее последующее применение в пилотном исследовании взаимосвязи устойчивости системы отношений и саморегуляции поведения человека.

Методом исследования выступил комплекс психодиагностических процедур, служащих адаптации и стандартизации опросных инструментов, а также корреляционный анализ для проверки предположения о наличии или отсутствии взаимосвязи двух психологических конструктов.

Обработка данных проводилась с использованием статистических пакетов SPSS 26.0 и SPSS Amos 23.0. Визуализация результатов осуществлялась средствами библиотеки Seaborn.

Выборка исследования

В качестве респондентов для адаптации «Шкалы стабильности установок личности» и ее

последующего применения в пилотном исследовании приняли участие студенты I-IV курсов ВУЗ. Выборку исследования составили 258 человек в возрасте от 17 до 24 лет (средний возраст – 19,17), из них: 109 девушек (42,2%), 149 юношей (57,8%).

Адаптация «Шкалы стабильности установок личности»

На первом этапе предложенные авторами 11 высказываний (5 прямых и 6 обратных) были подвергнуты русификации, после чего они оценивались респондентами. Согласие с утверждениями участники исследования оценивали по пятибалльной шкале Ликерта: от 1 («совершенно неверно») до 5 («совершенно верно»).

Итоговые формулировки высказываний, а также их основные статистические метрики представлены в таблице 1.

Внутренняя согласованность, рассчитанная по альфе Кронбаха для всех 11 утверждений шкалы, составила 0,771.

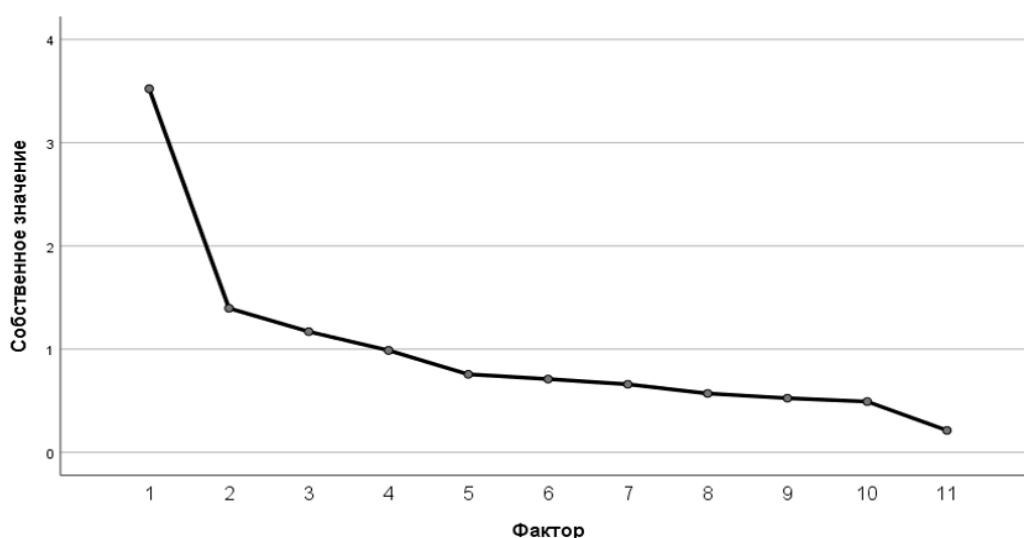
На втором этапе адаптации проводилась проверка факторной структуры шкалы. Эксплораторный факторный анализ выявил доминирующий первый фактор. Собственные значения факторов представлены на рис. 1.

Аналогично оригинальной методике, график собственных значений указывал на сильное падение после первого фактора, за которым следовали меньшие падения после второго и третьего факторов. На первый фактор при этом приходится 32,0% общей дисперсии, что можно противопоставить второму по значимости фактору, на долю которого приходится лишь 12,1%. Следуя логике авторов, поскольку второй фактор оказывался «методологическим», а не «концептуальным» [21, с. 4], мы также сохраняли однофакторную структуру шкалы в дальнейшей работе. Учитывая подобное решение, факторные нагрузки по каждому пункту были в ожидаемом направлении, умеренно сильными с абсолютными значениями в диапазоне от 0,363 до 0,797.

Таблица 1. Основные статистические показатели отдельных утверждений «Шкалы стабильности установок личности»

№	Утверждение	ФН	Ср	СО	А	Э
1	Я твердо привержен своим убеждениям	-0,363	4,08	,847	-,845	,707
2	Мне трудно изменять свои взгляды на вещи	-0,475	3,07	1,076	,022	-,792
3	Как правило, я не меняю свою точку зрения после обсуждения	-0,618	3,10	,898	-,005	,083
4	Мое мнение изменчиво (О)	0,797	3,12	,966	-,381	-,454
5	Я склонен к изменению своего мнения по тому или иному вопросу (О)	0,796	3,28	,993	-,455	-,458
6	Я часто меняю или корректирую свои взгляды, когда узнаю новую информацию (О)	0,599	3,67	,892	-,536	,183
7	Сформировав впечатление о чем-то, мне часто трудно изменить его	-0,426	3,07	1,032	-,026	-,700
8	Я никогда не менял своего взгляда на большинство вещей	-0,509	2,55	1,047	,501	-,343
9	Мои суждения часто неустойчивы (О)	0,372	2,50	1,007	,484	-,236
10	Если необходимо, я без труда могу изменить свои убеждения (О)	0,604	3,00	1,059	-,060	-,714
11	В прошлом я часто изменял свое мнение о чем-либо (О)	0,460	2,93	1,096	,014	-,711

Примечание: О – обратный ключ высказывания; ФН – факторная нагрузка; Ср – среднее значение; СО – стандартное отклонение; А – асимметрия; Э – Экспесс. Серым цветом выделены исключенные из финальной версии пункты шкалы.

Рис. 1. График собственных значений из эксплораторного факторного анализа

В целях дальнейшего изучения факторной структуры, учитывая ограничения эксплораторного факторного анализа, был проведен confirmatorный факторный анализ, не включавший применения различных, предусмотренных программным обеспечением процедур, позво-

ляющих улучшать индексы согласованности модели. Мера соответствия модели эмпирическим данным оценивалась нами по следующим, широко применяемым метрикам: отношение χ^2 к числу степеней свободы ($CMIN/df \leq 2$), индекс относительного согласия (Comparative

FitIndices, CFI) $\geq 0,85$, среднеквадратичная ошибка аппроксимации (Root Mean Square Error of Approximation, RMSEA) $\leq 0,06$, стандартизированный среднеквадратичный остаток (Standardized Root Mean Square Residual, SRMR) $\leq 0,08$.

Вслед за авторами оригинальной методики, мы также использовали однофакторную модель с постоянным влиянием фактора метода на все

пункты шкалы. Однако при этом нами не были получены приемлемые уровни соответствия индексов согласованности эмпирическим данным, что в свою очередь потребовало последующего пересмотра списка утверждений в сторону их сокращения. Индексы согласованности исходной и пересмотренной моделей представлены в следующей таблице (см. таблица 2).

Таблица 2. Результаты конфирматорного факторного анализа

Модель и описание	CMIN	df	CMIN/df	CFI	RMSEA	SRMR
Все 11 утверждений шкалы (исходная модель)	178,434	44	4,055	0,795	0,109	0,091
8 утверждений шкалы (пересмотренная модель)	37,872	20	1,894	0,936	0,059	0,056

Наилучшее соответствие индексов согласованности эмпирическим данным было получено при исключении из списка шкалы трех ее утверждений (№ 2, 4, 9). Внутренняя согласованность, рассчитанная по альфе Кронбаха для оставшихся 8 утверждений, составила приемлемое значение – 0,702. Подобное сокращение числа утверждений в шкале позволило также

уровнять количество обратных и прямых ее пунктов; оно отвечает также современному тренду в разработке лаконичных и наименее затратных по времени психометрических инструментов. Основные статистики и нормативы шкалы представлены в таблице 3.

Таблица 3. Нормативные данные «Шкалы стабильности установок личности»

	Среднее	Стандартное отклонение	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Значение по шкале PASS	23,92	4,49	≤ 19	20-27	≥ 28

В целом, полученные в настоящей работе результаты позволяют обосновать применимость этого психометрического инструмента в эмпирическом исследовании.

Пилотное исследование взаимосвязи стабильности установок личности и саморегуляции поведения

В социальной психологии нередко постулируется, что механизмы и факторы, ответственные за изменение установок, ответственны

также и за изменение поведения. По этой причине системы психологического воздействия и убеждения сосредоточены на корректировании установок и намерений/интенций человека, полагая, что далее последует изменение и его поведения. Однако, современные исследования, как, впрочем, и жизненный опыт, показывают, что это далеко не всегда так.

Представления об отсутствии строгой связи изменений установок и поведения следуют, прежде всего, из вероятностной модели

убеждения («Elaboration Likelihood Model of Persuasion, ELM» [17]). Согласно этой модели, эффективность убеждения на изменение установок зависит от мотивации и способности принимающей стороны к активному рассуждению [18]. Когда мотивация или способности оказываются в дефиците или на спаде, изменение установок возможно за счет множественных аргументов в пользу одной из сторон. Однако, сформированная вслед установка не обладает качествами силы (такими как доступность, уверенность, выраженность, отсутствие амбивалентности и т.д.). Как следствие, слабость установки не приводит к соответствующему поведению, что было показано авторами модели и их последователями во многих исследованиях [15].

Еще одним объяснением расхождения между установкой и последующим когерентным ей поведением может являться и то, что за ними могут стоять несколько различные, а иногда и антагонистически противоположенные по реализуемым ими функциям, психологические механизмы. Так, недавние исследования демонстрируют, что несоответствие между установками и поведением может лежать в области не слабости первых, а скорее в силе второго, находящего свое проявление в устойчивых привычках [11]. Вследствие чего, когда акт убеждения встречается с закрепленными привычками, то он может изменять установку, но не поведение. Более того, когда способность к рассуждению снижена, как это бывает, в частности, вслед за истощением ресурса саморегуляции, люди вероятнее всего действуют согласно своим привычкам.

На сегодняшний день в науке, как в области изучения психологических установок, так и психологии саморегуляции отсутствует интегративная модель, позволяющая объяснять роль установок человека в целостном процессе саморегуляции поведения и личности. Вместе с тем отмечается, что установки могут иметь решающее значение для процесса саморегуляции в момент, когда люди выбирают, какое поведение им следует задействовать для достижения тех или иных целей активности, и в этом своем качестве они могут как способствовать саморегулированию, так и препятствовать его осуществлению

[13]. В свою очередь, действие процесса саморегуляции человека (равно как и степень ее индивидуального развития) может выступать в качестве как одного из основных «виновников», так и объясняющего принципа, причины расхождения между установками, намерениями/интенциями и конечным поведением (так называемое «Intention-Behavior Gap» в англоязычной литературе) [12].

Характеризуя пересечение двух областей научного поиска необходимо отметить, что помимо изучения имплементации человеком намерений в его последующем поведении [6], исследователи психологических установок редко фокусируют свое внимание на саморегулировании как таковом. Верно и обратное: хотя литература о саморегуляции обширна, анализ актуального ее состояния позволяет заключить, что исследователям в этой области еще только предстоит определить место психологических установок в целостном процессе управления человека своим поведением и достижением им целей активности. Так, в справочнике по саморегуляции [20] почти не упоминаются установки и/или процесс оценивания. При этом одна из его глав посвящена изучению объекта желания в процессах саморегулирования [10]; указывается на то, что первое имеет отношение ко второму, поскольку желания характеризуются аффективными, когнитивными и мотивационными аспектами. Тем не менее, авторы настойчиво игнорируют многочисленную литературу и накопленные данные, посвященные исследованию объекта желания в области изучения психологических установок.

Вместе с тем в работе R. Corlett и N. Marrouch [9] показано, что психологические установки и убеждения человека могут «жить» в часто активируемых цепях подсистем мозга, что некоторым образом «роднит» две анализируемые области исследования. Помимо этого, по крайней мере одна западная теория саморегуляции подходила к ее анализу с точки зрения психологических установок – «Теория попыток» («Theory of Trying») R. Bagozzi [8]. Так, ее автор допускает, что люди оценивают эмоциональную значимость событий и потребностей, что включает

в себя многие из элементов авторитетной в области изучения психологических установок «Теории запланированного поведения» («Theory of Planned Behavior») I. Ajzen [5]. Однако, вместо того чтобы «нацеливать» действия (например, создавая установку к его осуществлению), этот процесс направлен на создание установки людей к успеху вкупе с шансами на него, установки на неудачу вместе с вероятностью ее наступления, установки на реализацию поведения в акте попытки наряду с субъективной нормой по отношению к ней. В целом, система этих элементов и каждый из них в отдельности признаны предсказать намерение субъекта совершить попытку действия, что в свою очередь, ведет к ее последующему действию. При этом частота прошлых попыток неизменно увеличивает или уменьшает вероятность намерения совершить попытку в будущем, также как и само ее совершение, степень ее субъективно воспринимаемой новизны и т.д.

Все это, в свою очередь, согласуется с данными, полученными в области нейронауки: повторяющееся поведение прокладывает нейронные пути в мозге человека, повышая вероятность их использования в дальнейшем, что позволяет до некоторой степени предсказывать поведение индивида в будущем, на основе релевантного поведения в прошлом [9]. Помимо этого, полученные при использовании метаанализа в работе R. Rhodes и др. [19] результаты демонстрируют широкую поддержку роли самоидентичности человека как важного фактора в прогнозировании его поведения. В частности, люди, идентифицирующие себя в качестве физически активных, более склонны заниматься спортом, чем те, у кого подобная идентичность отсутствует.

Могут быть перечислены и другие основания, по которым саморегуляцию и психологические установки людей следует рассматривать в единой системе комплексных взаимоотношений. Так, вышеупомянутое рассогласование намерений и поведения может приводить к тому, что человек часто обнаруживает себя в привычках, которые не являются оптимальными (как для него самого, так и для окружающих его

людей). При этом аспекты саморегуляции, связанные с мониторингом и контролем, как в отечественной [4], так и в западной психологии [14], рассматриваются в значительной степени поддающимися осознанию субъектом, являясь в то же время метакогнитивными [2].

Помимо этого, сам процесс саморегуляции может носить оценочный характер на той стадии осуществления, когда человек сверяет актуальное и желаемое состояния достигаемой им цели, говоря иначе, оценивает полученный им результат. Последнее, в свою очередь, может подразумевать как позитивное (при большей степени согласования желаемого и актуального состояний достижения цели), так и негативное (при большей степени рассогласования) отношение и/или установку субъекта к выполняемой им деятельности в настоящем и будущем. При этом саморегуляция в ее успешной имплементации может становиться самоподкрепляющей, вводя, тем самым, в обиход и новую привычку, базирующуюся на позитивном отношении субъекта. В свою очередь, психологические установки человека могут содержаться и в эпизодах саморегуляции с эмоциями. В этом случае неудача сопровождается печалью, успех – радостью.

Точно также ряд эпизодов саморегуляции может обладать для индивида характеристикой значимости, однако сопровождающая их краткосрочная деятельность может восприниматься в качестве неприятной (например, физиотерапия в процессе выздоровления или разучивание сложной музыкальной пьесы в процессе подготовки к выступлению). При этом, чем выше человек ценит отсроченное вознаграждение (выздоровление, впечатляющие результаты при исполнении музыкального произведения), тем больше задействуется и его саморегуляция. И наоборот, обесценивание отложенного вознаграждения может увеличивать рассогласование психологических установок, намерений и конечного поведения, подспудно вызывая и существенные проблемы с саморегулированием.

Все вышеизложенное может являться свидетельством актуальности изучения системы взаимовлияния установок и процесса

саморегулирования, перспективности разработки этой темы в психологических исследованиях.

На данном этапе нами была осуществлена эмпирическая проверка гипотезы о наличии или отсутствии взаимосвязи саморегуляции поведения и стабильности установок личности, согласно конструктам опросной методики

«Стиль саморегуляции поведения (ССПМ)» [3] и адаптированной «Шкалы стабильности установок личности» [21]. С этой целью проводился корреляционный анализ (по Пирсону) на аналогичной выборке, включавшей 258 респондентов. Результаты вычислений представлены на рис. 2.

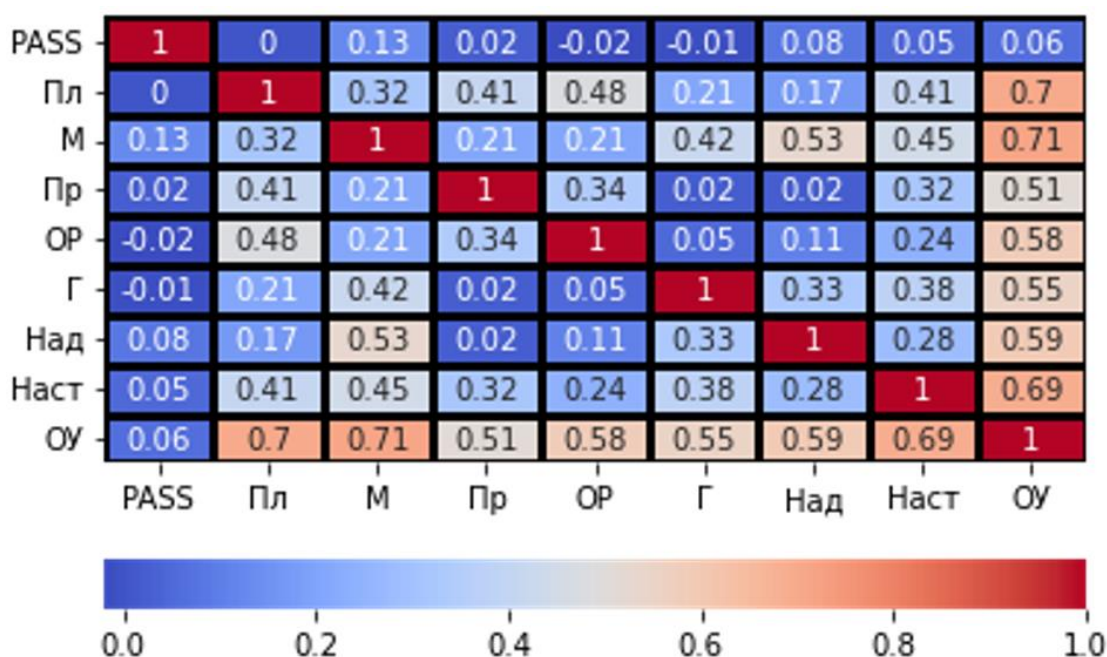

Рис. 2. Значения коэффициентов корреляции показателей саморегуляции поведения и индекса стабильности установок личности

Примечание: PASS – индекс стабильности установок личности, рассчитанный путем суммирования баллов по каждому из 8 пунктов адаптированной шкалы; Пл – планирование; М – моделирование; Пр – программирование; ОР – оценивание результатов; Г – гибкость; Над – Надежность; Наст – настойчивость; ОУ – общий уровень саморегуляции.

Как следует из представленного рисунка, была установлена только одна статистически значимая, но при этом незначительная положительная корреляция ($r=0,13$; $p>0,05$) индекса стабильности установок личности с показателем моделирования, оценивающим развитость представлений человека о внешних и внутренних значимых условиях достижения им целей деятельности. Отсутствие значительных и значимых взаимосвязей, и в целом установление нулевой гипотезы, может свидетельствовать о

скорее нелинейном характере отношения этих двух психологических конструктов.

Вместе с тем, в качестве возможного направления для дальнейшей исследовательской работы допустимо предположить различную выраженность и связь процессов саморегуляции между собой при различной степени устойчивости индивидуальной системы психологических установок сквозь призму особенностей личности человека. В частности, мы постулируем на последующие исследования, что:

• Индивидуально-психологические особенности (среди которых в первую очередь особенности темперамента, характера и интеллекта человека) оказывают влияние «снизу» на формирование своеобразия психологических установок, а также степени их согласованности и соответствия конечному поведению. Индивидуально-психологические особенности человека оказывают также влияние на формирование особенностей его саморегуляции [1].

• Исходный уровень выраженности силы той или иной психологической установки («Attitude Strength» в англоязычной литературе), определяемый по тому в какой мере она отвечает критериям убежденности субъекта, его осведомленности, доступности, нравственности, отсутствию амбивалентности, характеризует в том числе ее согласованность в интегральной индивидуальной системе взаимосвязи психологических установок, убеждений, ценностей и саморегуляции.

• Макро- и микросреда взаимодействия человека оказывает влияние «сверху», опосредованно формируя и трансформируя через сеть своих агентов (олицетворяющих коллективную систему, включающую набор ценностей культуры и норм поведения, существующую параллельно индивидуальной системе ценностей и установок индивида) психологические установки, убеждения и личностные ценности человека; при этом предполагается, что саморегуляция субъекта в этой цепи может в некоторой степени выполнять роль снятия рассогласования между индивидуальной и коллективной системами.

Взаимодействие трех перечисленных факторов может создавать основу для объяснения ряда механизмов становления, трансформации и регуляции в ценностно-установочном блоке человека. Вместе с тем, уточнение отдельных переменных этого взаимодействия и отнесение их к одному из трех уровней должно осуществляться на основе строгой систематизации и структуризации теоретических моделей, результатов эмпирических наблюдений и выявленных в психологических исследованиях

закономерностей, что является одним из предметов дальнейшей работы над темой исследования.

Выводы

• По итогам проделанной и представленной в настоящей статье работы:

• Осуществлена адаптация «Шкалы стабильности установок личности», включавшая процедуры ее русификации и стандартизации. Результаты позволили в том числе доказать применимость этого психометрического инструмента в эмпирической работе.

• Пилотное исследование взаимосвязи стабильности установок и саморегуляции поведения установило только одну статистически значимую положительную корреляцию индекса устойчивости системы психологических установок с показателем моделирования значимых условий достижения целей деятельности. По нашему мнению, превалирование нулевой гипотезы говорит о скорее нелинейном характере отношения этих двух психологических конструкторов. При этом качественно иные результаты взаимосвязи могут быть получены, например, на индивидуально-типологическом уровне, что потребует дальнейшего исследования.

Литература

1. Ванин А.В., Моросанова В.И. Саморегуляция временной перспективы старшеклассниками с различными личностными диспозициями // Материалы Международной научной конференции «Человек, субъект, личность в современной психологии», посвященной 80-летию А.В. Брушлинского. 2013. Т. 1. С. 495-498.
2. Моросанова В.И. Осознанная саморегуляция человека как метаресурс достижения учебных и профессиональных целей // Материалы II Международной научно-практической конференции «Личность, интеллект, метакогниции: исследовательские подходы и образовательные практики», Калуга, 20-22 апреля 2017 года. Калужский государственный

- университет им. К.Э. Циолковского. АКФ "Политоп". С. 104-114.
3. Моросанова В.И., Кондратюк, Н.Г. Опросник В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения – ССПМ 2020» // Вопросы психологии. 2020. № 4. С. 155-167.
 4. Моросанова В.И., Цыганов И.Ю., Ванин А.В., Филиппова Е.В. Осознанная саморегуляция и отношение к учению: их взаимосвязь и вклад в успешность обучения // Вопросы психологии. 2015. № 5. С. 32-45.
 5. Ajzen I. The theory of planned behavior // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 1991. №50(2). P. 179–211.
 6. Ajzen I., Fishbein M., Lohmann S., Albarracín D. The Influence of Attitudes on Behavior, from: *The Handbook of Attitudes*. 2018. V.1. Basic Principles. Routledge. <https://www.routledgehandbooks.com/doi/10.4324/9781315178103-5>.
 7. Albarracín D., Mitchell A.L. The Role of Defensive Confidence in Preference for Proattitudinal Information: How Believing That One Is Strong Can Sometimes Be a Defensive Weakness // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2004. №30. P. 1565-1584.
 8. Bagozzi R.P. The self-regulation of attitudes, intentions, and behavior // *Social Psychology Quarterly*. 1992. № 55(2). P. 178-204.
 9. Corlett R., Marrouch N. Social Cognitive Neuroscience of Attitudes and Beliefs // *The Handbook of Attitudes*. 2018. V.1. Basic Principles. Routledge. <https://www.routledgehandbooks.com/doi/10.4324/9781315178103-12>.
 10. Hoffmann W., Vohs K.D. Desire and self-regulation // In K.D. Vohs, R.F. Baumeister (Eds.). *Handbook of self-regulation* (3rd ed., pp. 76-94). New York, NY: Guilford Press, 2016
 11. Itzhakov G., Uziel L., Wood W. When attitudes and habits don't correspond: Self-control depletion increases persuasion but not behavior // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2018. № 75. P. 1-10.
 12. Johnson B.T., Boynton M.H. Putting attitudes in their place: Behavioral prediction in the face of competing variables // In J. P. Forgas, J. Cooper, W. Crano (Eds.). *The psychology of attitudes: The Sydney symposium of social psychology* (pp. 19-38). Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
 13. Johnson B.T., Landrum A.R., McCloskey K. Attitudes in the 21st Century, from: *The Handbook of Attitudes*. 2018. Volume 1. Basic Principles. Routledge. <https://www.routledgehandbooks.com/doi/10.4324/9781315178103-16>.
 14. Kelley W.M., Wagner D.D., Heatherton T.F. In search of a human self-regulation system // *Annual Review of Neuroscience*. 2015. № 38. P. 389-411.
 15. Krosnick J.A., Petty R.E. Attitude strength: An overview // In R.E. Petty, J.A. Krosnick (Eds.). *Attitude strength: Antecedents and consequences* (pp. 1-24). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc. 1995.
 16. Petrocelli J.V., Clarkson J.J., Tormala Z.L., Hendrix K.S. Perceiving stability as a means to attitude certainty: The role of implicit theories of attitudes // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2010. №46. P. 874-883.
 17. Petty R.E., Cacioppo J.T. The Elaboration Likelihood Model of Persuasion // *Advances in Experimental Social Psychology*. 1986. V.19. P.123-205.
 18. Petty R.E., Wells G.L., Brock T.C. Distraction Can Enhance or Reduce Yielding to Propaganda: Thought Disruption Versus Effort Justification // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1976. № 34. P. 874-884.
 19. Rhodes R.E., Kaushal N., Quinlan A. Is physical activity a part of who I am? A review and meta-analysis of identity, schema and physical activity // *Health Psychology Review*. 2016. №10(2). P. 204-225.
 20. Vohs K.D., Baumeister R.F. (Eds.). *Handbook of self-regulation: Research, theory, and applications*. New York, NY: Guilford Press. 2016.
 21. Xu M., Briñol P., Grettton J.D., Tormala Z.L., Rucker D.D., Petty, R.E. Individual Differences in Attitude Consistency Over Time: The Personal Attitude Stability Scale // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2020. №46(10). P. 1507-1519.

ADAPTATION OF THE «PERSONAL ATTITUDE STABILITY SCALE, PASS» AND ITS APPLICATION IN THE PILOT STUDY OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE STABILITY OF THE SYSTEM OF ATTITUDES AND SELF-REGULATION

© Aleksandr V. Vanin

PhD (Psychology), Researcher, Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia
vaninav@ipran.ru

The study was done with a support of the state assignment of the Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences (Theme № 0138-2021-0009)

The article presents the results of the adaptation of the «Personal Attitude Stability Scale, PASS» designed to measure individual characteristics in people's perception of the stability of their psychological attitudes, predicting the actual stability of their attitudes to various objects over time. The relevance of studying the relationship between self-regulation and attitudes of the individual is substantiated. Using an adapted questionnaire, a pilot study of the relationship between the stability of the attitudes system and self-regulation of behavior is carried out. The sample included 258 students of the I-IV courses of the university. The results of an empirical study indicate a rather nonlinear nature of the relationship between the two psychological constructs. Based on the analysis of the results of the study, the directions of further scientific search are briefly discussed.

Keywords: questionnaire, adaptation, standardization, attitudes, self-regulation, individual psychological characteristics, personal values

REFERENCE

1. Vanin A.V., Morosanova V.I. (2013). Samoregulyaciya vremennoj perspektivy starsheklassnikami s razlichnymi lichnostnymi dispozitsiyami [*Self-regulation of the time perspective by high school students with various personal dispositions*] // Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Chelovek, sub"ekt, lichnost' v sovremennoj psihologii», posvyashchennoj 80-letiyu A.V. Brushlinskogo. [*Materials of the International scientific conference "Man, subject, personality in modern psychology" dedicated to the 80th anniversary of A.V. Brushlinsky*] T. 1. P. 495-498.
2. Morosanova V.I. (2017). Osoznannaya samoregulyaciya cheloveka kak metaresurs dostizheniya uchebnyh i professional'nyh celej [*Conscious self-regulation of a person as a meta-resource for achieving educational and professional goals*] // Materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Lichnost', intellekt, metakognicii: issledovatel'skie podhody i obrazovatel'nye praktiki», Kaluga, 20-22 aprelya 2017 goda. Kaluzhskij gosudarstvennyj universitet im. K.E. Ciolkovskogo [*Materials of the II International Scientific and practical Conference "Personality, intelligence, metacognitions: research approaches and educational practices", Kaluga, April 20-22, 2017*]. AKF "Politop", P. 104-114.
3. Morosanova V.I., Kondratyuk, N.G. (2020). Oprosnik V.I. Morosanovoj «Stil' samoregulyacii povedeniya – SSPM 2020» [*Questionnaire of V.I. Morosanov "Style of self-regulation of behavior – SSPM 2020"*] // Voprosy psihologii [*Questions of psychology*]. № 4. P. 155-167.

4. Morosanova V.I., Cyganov I.YU., Vanin A.V., Filippova E.V. (2015). Osoznannaya samoregulyaciya i otnoshenie k ucheniyu: ih vzaimosvyaz' i vklad v uspehnost' obucheniya [*Conscious self-regulation and attitude to learning: their interrelation and contribution to the success of learning*] // Voprosy psihologii [*Questions of psychology*]. № 5. P. 32-45.
5. Ajzen I. (1991). The theory of planned behavior // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. №50(2). P. 179-211.
6. Ajzen I., Fishbein M., Lohmann S., Albarracín D. (2018). The Influence of Attitudes on Behavior, from: *The Handbook of Attitudes*. Volume 1. Basic Principles. Routledge. <https://www.routledgehandbooks.com/doi/10.4324/9781315178103-5>.
7. Albarracín D., Mitchell A.L. (2004). The Role of Defensive Confidence in Preference for Proattitudinal Information: How Believing That One Is Strong Can Sometimes Be a Defensive Weakness // *Personality and Social Psychology Bulletin*. №30. P. 1565-1584.
8. Bagozzi R.P. (1992). The self-regulation of attitudes, intentions, and behavior // *Social Psychology Quarterly*. № 55(2). P. 178-204.
9. Corlett R., Marrouch N. (2018). Social Cognitive Neuroscience of Attitudes and Beliefs // *The Handbook of Attitudes*. V. 1. Basic Principles. Routledge. <https://www.routledgehandbooks.com/doi/10.4324/9781315178103-12>.
10. Hoffmann W., Vohs K.D. (2016). Desire and self-regulation // In K.D. Vohs, R. F. Baumeister (Eds.). *Handbook of self-regulation* (3rd ed., pp. 76-94). New York, NY: Guilford Press.
11. Itzhakov G., Uziel L., Wood W. (2018). When attitudes and habits don't correspond: Self-control depletion increases persuasion but not behavior // *Journal of Experimental Social Psychology*. № 75. P. 1-10.
12. Johnson B.T., Boynton M.H. (2010). Putting attitudes in their place: Behavioral prediction in the face of competing variables // In J. P. Forgas, J. Cooper, W. Crano (Eds.). *The psychology of attitudes: The Sydney symposium of social psychology* (pp. 19-38). Cambridge: Cambridge University Press.
13. Johnson B.T., Landrum A.R., McCloskey K. (2018). Attitudes in the 21st Century, from: *The Handbook of Attitudes*. Volume 1. Basic Principles. Routledge. <https://www.routledgehandbooks.com/doi/10.4324/9781315178103-16>.
14. Kelley W.M., Wagner D.D., Heatherton T.F. (2015). In search of a human self-regulation system // *Annual Review of Neuroscience*. № 38. P. 389-411.
15. Krosnick J.A., Petty R.E. (1995). Attitude strength: An overview // In R.E. Petty, J.A. Krosnick (Eds.). *Attitude strength: Antecedents and consequences* (pp. 1-24). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc.
16. Petrocelli J.V., Clarkson J.J., Tormala Z.L., Hendrix K.S. (2010). Perceiving stability as a means to attitude certainty: The role of implicit theories of attitudes // *Journal of Experimental Social Psychology*. №46. P. 874-883.
17. Petty R.E., Cacioppo J.T. (1986). The Elaboration Likelihood Model of Persuasion // *Advances in Experimental Social Psychology*. V.19. P.123-205.
18. Petty R.E., Wells G.L., Brock T.C. (1976). Distraction Can Enhance or Reduce Yielding to Propaganda: Thought Disruption Versus Effort Justification // *Journal of Personality and Social Psychology*. № 34. P. 874-884.
19. Rhodes R.E., Kaushal N., Quinlan A. (2016). Is physical activity a part of who I am? A review and meta-analysis of identity, schema and physical activity // *Health Psychology Review*. №10(2). P. 204-225.
20. Vohs K.D., Baumeister R.F. (2016). (Eds.). *Handbook of self-regulation: Research, theory, and applications*. New York, NY: Guilford Press.
21. Xu M., Briñol P., Gretton J.D., Tormala Z.L., Rucker D.D., Petty R.E. (2020). Individual Differences in Attitude Consistency Over Time: The Personal Attitude Stability Scale // *Personality and Social Psychology Bulletin*. №46(10). P. 1507-1519.

ПСИХОЛОГИЯ СОЗНАНИЯ

ПСИХОЛОГИЯ В КОНТУРАХ ПРОЦЕССА ПОЗНАНИЯ

Прологомены к учебнику для аспирантов

(Часть 3)

© **Аллахвердов В.М.**

Д.пс.н., профессор, кафедра общей психологии,
факультет психологии СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
vimiall@gmail.com

О предназначении человека

Психологи интерпретируют конкретные поступки человека, ищут осознаваемые и неосознаваемые цели и мотивы этих поступков, но редко говорят о цели и предназначении человека, о смысле человеческой жизни. Показательна позиция З. Фрейда: *«В тот момент, когда человек начинает задумываться о смысле и ценности жизни, можно начинать считать его больным»*. Для большинства ученых попытка рассматривать человеческое поведение как направленное на какую-либо заданную цель чаще всего воспринимается не как научная, а как сугубо религиозная идея, и потому отбрасывается.

Тем не менее, часто встречается точка зрения, что главная цель всего живого, одна-единственная стоящая перед биологическим существом задача – выжить. Эту цель приписывают и человеку как живому существу. В подтверждение описываются механизмы самосохранения индивида и вида. Разумеется, такие врожденные механизмы существуют. И действуют они в норме максимально быстро и эффективно. Но это ничего не доказывает. Ведь выживание может быть лишь необходимым условием для выполнения иной цели, ради которой предназначен жить человек.

Механизмы самосохранения – это автоматы. Одни из них включаются независимо от

поступающей информации. Жизненно важные органы человеческого плода начинают работать еще до рождения, задолго до того, как эта их деятельность становится реально необходимой. Уже в три недели жизни (когда рост плода составляет всего лишь 6 мм) начинает биться сердце, хотя еще нет крови, которую надо перекачивать. Дыхательные движения начинаются тогда, когда еще нет воздуха, которым можно дышать, и т.д.

Другие механизмы самосохранения могут включаться по определенному заранее известному сигналу. Эти сигналы надо уметь опознавать, т.е. осуществлять простейшие познавательные операции, которые делаются автоматически. Однодневные цыплята клюют несъедобные шарики, похожие на зерна, вдесятеро чаще, чем насыпанные рядом пирамидки того же размера. У младенцев, которым нет еще и двух минут жизни, регистрируется поворот головы в стороны неожиданного звука. Автоматизм подчеркивается тем, что в первые шесть месяцев это делают даже слепорожденные дети, потом у них эта реакция пропадает.

Ряд механизмов самосохранения требует еще более тонкой работы с поступающей информацией. Они направлены на сохранение организмом постоянства своего внутреннего состояния (гомеостаз): температуры, воды, глюкозы и т.п. Если, например, температура тела

резко повышается, включается механизм потоотделения (испарение охлаждает тело). Когда же температура приходит в норму, потоотделение прекращается. Чтобы включать и выключать потоотделение, организму нужно постоянно следить за температурой тела. Все это делается неосознанно. Для описания гомеостаза используется понятие *обратной связи*, сообщающей информацию о расхождении между требуемым значением регулируемого параметра (например, нормальной температурой) и фактическим значением этого параметра. Процесс гомеостаза настолько сложен и изыщен, что У. Кеннон назвал его *мудростью тела*. А Клод Бернар, создавший концепцию гомеостаза, утверждал: *«Постоянство внутренней среды – залог свободной и независимой жизни»*.

И все же механизмы самосохранения – всего лишь автоматы, обеспечивающие само существование организма. Но разве человек – автомат? Неужели он живет только для того, чтобы жить? А.А. Любищев называет такой подход *подлинным опиумом для ученых, притупляющим остроту нерешенных проблем и дающим им мнимое решение... Это теоретический свинарник, считающий, что все в природе движется чистым свинством, борьбой за существование и размножение*.

Наука в своем подъеме и даже человечество в своем марше топчутся на месте, потому что люди не решаются признать определенного направления оси эволюции. Обессиленные этим фундаментальным сомнением, научные исследования распыляются, а у людей не хватает решимости взяться за устройство Земли (Пьер Тейяр де Шарден).

Взгляд на выживание как на цель любого биологического существа сталкивается с серьезными трудностями. Как понимать слово «выжить»? Все живое смертно. Как задать критерий, позволяющий оценить степень приближения того или иного организма к заданной цели? По продолжительности жизни? Некоторые деревья живут до полутора тысяч лет. Можно ли считать, что Эварист Галуа, погибший в 20 лет, но входивший в десятку лучших математиков мира, выживал хуже деревьев? 37 лет часто

объявляют роковым возрастом гениев (в 35-39 лет не стало Рафаэля, Караваджо, Моцарта, Байрона, Пушкина, Мендельсона-Бартольди, Шопена, Абовяна, Бизе, Тулуз-Лотрека, Гашека, Маяковского и многих др.). Гении искусства выживают хуже кавказских долгожителей?

Ч. Дарвин рекомендовал производить оценку *«по успеху в оставлении потомства»*. По общему объему биомассы на земном шаре (это ли не успех в оставлении потомства) среди других видов выигрывают глубоководные бактерии, а из наземных – муравьи. Неужели муравьи – лучшие выживальщики на свете? И разве можно всерьез утверждать, что Бах, у которого родились 20 детей (из них в живых осталось десять), выживал лучше, чем Бетховен, у которого детей не было? Вряд ли такой критерий может хоть чем-нибудь быть полезен психологам.

А если трактовать степень выживания по вкладу, который данный генотип вносит в генофонд последующих поколений, то прогресс эволюции выглядит вообще странно. Жизненный процесс представляется так, как если бы гены стремились воспроизвести сами себя. Иначе говоря, не организм стремится к выживанию – он всегда гибнет. Выжить стремятся гены. Чайка, увидев ястреба, издает предупреждающий стаю крик, но тем самым привлекает внимание ястреба, что может окончиться лично для нее весьма плачевно. Но, как объясняют, жертвуя собой, она спасает своих братьев и сестер, тем самым, сохраняя гены своего вида.

Знаменитый афоризм С. Батлера: *«курица – это лишь способ, которым яйцо воспроизводит другое яйцо»*, отныне модернизирован. *Организм – это лишь способ, которым ДНК производит новые количества ДНК* (Эдвард Уилсон).

Однако эволюция – это не только сохранение, но и изменение. А если гены стремятся сохранить сами себя в последующих поколениях, то эта цель противостоит процессу эволюции. Предполагается, что изменения все-таки случайно происходят, лучшие из них закрепляются и в результате последующих случайных изменений совершенствуются. Такое объяснение требует дополнительных допущений. Говоря о

научении, мы уже отмечали логическую трудность подобного объяснения. Закрепление и совершенствование – противоположно направленные процессы. Представьте, что некое существо в результате случайной мутации овладело игрой в шашки. Разве изменится от этого вероятность того, что в результате следующей случайной мутации оно сможет играть в шахматы?

Естественный отбор объясняет только, почему вымирали неприспособленные особи, но ничего не говорит о том, как вообще появились любые живые существа – будь то приспособленные или неприспособленные. Такое решение проблемы напоминает следующий метод поминки льва: поймать двух львов и одного выпустить (Майкл Полани).

Область эволюции посредством «выживания наиболее приспособленных» оказалась одной из счастливых сторон теории развития, доступных моделированию без привлечения вопроса «для чего». Может быть, именно поэтому она поддалась в руках гениального Дарвина убедительной теоретизации уже сто лет назад. В дальнейшем последователи Дарвина совершали ошибку, когда они пытались эту эволюцию через автоматику трактовать как единственный механизм эволюции. А он не был ни единственным, ни даже важнейшим (Николай Бернштейн).

Биологи даже не стараются формулировать критерий выживаемости. Они решают вопрос просто: выживают те виды, которые выжили. Крокодилы и слоны выжили, а динозавры и мамонты – нет. Такое представление, может, и полезно биологам, но психологам ничего не дает. Изучать выживание у конкретного человека экспериментально весьма затруднительно и этически вряд ли допустимо. Но главное: нельзя решить, какое конкретное действие способствует выживанию хоть человека, хоть человечества, а какое – нет. Что лучше для выживания индивида или вида – поднять правую или левую руку? Быть фараоном или филателистом? Пойти на костер ради своих убеждений или от них отречься и дожить до старости? Засолить капусту или создать динамит? Спокойно

сидеть на берегу реки или бросать камни в воду? Нет ответа.

Если удастся сформулировать цель, к которой необходимо стремиться человек, то у психологов появится возможность искать объяснение обнаруженным психологическим закономерностям как направленное на достижение этой цели. Однако многие психологи утверждают, что общей цели у всех людей нет, цели и смыслы уникальны для каждого человека. Постановку вопроса о смысле жизни вообще В. Франкл сравнивает с нелепым вопросом, поставленным перед чемпионом по шахматам: «Скажите, маэстро, каков самый хороший ход?» Человек сам должен сознательно определить цель своего бытия, осознать свое предназначение в жизни и изо всех сил стремиться выполнить это предназначение.

Жизнь не имеет никакого, ни мудрого, ни глупого, ни абсурдного, ни трагического, ни какого другого заранее заданного смысла. Этот ответ представляется не только более честным, но и более обнадеживающим, чем какой бы то ни было другой. Он предполагает возможность не столько находить смысл, сколько искать его, не столько открывать его, как нечто уже существующее, но еще не найденное, сколько создавать, творить и сообщать жизни (Николай Трубецкой).

Действительно, человек может сам ставить и ставит самые разные цели, может создавать самые разные смыслы своего бытия.

Не существует никакого постоянного соотношения между затрачиваемой энергией и важностью цели: сплошь и рядом на совершенно пустые цели тратится огромная энергия, и наоборот (Иван Павлов).

Но даже если человек сознательно выбрал для себя некую уникальную цель или сознательно отказался принять какую-то цель, тем не менее, не исключено, что его поведение может описываться как направленное на достижение неосознаваемой им цели. Такая цель называется телеономической (в отличие от телеологической, порожденной сознательными намерениями). Физические тела, например, удобно описывать так, будто они стремятся к

минимуму потенциала в гравитационном поле, хотя сами они, разумеется, никакой сознательной цели не преследуют. Гомеостаз описывают как направленность организма на поддержание своего внутреннего состояния. Это – телеономическая цель, ведь сам организм при этом действует неосознанно. Даже если мы осознаем эту цель – все равно она останется телеономической. Даже если мы сознательно будем нарушать внутреннее равновесие, отменить эту цель мы не можем.

Сознание – самый ценный дар, данный человеку. Никто бы не согласился жить вечно, если бы вся эта его вечная жизнь протекала бы в бессознательном состоянии. Все самое важное, что в жизни делает человек, он делает с помощью сознания. Поскольку мы считаем, что сознание – всего лишь инструмент познания, то главное, что делает человек, – он познает. Все пророки человечества направляли людей по пути самопознания и самосовершенствования. Следование их призыву подчеркивает ответственность человека за совершаемые им поступки и свободу в выборе своей судьбы. Но этот путь невозможен без познавательной деятельности. Человек уже на физиологическом уровне предназначен познавать, хочет он того или нет. Он, иначе говоря, телеономически предназначен для познания. (Напомню уже цитированную фразу М. Даймонд: *нервные клетки созданы для стимуляции*).

Желание многое знать и через это постигнуть истинную сущность всех вещей заложено в нас от природы (Альбрехт Дюрер).

Если предположить наличие такой телеономической цели у всех людей, наделенных сознанием, то она определяет и цели, стоящие перед всем человечеством. Разумеется, строго доказать наличие такой цели нельзя, но если мы правильно догадались, то у нас появляется удобный способ описания и объяснения человеческой деятельности.

Познание как самоцель

Ученые изучают функции различных мозговых структур, но редко ставят вопрос о функции мозга в целом. А если и ставят, то чаще

всего подчеркивают как раз направленность мозга на познание.

Успехи современной нейрофизиологии делают несомненным, что деятельность мозга должна рассматриваться как отражательная, познавательная по своей сущности (Наталья Чуприкова).

Взгляд на человека, как на систему, перерабатывающую информацию, полезен как в экспериментах, так и в теории (Джордж Миллер).

Удел человека – постоянное совершенствование разума, пока он не станет хозяином природы и самого себя (Эрих Фромм).

Необходимо начать рассматривать мозг как когнитом – нейронную гиперсеть, состоящую из нейронных групп со специфическими когнитивными свойствами. Структура когнитума тождественна структуре разума (Константин Анохин).

Многие ученые признают существование у человека потребности в познании. Называют ее по-разному: познавательная потребность, потребность в информации, потребность в новых впечатлениях и т.д. «Жизнь как процесс познания» – называет главу своей книги Нобелевский лауреат зоолог К. Лоренц. Это же утверждает биолог У. Матурана: «Живые системы – это когнитивные системы, а жизнь как процесс представляет собой процесс познания». Правда, и Лоренц, и Матурана рассматривают познавательную способность человека как возникающую в ходе эволюции и служащую адаптации и сохранению вида.

Однако многими признается, что потребность в познании не удастся объяснить как обслуживающую цель выживания, что она независима от других биологических потребностей. Дж. Келли убежден, что человека надо рассматривать не как биологическое существо, насыщенное биологическими нуждами, а как ученого, предсказывающего ход событий. Ж. Пиаже говорит о ребенке как об исследователе, проводящем эксперименты над миром. Я. Морено рассматривает ребенка как гения, обладающего спонтанностью и творческой активностью, независимых от либидо или другого животного влечения.

Совершенно непонятной остается та черта человеческой организации, в силу которой уже ребенок проявляет какой-то инстинктивный интерес к дробному анализу предметов, не имеющему никакого прямого отношения к ориентации его в пространстве и во времени. Высшие животные должны были бы быть тоже способны к очень детальному анализу, но они почему-то не заходят ни в нем, ни в обобщении впечатлений за пределы потребностей в ориентации. Животное всю жизнь остается самым узким практиком-утилитаристом, а человек уже в детстве начинает быть теоретиком (Иван Сеченов).

Потребность ребенка во внешних впечатлениях, выражая потребность развивающегося мозга, тем не менее не связана прямо с инстинктивно биологическими потребностями приспособления. У ребенка, во всяком случае, она носит характер «бескорыстной» потребности сначала во внешних впечатлениях, а затем в познании действительности и овладении ею (Лидия Божович).

Механизмы самосохранения необходимы как условие, обеспечивающее жизнь и, тем самым, возможность познания, но на физиологическом уровне **механизмы познания и механизмы самосохранения (даже включающие познавательные операции) работают независимо друг от друга.** В.П. Зинченко говорит нечто подобное, различая информационные системы немедленного действия («по существу физиологические уровни регуляции») и отсроченного действия, но он не подчеркивает их независимость. Стоит оговорить, что человек способен с помощью механизмов познания изучать собственные механизмы самосохранения и оказывать на них воздействие.

Известно, что у младенца нескольких дней от роду наблюдается настолько выраженный хватательный рефлекс, что можно даже поднять ребенка, рефлекторно схватившегося за пальцы взрослого. Это работа механизмов самосохранения. Произвольное хватание, согласно А.Р. Лурии, появляется только тогда, когда хватательный рефлекс оказывается заторможенным, т. е. не будет мешать механизмам

познания. Затем ребенку придется еще долго развиваться и учиться, чтобы достигнуть такого же проявления физической силы, каковой он тем не менее вполне владел до этого.

(Вопрос для размышления: Цитата: *В младенчестве можно выделить два возрастных периода, соответствующие двум уровням развития зрительно-слуховой координации. Первый период – от рождения до 20–40 дней. В этом возрасте поворот головы в направлении источника звука осуществляется рефлекторно, он неточен, имеет большой латентный период, угасание реакции отсутствует или выражено слабо, количество правильных «поворотов» зависит от временных характеристик стимула. На 2–3-м месяце жизни дети перестают поворачивать голову в направлении источника звука. Это временное ухудшение звуковой локализации не удается предотвратить с помощью тренировки. Второй период начинается с 4-месячного возраста. Для этого возраста характерно резкое уменьшение латентного периода поворота головы на звук и повышение точности локализации; к 6 месяцам увеличивается время привыкания к стимулу. У слепых детей в возрасте 4–6 месяцев наблюдается полное угасание поворота головы в сторону источника звука (Елена Сергиенко).*

Можно ли рассматривать возникающий регресс в повороте головы на звук (и во многих других случаях регресса в младенчестве) переходом от реакции механизмов самосохранения к включению механизмов познания?)

Не стоит спрашивать: зачем человеку нужно познавать? На этот вопрос не может быть окончательного ответа. Потому что любой ответ порождает новый вопрос: а зачем? Авиценна так объяснял, зачем нужно познавать: познавший Истину достигнет вечного блаженства. Для Фомы Аквинского познать Истину – это узреть Бога на небесах. Но ведь все равно можно спросить: а зачем нужно вечное блаженство, зачем нужно узреть Бога на небесах? Б. Спиноза приписывает познавательную потребность природе, которая через человека познает себя. Эту же мысль уже в XXI веке выражает М. Велманс: «Мы участвуем в рефлексивном процессе,

посредством которого Вселенная исследует самое себя». Нечто подобное утверждали мистики Востока и Запада: Бог, мол, для того создал мир, чтобы посмотреть на себя глазами человека, чтобы через собственное Творение познать себя как его причину. Однако снова допустим вопрос: зачем это понадобилось Богу или природе? Человек познает с такой же необходимостью, с какой физические тела притягиваются друг к другу. Нас же не волнует вопрос, зачем тела это делают.

Вне всякого сомнения, человек сотворен для того, чтобы думать... Все достоинство человека – в его способности мыслить. Ну, а сами эти мысли, – что о них можно сказать? До чего же они глупы! (Блез Паскаль).

Ряд исследователей, опираясь на культурную традицию, видят целеполагание и сущность человека в отношении к другому человеку и к самому себе как самооценности.

Отношение к другому человеку, к людям составляет основную ткань человеческой жизни, ее сердцевину. «Сердце» человека все соткано из его отношений к другим людям (Сергей Рубинштейн).

Постижение своей сущности возможно только через особое отношение к другому, в котором этот другой предстанет во всей самоочевидной значимости и целостности, не как вещь среди вещей, а как ценность сама по себе, воплощающая в своей неповторимой форме все достоинства и красоту человеческого рода (Борис Братусь).

Но как в результате эволюции такие ценности могли появиться, как могли возникнуть социальные взаимодействия и особые отношения к другим людям? Попытки объяснить возникновение социального из представления о выживании как о цели организма не были слишком успешными. Рассмотрим несколько версий.

Первая такова: чем выше на эволюционной лестнице находится животное, тем в более жесткие условия борьбы за существование оно попадает, а поэтому, чтобы выжить, оно должно использовать все более совершенные средства приспособления, включая уже и такие специфические средства, как социальные.

Иначе говоря, возникает необходимая для выживания функция, она порождает новые средства приспособления, включая даже необходимые изменения в нервной системе, чтобы обеспечить выполнение этой функции.

Мне кажется, что еще могут оставаться те, кто верит, что наши предки становились все умнее и умнее, пока в один прекрасный день не взяли, да и не изобрели язык, вытащив его прямо из своей умненькой головки... У нас не было большего и лучшего мозга, который дал нам язык; наоборот, мы приобрели язык, и он позволил нам увеличить и улучшить свой мозг (Дерек Бикертон).

Мы уже упоминали о возможном влиянии сознательного опыта на мозг (вспомните лондонских таксистов). Вообще говоря, это не так уж удивительно. Человек может поставить задачу стать сильнее и тренироваться, развивая свою мускулатуру. Наверное, он также может поставить задачу развивать какие-то свои умения, что может привести к изменениям в мозге. И все же сама логика этой версии странная. Животные могли выжить в новых сложных условиях потому, например, что уже имели новые средства выживания (так появляются, например, концепции Н. Хомского, Д. Бикертон и мн. др. о врожденной грамматической способности). Но тогда, собственно, никакого объяснения возникновения социального нет, ибо никто не знает, с чего вдруг в генах зародилась эта способность. Другой вариант – они заранее знали, что им надо развивать социальные отношения, и стали эти отношения старательно развивать. Но откуда это знание к ним пришло? Да и зачем вообще животное продвигается по эволюционной лестнице, если оно попадает там в более жесткие условия борьбы за существование и ему там труднее выжить?

Эту версию, тем не менее, развивает А.Н. Леонтьев, опираясь на формулу Ф. Энгельса, что труд превратил обезьяну в человека. Прямохождение, по Энгельсу, освободило руки, и это позволило обезьянам начать трудовую деятельность. Заметим, что сам переход к прямохождению трудно объяснить стремлением к выживанию – животное должно долго учиться

ходить, ему становится труднее убегать от хищников, лазить по деревьям за плодами и т.д. Этот переход воспринимается как *«поразительная картина эволюции, когда животное теряет свои приспособительные черты»* (Н.П. Дубинин).

А.Н. Леонтьев все-таки убежден: *Причиной, которая лежит в основе очеловечения животноподобных предков человека, является возникновение труда и образование на его основе человеческого общества... Возникновение и развитие труда, этого первого и основного условия существования человека, привело к изменению и очеловечению его мозга, органов его внешней деятельности и органов чувств... Характерная черта процесса труда заключается в том, что он совершается в условиях совместной, коллективной деятельности, так что человек вступает в этом процессе не только в определенные отношения к природе, но и к другим людям – членам данного общества. Только через отношения к другим людям человек относится и к самой природе.*

Труд, – по А.Н. Леонтьеву, – основное условие существования человека. Предполагается, тем самым: если люди не будут трудиться, они не выживут. Энгельс, кстати, и сам подчеркивал, что труд нужен для производства средств к жизни. Если же труд рассматривается просто как наблюдаемое явление, которое отличает человека от животных, тогда возникновение труда само требует объяснения. Действительно, другие обезьяны не начали трудиться и вроде бы живут припеваючи.

Почему, почему, почему, вопиет наука, человек научился мыслить, или изготавливать орудия, или трудиться? (Борис Поршневу).

Итак, предполагается: для того, чтобы выжить, обезьяна начала трудиться, создавать орудия труда, овладела членораздельной речью. Чтобы выполнить эти функции, пришлось каким-то удивительным образом изменить в соответствии с этими функциями мозг, органы чувств и т.д. Однако для того, чтобы начать что-нибудь делать, надо уже знать, что именно надо делать, и уметь начать это делать. Обезьяны могли начать трудиться и разговаривать, только

уже умея начинать это делать. Откуда у них появилось это умение?

Впрочем, подобные вопросы всегда приводят к парадоксам. Ведь чтобы что-нибудь началось, оно уже должно уметь начаться.

Понимание чего-либо предшествует пониманию того, что это понимается (Фома Аквинский).

Чтобы воспринимать мир, необходимо уже иметь идеи о нем. Знание о мире объясняется из предположения, что такое знание уже имеется. Безразлично, приобретаются эти идеи или они врождены: порочно само круговое рассуждение (Джеймс Гибсон).

Как у нас появился язык – вот вопрос, который логически предшествует всем другим научным вопросам, потому что без языка не было бы вообще никаких научных вопросов. Как мы можем знать, насколько ценны наши ответы на эти вопросы, если мы даже не знаем, как у нас так получилось, что мы можем их задавать? (Дерек Бикертон).

Рассуждая об основаниях чего бы то ни было, философ не становится ни физиком, ни биологом, ни священником или верующим постольку поскольку говорит об основаниях этих областей знания и духовной деятельности именно как философ. Но тогда, чтобы так же рассуждать о философии, философ должен перестать быть философом!.. Он должен стать демиургом философии и наблюдать её возникновение. Но тогда он – не философ, ведь философии только предстоит стать, её ещё нет (Андрей Смирнов).

Необходимо все время помнить о различии между изучаемой логикой и логикой как средством такого изучения. Тому, кто не готов к этому, стоит сразу же закрыть книгу и подыскать себе другое занятие по вкусу (скажем, составление шарад или пчеловодство) (Стивен Клини).

Вопрос для размышления: опровергает ли следующий текст трудовую концепцию происхождения человека, развиваемую не только в марксизме – ср. у Т. Карлейля: *«человек – это животное, пользующееся орудиями труда»?*

Пятилетние дети, умеющие говорить, читать и производить умозаключения, проявляют не так уж много способностей к использованию орудий труда и еще меньше — к их изготовлению: следовательно, если бы в счет шло одно лишь изготовление инструментов, таких детей еще невозможно было бы идентифицировать как людей (Льюис Мамфорд).

Логика второй версии не менее странная. Предполагается, что по прихоти эволюции возникает организм с более усложненным головным мозгом. Само это усложнение случайно, никакого биологического смысла оно не имеет, более того, обычно признают, что в онтогенезе оно даже вредно. Однако более сложный орган обеспечивает возможность осуществления и более сложных функций. Возникновение такого органа порождает специфическую потребность в функционировании этого органа (всей коры или какой-либо ее области, чаще лобной коры). Именно эта потребность и является базой для развития всех социальных потребностей.

Кора головного мозга ребенка уже с момента рождения представляет собой орган такой степени сложности, при которой он для своего развития нуждается в специальной организации раздражителей со стороны взрослого человека и в постоянном их усложнении. Если же раздражений не хватит, у ребенка возникает общая апатия, застой в развитии, а иногда даже смерть (Лидия Божович).

Аналогично рассуждает В.Г. Асеев. Никакому живущему организму, подчеркивает он, «повышение психических возможностей» не только не нужно, оно неминуемо ведет к гибели. Однако биологическая эволюция мозга все более и более усложняет этот орган, порождая все новые и новые функциональные возможности. Эти возможности необходимо использовать, иначе животное просто погибнет. Новый орган как бы сам в себе содержит потребность в функционировании. Поэтому и психическая деятельность такого органа «сама составляет содержание специфической потребности».

В этой версии есть одно очевидное слабое звено. Само усложнение головного мозга, приносящее лишь вред организму, не имеет никакого оправдания с позиции стремления организма к выживанию. Это сразу отмечают оппоненты. Поскольку усложнение головного мозга вредно, утверждают они, то беспомощные человеческие существа с огромным головным мозгом должны были бы погибнуть задолго до возникновения социальных отношений.

Целая цепь ученых от Уоллеса до Валлона доказывала и доказала, что человеческое мышление не является линейно нарастающим от животных предков полезным свойством; напротив, оно и в антропогенезе, и в онтогенезе у ребенка сначала вредно для каждого индивидуального организма, делает его беспомощнее по сравнению с животным... Но как же, если исключить всякую мистику, объяснить это „неполезное“ свойство? Ведь естественный отбор не сохраняет вредных признаков (Борис Поршнев).

Сам Б.Ф. Поршнев предлагает своеобразную версию снятия этого противоречия. Если нельзя объяснить возникновение социального естественным отбором, то — придумывает он решение — его следует объяснить отбором искусственным. Но кто же и зачем мог искусственно отбирать особей с большими мозгами? Так у Поршнева появляются палеоантропы, умертвляющие и поедающие часть наиболее беспомощных представителей своего вида, причем самым главным деликатесом для палеоантропов были именно мозги. Беспомощность большеголовых была на руку палеоллюдоедам. Поскольку усложнение головного мозга обеспечивало нужную беспомощность тех, кто станет людьми, оно и стало основным объектом искусственного отбора. Краткий пересказ не может в полной мере отразить присущие Поршневу широту эрудиции, остроумие и нешаблонность мысли. Но все же такое объяснение столь экзотично, что его трудно принять всерьез. Тем более, что нет никакой возможности его проверить.

Делаются попытки трактовать социальное поведение как генетически заданное. однако не

выводимое из борьбы за существование. Главным фактором эволюции объявляется не стремление к выживанию, а другие потребности – например взаимопомощь.

Я видел среди полудикого скота и лошадей в Забайкалье, среди диких жвачных повсюду, белок и т.д., что когда животным приходится бороться против суровой Природы, с недостатком пищи, то вся та часть вида, которая пострадала от бедствия, выходит из этого испытания настолько ослабленной в силе и здоровье, что никакая прогрессивная эволюция вида не может основываться на таких периодах острой конкуренции... Ни любовь, ни личное сочувствие не побуждают многие тысячи ланей, разбросанных по территории, равной Франции, объединяться в десятки отдельных стад, направляющихся к определенному месту, чтобы пересечь там реку. Это чувство бесконечно шире, чем любовь или личная симпатия, – инстинкт, который медленно развился у животных и людей в ходе чрезвычайно долгой эволюции и научил животных и людей одинаково той силе, которую они могут заимствовать из практики взаимопомощи и поддержки, а также радости, которые они могут найти в общественной жизни (Петр Кропоткин).

Кропоткин приводит многочисленные убедительные примеры взаимопомощи у животных и людей. Но в такой трактовке исчезает специфика социального. (Заметим, впрочем, что П. Кропоткин и не претендовал на решение проблемы возникновения социального). Слова о «зачатках социального», о которых иногда говорят, ничего не решают. Ведь остается загадочным, как из этих зачатков рождаются подлинно социальные процессы.

Вполне можно предположить, что эти зачатки – просто следствие работы механизмов сохранения вида, являющиеся частью механизмов самосохранения, к социальным процессам не имеющим отношения. Все животные отличают представителей своего вида от других животных. Оpozнание «свой – чужой» встречается практически у всех живых существ. Даже у некоторых бактерий зафиксировано «чувство кворума» – по достижению определенной

величины численности «своей» колонии они меняют свое поведение, например, у некоторых морских бактерий возникает свечение. Уже древнейшие из известных на Земле организмов – цианобактерии – оказываются способными как-то коммуницировать друг с другом. Это можно считать зачатками социального?

В жизни животных особую роль играют родители – они обычно обеспечивают безопасность только что родившихся детенышей и снабжают их пищей. Но как задать конкретный образ родителя? Ведь внешность взрослых особей сильно варьируется, к тому же, меняется со временем, зависит при восприятии от освещения и т.д. Поэтому для опознания только что родившемуся существу задается лишь правило, позволяющее определить родителя, а далее он уже все остальное достраивает из наличного опыта. Так, гусята принимают за свою мать первый увиденный ими движущийся объект, а далее автоматически (без всякого сознания!) строят образ этого объекта, который впечатывается (это называется *импринтинг*) в память гусят, дабы они в последующем вели себя с этим объектом как с матерью. Утята более разборчивы – у них более сложная врожденная схема определения родителя: родитель должен не только двигаться, но и иметь определенный размер и издавать определенные звуки. Самец колюшки, построивший свое гнездо и ухаживающий за самками, автоматически атакует чужих самцов, попавших на его территорию. Но как он узнает, кого надо атаковать? Оказывается, самец атакует любой предмет продолговатой формы с красным пятном внизу. Дело в том, что у самцов колюшки, достигших половой зрелости, автоматически появляется ярко-красное пятно внизу живота.

Врожденный инстинкт у птиц и млекопитающих – забота о потомстве. Животные должны сразу после рождения отличать своих детенышей от других мелких животных. Цихлидовые рыбы поедают рыб близких видов величиной с собственных мальков, но распознают собственное потомство. У молодой пары, выводивший свой первый приплод, подменили икру, подложив им икру другого вида. Приемные родители

благополучно вырастили чужих мальков, но, встречаясь с собственными мальками, их пожирали. Индюшки отличают только что родившихся индюшат по их пisku. Эти реакции генетически заданы. Глухие индюшки, как и индюшки, на которых надеты наушники, не пропускающие звук, не узнают своих детенышей и просто их склёвывают. Разве все это похоже на проявление социального?

К. фон Фриш получил Нобелевскую премию, доказав, что пчёлы своим танцем показывают другим пчёлам направление на еду, а количество виляний в процессе танца характеризует расстояние до еды (а ведь, как замечает Фриш, мозг пчелы имеет размер не более размера семени злака). Ж.И. Резникова экспериментально показала, что муравьи-разведчики могут каким-то образом сообщать рабочим муравьям, что из лежащих у муравейника ветвей на конкретной по счету ветви (например, на сороковой) есть вкусная еда. Л.В. Крушинский на основании своих исследований утверждал, что ворон другого ворона называет отдельным именем. Животные способны менять свои социальные роли. Ссылаются даже на Тита Ливия, заметившего, как одна из куриц после смерти петуха – лидера куриного сообщества – начинает вести себя как петух: кукарекать по утрам, гонять других кур и т.д.

Все же опасно эти поразительные способности связывать с понятием социального. Животные так действуют, потому что чаще всего не могут действовать иначе. Когда кошка, посматривая на хозяйку, мяукает у закрытой двери, явно прося эту дверь открыть, то это только означает, что кошка научилась сообщать о подобной просьбе мяуканьем. Но можно ли считать ее поведение социальным? Она взаимодействует со своей хозяйкой как робот, сообщающий в управляющий пункт миганием аварийной кнопки о возникшем препятствии. Разве у робота появились зачатки социального?

Голосовое поведение цыпленка и курицы внешне напоминает речевое общение. Однако на самом деле этот процесс имеет совершенно другую природу. Крик цыпленка [зовущего курицу-наседку на помощь] является

врожденной, инстинктивной (безусловнорефлекторной) реакцией (Алексей Леонтьев).

Даже сообщества животных с упорядоченной структурой взаимоотношений между отдельными особями (пчелиный рой, стая гиеновых собак, прайд львов и т.п.) нельзя сопоставлять с обществом людей, связанных социальными отношениями.

Исследования позволяют лишь раз убедиться в том, что, несмотря на всю сложность внутренних отношений в обезьяньем стаде, они все же ограничены непосредственно биологическими отношениями (Алексей Леонтьев).

Язык не мог развиваться, как считает большинство биологов, из каких-либо средств коммуникации, неких систем коммуникации животных – ближайших предков (Дерек Бикертон).

Врожденные механизмы самосохранения вида, как все механизмы самосохранения, независимы от механизмов познания, они независимы и от подлинных социальных процессов. У человеческого младенца 2–3 недель жизни (Э. Мельцофф утверждает, что даже у младенцев 42 минут от роду) наблюдаются имитационные рефлексы, важные для социального взаимодействия. Отец младенца демонстрирует своему ребенку открывание рта или высовывание языка, затем делает нейтральное лицо и вытаскивает соску изо рта младенца. Младенцы в ответ автоматически имитируют эти жесты, например, высовывая свой язык в ответ на высунутый отцом язык. А ведь обычно считается, что в таком возрасте у них еще не сформирована предметность восприятия, т. е. они еще не могут осознанно опознать высунутый язык. Готов предположить, что это делают механизмы самосохранения вида.

(Вопрос для размышления: можно ли узнать, что именно новорожденные младенцы осознают и осознают ли они вообще хоть что-нибудь?).

Афористично высказался Б.Ф. Поршнев: «Социальное нельзя свести к биологическому. Социальное не из чего вывести как из биологического». Откуда, скажем, берется у ребенка

потребность в общении? Рассуждает Л.И. Божович: если эта потребность не дана ребенку с самого начала, то тогда надо указать, на основе каких первичных потребностей она возникла; если же она врождена, то она является еще биологической, а не социальной потребностью, а потому еще необходимо указать, «как же эта врожденная потребность превращается в социальную». И пытается вывести социальную потребность из потребности в новых впечатлениях, т.е. из независимой от механизмов самосохранения потребности в познании.

Если познание является целью, то именно эта цель должна порождать социальное и придавать смысл человеческой жизни. Какие бы цели ни строились осознанно человеком, они должны способствовать познанию – только тогда эти цели будут способствовать осознанию себя как самоценности. Социальное, с нашей точки зрения, возникает и развивается с неизбежностью как необходимое условие успешной познавательной деятельности. Как конкретно это происходит, мы рассмотрим позднее.

Психологи утверждают: человек стремится к *самоактуализации* (А. Маслоу) или *самореализации* (К. Роджерс) внутренних побуждений человеческого организма.

Под стремлением человека реализовать себя я имею в виду направляющее начало, проявляющееся во всех формах органической и человеческой жизни, – стремление к развитию, расширению, зрелости, тенденцию к выражению и проявлению всех способностей организма и «Я». Это стремление может быть глубоко скрыто под несколькими слоями ржавых психологических защит; оно может быть спрятано за не признаваемым человеком искусным фасадом. Я, однако, убежден, основываясь на своем опыте, что это стремление есть в каждом индивиде и ожидает только подходящих условий для освобождения и проявления. Именно оно является главной мотивацией творчества (Карл Роджерс).

Но вначале человек должен познать самого себя. Э. Фромм пишет, что человек «*мог бы свободно действовать по своей воле, если бы знал, чего он хочет, что думает и чувствует*». Но в

том-то и дело, замечает Фромм, что сам человек этого не знает, и поэтому приспосабливается к существующей социальной действительности, приобретая Я, весьма далекое от самого себя.

Человек познает, потому что предназначен познавать, познает независимо от того, способны ли получаемые им знания выживанию или нет. Социальное необходимо возникает в процессе познания. Чтобы познавать, человек должен жить, но живет он для того, чтобы познавать, какие бы цели он осознанно ни ставил перед собой. И ведь не случайно решение любых познавательных задач (выделение сигнала на фоне шума, распознавание речи, управление сложными системами и т.п.) описывается в математических моделях независимо от биологической пользы найденного решения.

Познание как цель человеческой деятельности вряд ли может быть противопоставлено гуманистическим идеалам. Эта цель внутренне близка идее самосовершенствования и гораздо более созвучна ценностям культуры, чем эгоистическое стремление организма к выживанию или даже более альтруистическое стремление к выживанию собственных генов.

Об алгоритмах познания

Итак, для того чтобы нечто осознать, надо уметь осознать, еще до того, как мы что-нибудь осознали, и, в частности, не осозная, как мы это умеем. Но и для того, чтобы нечто узнать, также надо уметь познавать до того, как получен первый результат познания. Умение познавать, т.е. способы или алгоритмы познания, предшествуют процессу познания, иначе этот процесс просто не сможет начаться.

Никакое развитие невозможно иначе как исходя из некоторых познавательных структур, которые обогащаются и дифференцируются в ходе этого развития (Жан Пиаже).

Мозг заключает в себе не те или иные специфически человеческие способности, а лишь способность к формированию этих способностей (Алексей Леонтьев).

Познание направлено на то, чтобы находить упорядоченность, регулярности и закономерности в окружающем мире. Поэтому любой

алгоритм познания должен опираться на исходную позицию: мир не является неупорядоченным хаосом.

Тем не менее, каждое явление в мире уникально и неповторимо. Гераклит прав: все течет, все меняется, в одну и ту же реку нельзя войти дважды. Ни один стимул не может быть абсолютно тождественен другому стимулу. На одно движение не может точно повторять другое движение. Любое совпадение есть совпадение лишь с какой-то точностью. Как определить: два стимула одинаковы или лишь *почти* одинаковы? Для того, чтобы искать регулярность в мире, а не описывать каждое явление как уникальное, надо уметь рассматривать какие-то разные явления как одинаковые. Процессы *отождествления нетождественного* признаются протопознавательными процессами, лежащими в основании любого познания. Иначе говоря, алгоритм познания должен уметь отождествлять разное.

Если воспринятый образ есть нечто непосредственно присущее природе вещей, пришлось бы довольствоваться бессвязным набором записей всего, что мы воспринимаем. К чему вели бы тогда все исследования о связи вещей, если бы их истинным качеством была бы присущая им в опыте совершенная изолированность? (Рудольф Штейнер).

Отождествление разных представлений необходимо и в логике, и в математике, и вообще в любом языке. Если некое представление *A* невозможно приравнять к какому-нибудь другому представлению, то представлению *A* нельзя было бы дать никакого определения. Если бы разные представления не отождествлялись друг с другом, логика была бы парализована, невозможны были бы никакие вычисления.

Отождествленные разные представления, однако, не перестают от этого быть разными представлениями. Пусть *A* отождествляется с *B*, но *A* одновременно отличается от *B*, потому что оно *A*, а не *B*. Поэтому, хотя *A* и *B* тождественны, т.е. неразличимы, тем не менее они различаются. «Филе из говядины, первый сорт» и «первоклассный кусок мертвой коровы» так

же легко различаются, как и отождествляются. Отождествление нетождественного предполагает различение неразличимого.

Суждение «В. Скотт – автор романа „Waverley“» отлично от суждения «В. Скотт есть В. Скотт»: первое сообщает историко-литературный факт, а второе выражает не большие, чем обычный трюизм (Бертран Рассел).

Любой знак всегда может быть отождествлен с другим знаком и одновременно отличен от этого другого знака. Лингвист С.И. Карцевский формулирует как закон: *Всякий лингвистический знак в потенции одновременно является омонимом* [т.е. означает различное] *и синонимом* [т.е. означает тождественное].

Одна и та же мысль может быть выражена в различных фразах, как одна и та же фраза может служить выражением для разных мыслей (Лев Выготский).

Отождествление осуществляется даже в познавательных операциях механизмов самосохранения. Прикосновением к губам новорожденного младенца 28 часов жизни можно вызвать у него врожденный сосательный рефлекс. После этого (и только после этого) сосательный рефлекс можно вызвать прикосновением к другим участкам кожи: ко лбу, шее, подбородку и т.д. Значит, прикосновение ко лбу отождествляется с прикосновением к губам. Физиологи называют подобные эффекты генерализацией. Процесс, когда ранее отождествленные знаки начинают различаться, физиологи называют дифференциацией.

Если вы сделали из какого-нибудь определенного тона условный возбудитель пищевой реакции, то сначала, по образованию такого рефлекса, действуют не только все тона, кроме нашего, но и всякие другие звуки... Это общий факт (Иван Павлов).

Процесс отождествления искажает реальность, но зато он отбрасывает несущественные различия. Однако заранее неизвестно, что является существенным, а что – нет. Поэтому каким бы ни был алгоритм познания, результат его работы необходимо проверять, а для этого необходима обратная связь. Проверка всегда

осуществляется с помощью обратной связи. Мы упоминали об этом, говоря о гомеостазе. Для пояснения в качестве примера обратной связи рассмотрим процесс забивания гвоздя молотком.

Алгоритм кажется очевидным: бьем молотком по гвоздю. Но сколько раз? Заранее неизвестно. Желаемый результат – забитый гвоздь. Поэтому после удара надо проверять – гвоздь забит или еще нет. Эта проверка и есть обратная связь. Если результат проверки не соответствует желаемому результату (гвоздь не забит), то действие продолжается до тех пор, пока несоответствие не исчезнет. Образуется замкнутый контур взаимодействия, связывающий действие и результат этого действия. Упрощенно этот контур выглядит так: задается результат или требуемое значение какого-либо параметра, которое надо достигнуть; проверка на соответствие этого параметра наличной ситуации с требуемым, в случае несоответствия – действие; если несоответствие сохраняется – «петля обратной связи» – возврат назад к действию; прекращение действия в случае соответствия.

Основным элементом построения нервной системы является петля обратной связи (Джордж Миллер, Юджин Галантер, Карл Прибрам).

Алгоритм познания с петлей обратной связи образует замкнутый контур, который будем называть *познавательным контуром*. Есть принципиальная разница между познавательными операциями, осуществляемыми механизмами самосохранения, и процессами, осуществляемыми механизмами познания. Механизмам познания – в отличие от механизмов самосохранения – не может быть заранее задан результат, который они в итоге своей работы должны достигнуть. Нельзя сравнивать то, что должно получиться в результате познания, с тем, что реально получено. Работа познавательных контуров не может проверяться на соответствие полученного результата с требуемым. Поэтому в познавательных контурах проверка организуется принципиально иначе, чем в механизмах самосохранения.

Все познавательные контуры, тем не менее, работают так же автоматически, как и механизмы самосохранения. Их работа не осознается. Операции определения соответствия, т.е. отождествления нетождественного, как и любые другие познавательные операции, описываются как математические операции. Физиологический автомат в норме практически безошибочно выполняет требуемые операции по заданным алгоритмам. Ошибки необходимо возникают на более высоких уровнях обработки информации, на уровне психики и сознания.

Все бессознательные [т.е. автоматические] действия отличаются особой правильностью и первый луч пробудившегося сознания часто является подобно стержню, попавшему между спиц быстро и правильно вращающегося колеса (Дмитрий Мордухай-Болтовской).

Мы считаем, что способы познания, ведущие в итоге к осознанию, – сугубо математические преобразования, реализуемые физиологическими механизмами. Не случайно и физиологи, и математики строят модели разных происходящих в мозге процессов (будь то модели нейрона или нейронных сетей) как математические модели. Не удивляйтесь, что именно такая детерминистская позиция приведет нас к признанию свободы воли.

Продолжение следует ...